

ВОРОНЕЖСКИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

№ 3 (20). 2018

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

доктор юридических наук
М. О. Баев

доктор юридических наук
Е. Каспшак
(г. Ольштын, Польша)

доктор юридических наук
В. А. Мещеряков

кандидат
юридических наук
Т. Э. Кукарникова
(ответственный
секретарь)

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор):
Свидетельство о регистрации
средства массовой
информации ПИ
№ ФС77-60396
от 29 декабря 2014 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	5
Сазонникова Е. В. Вячеслав Иванович Батищев – криминалист, ученый, педагог (памяти учителя)	6

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Баева Н. А. Оказание юридической помощи доверителю в местах содержания под стражей	11
Баев М. О., Цурлуй О. Ю. О процессуально-тактической проблеме реализации адвокатом-защитником права на обжалование в досудебных стадиях уголовного судопроизводства	19
Боков С. Н. Юридикологический анализ отдельных положений законопроекта № 103372-7	25
Бычков В. В. Особенности производства отдельных следственных действий при расследовании преступлений экстремистского характера	32
Захарова В. О. Правовые и этические основы производства обыска и выемки	42
Ильин Н. Н. К вопросу о компетенции эксперта при производстве судебных экспертиз	46
Краснова Л. Б. Типичные способы совершения мошенничества в сфере компьютерной информации.....	52
Махов В. Н., Луценко П. А. О функциях следственного судьи и судьи, осуществляющего контроль в досудебных стадиях уголовного судопроизводства	57
Передерий В. А. Особенности расследования преступлений, совершенных с участием иностранных граждан	63
Пучнина М. Ю. Механизм склонения несовершеннолетних к суициду в «группах смерти»	68

Адрес редакции:
394006 Воронеж,
пл. Ленина, 10а, к. 611

Ведущий редактор
издательской группы
А. Ю. Игнатова

Подписано в печать
25.05.2018.
Формат 70×100/16.
Усл. п. л. 15,6.
Уч.-изд. л. 17,1.
Тираж 300. Заказ 22

Издательский дом ВГУ
394018 Воронеж,
пл. Ленина, 10

Отпечатано в типографии
Издательского дома ВГУ
394018 Воронеж,
ул. Пушкинская, 3

© Воронежский
государственный
университет, 2018
© Оформление,
оригинал-макет.
Издательский дом ВГУ, 2018

Савицкая И. Г. Вопросы участия понятых
в проведении осмотра места происшествия
по уголовным делам о нарушении правил дорожного
движения и эксплуатации транспортных средств 75

Хмелева А. В. И снова об оценке заключения эксперта... .. 80

КРИМИНАЛИСТИКА

Багмет А. М. Криминалистическая характеристика
рейдерства 88

Баев О. Я. О нескольких проблемах современной
отечественной криминалистики и возможных
направлениях их разрешения 96

Горский М. В. Последний раз о понятии «следственных
хитростей» 105

Ищенко Е. П. О российской антикриминальной
политике и ее криминалистической составляющей 112

Комаров И. М., Ян Е. И. Ситуационный подход
и его значение для расследования преступлений 122

Комбарова Е. Л. Суд как субъект криминалистической
тактики 133

Мещеряков В. А., Хорунжий С. Н. Актуальные
проблемы судебного исследования почерковых
объектов на современном уровне развития
компьютерных технологий 146

Пошвин А. Л. Возможности судебно-почерковедческих
диагностических исследований 154

Пучнин А. В. Оперативно-розыскные мероприятия
в перспективной следственной ситуации расследования
экономических преступлений, связанных со служебной
деятельностью 161

Саньков В. И. Актуальные вопросы криминалистической
тактики в трудах профессора Р. С. Белкина 167

Стояновский М. В. «Виктимологическая составляющая»
качества расследования преступлений 174

Яковлев А. Н. О тенденциях развития государственных
судебно-экспертных учреждений и ведомственных
экспертных лабораторий 183

Требования к материалам, направляемым в редакционную
коллегию журнала для опубликования 188

VORONEZH CRIMINALISTIC READINGS

№ 3 (20). 2018

FEDERAL SCIENTIFIC
AND PRACTICAL JOURNAL

EDITORIAL BOARD:

doctor of legal sciences

M. O. Baev

doctor of legal sciences

E. Kaspshak

(Olsztyn, Poland)

doctor of legal sciences

V. A. Meshcheryakov

candidate of legal sciences

T. E. Kukarnikova

(executive secretary)

CONTENTS

Introduction.....5

Sazonnikova E. V. Vyacheslav Ivanovich Batishchev –
criminalist, scientist, teacher (in memory of the teacher)6

CRIMINAL PROCESS

Baeva N. A. Provision of legal assistance to the trustee
in places of detention.....11

Baev M. O., Tsurluy O. Yu. On procedural and tactical
problems of implement of the right to appeal during pre-trial
stages of the criminal proceedings by defence lawyer 19

Bokov S. N. Legal-psychological analysis of certain
provisions of bill No. 103372-7..... 25

Bychkov V. V. Features of production of certain investigative
actions in the investigation of crimes of extremist nature..... 32

Zakharova V. O. Legal and ethics principles
of search and seizure..... 42

Ilyin N. N. To the question of competence of the expert
by production of judicial examinations..... 46

Krasnova L. B. Typical ways to commit fraud in the field
of computer informacion 52

Makhov V. N., Lutsenko P. A. About functions of the
investigative judge and judge exercising control
in pre-judicial stages of criminal legal proceedings 57

Peredery V. A. Peculiarities of investigation of crimes,
performed with participation of foreign citizens..... 63

Puchnina M. Yu. Mechanism of persuading of minors
to suicid in «the groups of death» 68

Savitskaya I. G. The participation of witnesses
in the production of crime scene examination in criminal
cases on violation of traffic rules and operation of vehicles.....75

Editorial address:
394018 Russia, Voronezh,
Lenin Sq., 10a, r. 611

Khmeleva A. V. And again about the evaluation
of the expert's conclusion...80

CRIMINALISTICS

Bagmet A. M. Criminalistic characteristic raiding88

Baev O. Ya. On several problems of the modern russian
criminalistics and possible ways of their resolution.....96

Gorsky M. V. The last time about the concept
of «investigative ruses» 105

Ishchenko E. P. On russian anti-criminal policy
and its criminalistic components 112

Komarov I. M., Jan E. I. The situational approach
and its importance for the investigation of crimes 122

Kombarova E. L. The court as the subject of criminalistic
tactics 133

Meshcheryakov V. A., Khorunzhiy S. N. Current problems
of judicial investigations handwriting facilities at the modern
level of development of computer technologies 146

Poshvin A. L. The possibilities of diagnostic judicial
handwriting studies during the process of criminal cases
investigation..... 154

Puchnin A. V. Operational-personal activities
in the perspective investigation situation of economic crimes
related to the official activity 161

San'kov V. I. Topical issues of criminal tactics in the writings
of professor R. S. Belkin 167

Stoyanovsky M. V. «Victimological component»
of the quality of crimes investigation 174

Yakovlev A. N. About trends of development
of state forensic-expert organizations and forensic-expert
laboratories of ministries 183

The requirements to the materials directed to an editorial board
of the journal for publication 188

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемые коллеги! Вынужден начать предисловие к очередному (двадцатому) выпуску «Воронежских криминалистических чтений» нетрадиционно, не так, как с момента основания и до последнего дня делал Олег Яковлевич Баев. Его предисловия, впрочем, как и все, что он делал, – образец искрящегося юмором (порой горького) творческого глубоко научного и лично выстраданного отношения к любому делу, в том числе его детищу – данному журналу.

О. Я. Баев очень хотел, чтобы очередной выпуск «Воронежских криминалистических чтений» был посвящен памяти его друга, выдающегося ученого профессора Вячеслава Ивановича Батищева, и мы не могли не исполнить данное желание. Олег Яковлевич одобрил бы это и поддержал. Следующий же выпуск мы, безусловно, считаем необходимым посвятить Ему! Его жизни, творчеству (потому что то, что делал он, просто наукой назвать невозможно). Приглашаем всех (в данном случае не только криминалистов и процессуалистов), кто любил (и любит), почитает, гордится, что был рядом, слушал и думал вместе с ним, принять участие в подготовке этого выпуска журнала.

Физик Лео Силард как-то сказал своему другу Хансу Бете, что думает начать вести дневник. «Публиковать его не собираюсь, буду всего лишь записывать факты для сведения Всевышнего». «Думаешь, Всевышний не знает фактов?» – спросил Бете. «Да, – ответил Силард, – факты он знает, но не знает их в этой интерпретации»^{*}.

Почему-то очень хочется верить, что сейчас и Вячеслав Иванович, и Олег Яковлевич, и Юрий Васильевич, и, к сожалению, очень многие наши великие учителя, встретившись Там, излагают Ему свою интерпретацию обдуманно выстраданного, и от этого нам здесь будет легче и лучше (а Олег Яковлевич сказал бы: «Лишь бы хуже не было!» Он был великим оптимистом!) Нам же пока остается давать свою интерпретацию, излагать свою позицию по тем или иным, как нам кажется, актуальным проблемам здесь, в том числе на страницах «Воронежских криминалистических чтений», за что всем спасибо.

Продолжая традицию, укажем, что далеко не во всех случаях редколлегия разделяет мнения (интерпретации фактов), высказанные в той или иной статье настоящего журнала, однако это ни в коей мере не снижает их актуальности, обоснованности и права на существование.

*Доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой криминалистики*

М. О. Баев

^{*} Фон Байер Ханс Христиан. Укрощение атома. Нью-Йорк, 1992. С. 223.

Е. В. Сазонникова

Воронежский государственный университет

**ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВИЧ БАТИЩЕВ –
КРИМИНАЛИСТ, УЧЕНЫЙ, ПЕДАГОГ
(памяти учителя)**

А н н о т а ц и я: *статья посвящена памяти доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста Российской Федерации В. И. Батищева – советского, российского криминалиста, ученого, педагога. На основе архивных данных сделан очерк о жизненном и профессиональном пути В. И. Батищева, показан его вклад в юридическую науку и практику.*

К л ю ч е в ы е с л о в а: *Батищев В. И., юридический факультет, криминалистика, высшее образование, Воронеж.*

**VYACHESLAV IVANOVICH BATISHCHEV –
CRIMINALIST, SCIENTIST, TEACHER
(in memory of the teacher)**

A b s t r a c t: *the article is devoted to the memory of doctor of law, professor, honored lawyer of the Russian Federation V. I. Batishchev – soviet, russian criminalist, scientist, teacher. On the basis of archival data an essay on the life and professional path of V. I. Batishchev is made, his contribution to the legal science and practice is shown.*

Key words: *Batishchev V. I., law faculty, forensic science, higher education, Voronezh.*

Поступила в редакцию 22 сентября 2017 г.

8 декабря 2017 г. исполнилось 85 лет со дня рождения доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста Российской Федерации Вячеслава Ивановича Батищева, без одного года 20 лет трудившегося на юридическом факультете ВГУ. Его имя навсегда вписано в летопись факультета.

Вехи биографии В. И. Батищева¹

Вячеслав Иванович Батищев родился в 1932 г. в Воронеже в многодетной семье. Его отец – Иван Федорович – продолжительное время работал судьей, мать – Мария Карповна – была домохо-

зяйкой. В связи с переводами отца по службе семья в разные годы проживала в Липецкой и Волгоградской областях.

В 1951 г. В. И. Батищев окончил 10 классов в г. Калаче-на-Дону и после окончания школы, избрав для начала своего профессионального становле-

© Сазонникова Е. В., 2018

ния военную стезю, поступил в Ростовское военно-дорожное училище, которое успешно закончил в 1954 г.

После окончания военно-дорожного училища проходил службу в воинской части в должности командира взвода. В 1956 г., когда во времена хрущевской оттепели было проведено масштабное сокращение личного состава Вооруженных сил СССР, В. И. Батищев был уволен из армии, переехал в Воронеж и в том же году поступил учиться в филиал Всесоюзного юридического заочного института. Студент Батищев совмещал учебу с работой в должности заведующего гаражом на заводе кузнечно-прессового оборудования имени М. И. Калинина, одном из старейших предприятий Воронежа.

По окончании первого курса учебы в Воронежском филиале ВЮЗИ в 1957 г. В. И. Батищев перевелся учиться на юридический факультет Ростовского государственного университета, обучение на котором успешно завершил в 1961 г. После окончания учебы он был направлен в прокуратуру Воронежской области. В органах прокуратуры служил в должностях стажера, следователя прокуратур Коминтерновского, Эртильского и Левобережного районов. С октября 1963 г. служил старшим следователем областной прокуратуры.

Член КПСС с 1958 г. В январе 1965 г. В. И. Батищев был назначен инструктором Воронежского городского комитета КПСС. В декабре 1969 г. по решению бюро Воронежского областного комитета КПСС направлен в органы внутренних дел. В Управлении внутренних дел Воронежского облисполкома трудился в должностях заместителя начальника, начальника следственного отдела, начальника следственного управления. Во время службы в следственных органах В. И. Батищев принимал активное участие в общественной жизни, являлся

заместителем секретаря парткома УВД Воронежского облисполкома, председателем группы народного контроля УВД. В партийно-служебной характеристике от 21 августа 1986 г. были отмечены такие профессиональные и личные черты В. И. Батищева, как прочная теоретическая подготовка, хорошие организаторские способности, настойчивость, трудолюбие, умелая работа с подчиненными. Еще во время службы в следственных органах В. И. Батищев активно включился в научную работу. В сфере его научных интересов была проблематика расследования уголовных дел о замаскированных хищениях социалистической собственности в крупных и особо крупных размерах, расследование групповых преступлений. В декабре 1979 г. решением Совета при Всесоюзном НИИ МВД СССР ему была присуждена ученая степень кандидата юридических наук (научный руководитель – профессор Л. М. Карнеева).

В 1986 г. в звании полковника В. И. Батищев уволился со службы в органах внутренних дел по выслуге лет; в этом же году он был принят на преподавательскую работу на юридический факультет Воронежского государственного университета, где трудился до конца своих дней сначала преподавателем кафедры уголовного права и криминалистики, после разделения которой на две – кафедру уголовного права и кафедру криминалистики и правовой информатики – остался работать на последней в должности старшего преподавателя, затем профессора кафедры криминалистики (название кафедры с 2000 г.).

В 1994 г. в Воронежском государственном университете В. И. Батищев защитил докторскую диссертацию на тему «Расследование неоднократных преступлений отдельных лиц и постоянных групп (процессуальные и криминалисти-

ческие основы)», в 1997 г. ему было присуждено ученое звание профессора.

Имея за плечами колоссальный опыт практической работы, будучи одним из ведущих лекторов-криминалистов на факультете, В. И. Батищев много сил и времени посвящал педагогической работе, имел большую аудиторную нагрузку, подготовил спецкурс «Розыск, дознание, следствие» и вел эти занятия у студентов выпускного курса.

Профессор В. И. Батищев входил в состав диссертационного совета, действовавшего на юридическом факультете ВГУ, представляя в нем специальность 12.00.09. Каждый год выпускники факультета поступали в аспирантуру к В. И. Батищеву. Под его научным руководством защитили кандидатские диссертации М. А. Асташов, А. Г. Мусеинов, Ю. В. Новикова, И. И. Ульвачева, С. Н. Хорунжий и др.

Вячеслав Иванович ушел из жизни после тяжелой продолжительной болезни 28 августа 2005 г. Его жизнь продолжилась в двух сыновьях и внуках.

По страницам публикаций В. И. Батищева

В. И. Батищев опубликовал более сорока научных трудов, в том числе несколько монографий². В своих работах он обращался к уголовно-процессуальным, организационным, криминалистическим и оперативно-розыскным вопросам. Труды профессора отличала яркая практико-ориентированная составляющая, в них были даны рекомендации, направленные на совершенствование работы следствия и прокуратуры.

В монографии «Раскрытие и расследование преступлений, совершенных одними и теми же лицами» была впервые предпринята попытка обосновать возможность раскрытия преступлений из

числа уголовных дел, приостановленных ввиду неустановления лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, были даны практические рекомендации по проведению следственных действий, направленных на соединение уголовных дел, рассмотрены процессуальный контроль и прокурорский надзор за соединением уголовных дел в следственных аппаратах.

В монографии «Постоянная преступная группа» было впервые дано криминалистическое понятие постоянной преступной группы и ее характеристика, предпринята попытка систематизировать возможные источники информации о действиях постоянной преступной группы, предложены рекомендации по выдвижению и проверке версий по нераскрытым преступлениям, совершенным такой группой.

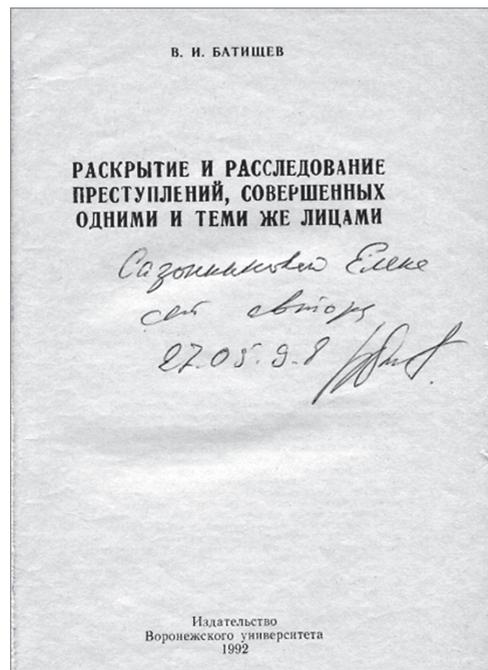
Закономерным итогом большой практической и научной работы В. И. Батищева стала подготовка и защита в 1994 г. диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук на тему «Расследование неоднократных преступлений отдельных лиц и постоянных групп (процессуальные и криминалистические основы)». В автореферате диссертации (Воронеж, 35 с.) изложены основные результаты проведенного научного исследования, достигнутой целью которого стало «формирование основ частной криминалистической теории и соответствующей методики раскрытия и расследования преступлений, неоднократно совершенных отдельными лицами, постоянными группами», формулирование практических рекомендаций о совершенствовании деятельности органов расследования в этом направлении (с. 5). Эмпирической основой диссертации явились данные расследованных уголовных дел по Воронежской, Белгородской, Курской и Липецкой областям,

собранные за несколько лет; автор подробно анализировал уголовно-процессуальное отечественное и зарубежное законодательство, а также практику процессуального контроля и прокурорского надзора за законностью расследования неоднократных преступлений отдельных лиц и постоянных групп. В структуре докторской диссертации пять глав: первая глава «Процессуальные основы расследования неоднократных преступлений»; вторая глава «Группировка и соединение уголовных дел как метод раскрытия неоднократных преступлений отдельных лиц и групп», третья глава «Постоянная преступная группа и источники информации о ней»; четвертая глава «Выдвижение и проверка версий по нераскрытым преступлениям, неоднократно совершенным постоянной группой», пятая глава «Вопросы следственной тактики, процессуального контроля и прокурорского надзора при группировке и соединении уголовных дел». Такая структура диссертации позволила, с одной стороны, исследовать общетеоретическую проблематику расследования неоднократных преступлений отдельных лиц и постоянных групп, а с другой стороны, уделить отдельное внимание наиболее сложным и часто встречающимся вопросам в практике расследования соответствующих уголовных дел.

Немного из моих воспоминаний

Мое знакомство с профессором В. И. Батищевым состоялось в 1998 г., через год после того, как я закончила обучение на юридическом факультете ВГУ. Тогда же профессор подарил мне свою монографию «Раскрытие и расследование преступлений, совершенных одними и теми же лицами» (Воронеж, 1992) с дарственной надписью и автографом: «Сазонниковой Елене от автора. 27.05.98».

В тот период я работала в реальном секторе экономики по специальности, но все больше крепло желание заниматься научной деятельностью. У меня была мечта поступить в аспирантуру. Однажды, случайно проходя мимо университета, я зашла в корпус юридического факультета и увидела спускающегося по лестнице профессора В. И. Батищева. Какая-то неведомая сила увлекла меня вслед за ним, я поздоровалась с профессором и сказала, что хочу учиться в аспирантуре, спросила у профессора о том, есть ли такая возможность. Этот первый разговор был совсем коротким. Вячеслав Иванович ответил мне очень просто, что если я действительно хочу учиться, то у него как раз есть место в заочной аспирантуре. Так я поступила в аспирантуру на кафедру криминалистики, годы учебы в которой всегда вспоминаю с большим теплом и благодарностью. В то время кафедрой криминалистики руководил профессор Олег Яковлевич Баев, под на-

чалом которого на кафедре царила добрая деловая и творческая атмосфера. Невозможно забыть очень внимательное отношение профессоров О. Я. Баева и В. И. Батищева ко всем без исключения студентам и аспирантам, ни разу ни один вопрос, обращенный к профессорам, не был оставлен без ответа, в общении ощущалось неподдельное внимание к обучающимся. На кафедре криминалистики всегда хотелось приходить, радостно было находиться в университетской среде. Доброта и участие профессоров были безграничны. Олег Яковлевич Баев разрешил всем аспирантам пользоваться кафедральными компьютерами для набора текста диссертации в любое время, когда им будет удобно и столько, сколько потребуется. Помню, когда Вячеслав Иванович Батищев узнал, что один из аспирантов в больнице, а родители его в другом городе, то попросил передать молодому человеку какую-то сумму денег, чтобы он мог купить себе фрукты и

что-нибудь из питания и быстрее выздоравливал.

В 2000 г. мое обучение в аспирантуре на кафедре криминалистики было завершено защитой кандидатской диссертации по специальности 12.00.09 на тему «Выделение уголовных дел как средство обеспечения неотвратимости ответственности при расследовании преступлений» в диссертационном совете юридического факультета ВГУ. Я безмерно благодарна моему научному руководителю профессору В. И. Батищеву, заведующему кафедрой профессору О. Я. Баеву, сотрудникам кафедры криминалистики за годы учебы в аспирантуре, путевку в научную жизнь и полученные знания.

В. И. Батищев всегда интересовался тем, как складывалась жизнь у его учеников после учебы, был очень внимательным и чутким человеком. Вспоминается его ободряющее «ну, бывай» (так говорил Вячеслав Иванович вместо «до свидания», напоследок).

¹ См.: Личное дело В. И. Батищева в архиве Воронежского государственного университета; фото В. И. Батищева, размещенное на сайте Конгресса криминалистов. URL: <http://crimcongress.com/tag/batishhev> (дата обращения: 16.09.2017).

² См.: *Батищев В. И.* Обеспечение эффективного расследования преступлений группировкой и соединением уголовных дел. Воронеж, 1990; *Его же.* Раскрытие и расследование преступлений, совершенных одними и теми же лицами. Воронеж, 1992; *Его же.* Постоянная преступная группа. Воронеж, 1994. В тексте приводятся аннотации монографий.

Воронежский государственный университет

Сазонникова Е. В., доктор юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права

E-mail: sazon75@mail.ru

Tel.: 8 (473) 220-83-78

Voronezh State University

Sazonnikova E. V., Doctor of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law

E-mail: sazon75@mail.ru

Tel.: 8 (473) 220-83-78

УДК 343.1

Н. А. Баева

Центральный филиал Российского государственного университета правосудия

ОКАЗАНИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ ДОВЕРИТЕЛЮ В МЕСТАХ СОДЕРЖАНИЯ ПОД СТРАЖЕЙ

А н н о т а ц и я: в статье рассмотрен сравнительно-правовой аспект нормативно-правового и нормативного регулирования оказания квалифицированной юридической помощи доверителю в местах содержания под стражей.

К л ю ч е в ы е с л о в а: адвокатура, уголовное судопроизводство, квалифицированная юридическая помощь, адвокат-защитник.

PROVISION OF LEGAL ASSISTANCE TO THE TRUSTEE IN PLACES OF DETENTION

A b s t r a c t: the article deals with the comparative legal aspect of the normative and legal and regulatory regulation of the provision of qualified legal assistance to a trustee in places of detention.

Key words: advocacy, criminal justice, qualified legal aid, defense lawyer.

Поступила в редакцию 16 октября 2017 г.

Основная цель адвокатской деятельности, закрепленная в Федеральном законе от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», состоит в защите прав, свобод и интересов доверителей. Применительно к уголовно-процессуальным отношениям эта цель приобретает конкретные очертания и правовые инструменты ее достижения. Согласно УПК РФ, защитник выступает на стороне подозреваемого, обвиняемого, выполняя соответствующую процессуальную функцию, при этом полномочия защитника обусловлены правами процессуального субъекта, которому адвокат оказывает квалифицированную юридическую помощь. Статьи 46 и 47 УПК РФ, перечисляя права подозреваемого и обвиняемого, закрепляют право-

вую возможность получения помощи со стороны защитника, в том числе посредством личного взаимодействия, которые в уголовно-процессуальном законодательстве поименованы лексемой «свидание»: п. 3 ч. 4 ст. 46 УПК РФ – «...свидание с ним наедине и конфиденциально...», п. 9 ч. 4 ст. 47 УПК РФ – «...свидания с защитником наедине и конфиденциально...».

Этот «процессуальный роман» продолжается в Федеральном законе от 15 июля 1995 г. № 103 «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», который призван обеспечивать условия осуществления прав и законных интересов лиц, находящихся в статусе подозреваемых или обвиняемых, содержащихся под стражей в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы, изо-

© Баева Н. А., 2018

ляторях временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел, изоляторах временного содержания подозреваемых и обвиняемых пограничных органов федеральной службы безопасности и в других местах содержания под стражей. В своей основе закон о содержании под стражей имеет конституционные принципы, принятые в международной практике обращения с подозреваемыми и обвиняемыми. Поскольку подозреваемые и обвиняемые в соответствии с нормами Конституции РФ и УПК РФ имеют право на получение квалифицированной юридической помощи со стороны адвоката, закон о содержании под стражей определяет и порядок взаимодействия адвоката-защитника со своим доверителем. Статья 18 Закона о содержании под стражей, поименованная «Свидания с защитником, родственниками и иными лицами», определяя порядок внешних сношений лиц, содержащихся под стражей, в один ряд ставит адвоката – процессуального субъекта, исполняющего одну из функций, предусмотренную состязательным судопроизводством, и родных (близких или иных лиц), которые объединены принципиально иными связями с подозреваемым (обвиняемым).

Причины дисбаланса в положении профессиональных участников со стороны обвинения и защиты, которое сложилось в настоящее время, помогает выявить сравнительно-правовой анализ законодательства России о содержании под стражей и порядке взаимодействия защитника с доверителем в пореформенный период и в последующие годы формирования правового института уголовной защиты, поскольку мы связываем этот процесс с принятием Судебных уставов. В период своего становления русская присяжная адвокатура прошла несколько этапов: первый этап – преувеличение значения защиты как самой

надежной гарантии правосудия (с середины 60-х гг. XIX в. (введение института присяжных поверенных) до середины 70-х гг. XIX в. (начало контрреформ, значительно снизивших уровень квалификации поверенных)). Второй этап характеризуется некоторым снижением внимания к правозащите по общеуголовным преступлениям и усилением активности присяжной адвокатуры по политическим делам. Успешная уголовная защита в политических процессах, на которых предавались суду преимущественно революционеры-террористы, а с 1880 г. народовольцы, создавала угрозу политическому строю. Значительная часть дел о преступлениях против государственного строя и управления рассматривалась в административном порядке, но даже при таких условиях период с 1878 по 1882 г. отмечен большим количеством судебных процессов и сопоставим только с периодом, примыкающим к Первой русской революции 1905–1907 гг. В 1878 г. было отмечено 20 процессов, в 1879 г. – 30, в 1880 г. – 33, в 1881 г. – 16, в 1882 г. – 21¹. Третий этап начался примерно во второй половине 80-х гг. XIX в., когда негативное отношение широких кругов русского общества к адвокатам (стряпчим, присяжным поверенным, частным поверенным) как к корыстному сословию, желающему погреть руки на чужой беде, было подкреплено реактивной политикой государства, стремившегося подчинить опасную в процессуальном и политическом аспекте деятельность защитников интересам самодержавия. Определенную роль в негативном восприятии адвокатуры сыграли сами поверенные. Слабый дисциплинарный контроль со стороны Советов присяжных поверенных приводил к небрежному исполнению и даже уклонению от защиты, а некоторые решения Советов наносили ущерб интересам доверителей, правосудия и адвока-

туры в целом. Так, на этапе становления присяжной адвокатуры Санкт-Петербургский Совет ставил вопрос об обязательном посещении подсудимого в местах содержания под стражей для определения правовой позиции по делу, но впоследствии дисциплинарная практика показала, что, по мнению корпорации, посещение подсудимого – это право, а не обязанность присяжного поверенного (в 1882 г. Московский Совет, рассмотрев сообщение товарища председателя суда о пассивной позиции присяжного поверенного и фактическом отстранении от защиты, не принял в отношении присяжного поверенного мер дисциплинарного характера).

Законодательство Российской империи конца XIX – начала XX в., по мнению товарища обер-прокурора Уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената, профессора И. Я. Фойницкого, «относится к защитникам с недоверием, которое было естественным результатом взгляда на них как на представителей частного интереса подсудимого»², не допуская защитников ни в предварительном следствии, ни в производстве о предании суду, т. е. законодательство Российской империи допускает оказание квалифицированной юридической помощи со стороны присяжных поверенных только лицам, находящимся под судом.

Свод Учреждений и Уставов о содержащихся под стражей 1767 г. с изменениями и продолжениями (по терминологии дореволюционного периода) по состоянию на 1910 г. (том 14 Свода законов Российской империи) предполагал, что содержание под стражей, помимо прочего (как мера исправления и наказания; мера, применяемая к неисправимым должникам, и т. д.), применяется как мера пресечения в отношении лиц, обвиняемых в преступлениях и проступ-

ках, препятствующая уклонению от следствия и суда. Эта норма системно связана с положением, закрепленным в ст. 416 Устава уголовного судопроизводства, которое предполагало взятие под стражу для воспрепятствования обвиняемым уклоняться от следствия.

Анализ законодательства пореформенного периода, регулирующего взаимодействие лиц, содержащихся под стражей со следователями, защитниками, судом, родными и близкими, позволяет сделать вывод о том, что профессиональные участники уголовного судопроизводства обладали правами, обусловленными соответствующей процессуальной функцией и принципиально отличались от правового положения близких лиц, что находит свое подтверждение и в структурном расположении соответствующих норм, и в применяемой терминологии.

Устав о содержащихся под стражей в ст. 142 главы «О помещениях для подвергаемых аресту» предполагает, что «свидание с родственниками допускается лишь в определенные для того дни и часы». Глава «Особые положения о содержании приговоренных к заключению в тюрьме в наказание за преступления и проступки» содержит ст. 268, в которой указано следующее: «дозволяется свидание с семьями и родственниками» по воскресеньям и в дни христианских праздников «однакож не иначе, как в присутствие тюремных чиновников». Глава «О содержащихся под стражей при полиции и в тюрьмах» в разделе «О порядке представления арестантов из тюрем в присутственные места» в ст. 257 определяет: «Если арестант, в тюрьме содержащийся, нужен будет присутственному месту или должностному лицу для допроса, для очной ставки и тому подобного, то оно должно послать о присылке его требование к Начальнику (Смотрителю) тюрьмы».

Упоминания о каких-либо сношениях лиц, находящихся под следствием и судом, с присяжными поверенными в Уставе о содержащихся под стражей не имеется. Правовых возможностей получения объяснения со стороны подзащитного, проведения консультации, согласования правовой позиции в законодательстве о присяжных поверенных не закреплено. Следует предположить, что присяжные поверенные в этом вопросе в некоторой степени приравнивались по своему статусу к судебным чиновникам, поскольку глава «О присяжных поверенных» помещена в раздел 9 «О лицах, состоящих при судебных местах» законодательного акта «Учреждение судебных установлений». Перечисляя права, обязанности и ответственность присяжных поверенных, этот закон не упоминает о процессуальной возможности взаимодействия с заключенным. Единственный нормативный правовой акт, регулирующий процессуальные возможности стороны защиты, это Устав уголовного судопроизводства (далее – УУС), в соответствии с которым после предварительного рассмотрения окружным судом проведенного расследования делу дается дальнейший ход и председатель суда дает распоряжение о передаче подсудимому копии обвинительного акта и списка лиц, которых предполагается вызвать в суд (ст. 556 УУС). В семидневный срок подсудимый должен определиться с избранием защитника и лицами, которые могут быть вызваны в качестве свидетелей со стороны защиты (ст. 557 УУС). В качестве защитников могут выступать как присяжные поверенные, так и лица, которым не воспрещено ходатайство по чужим делам (ст. 565 УУС). Председатель суда своим распоряжением допускает защитника к исполнению обязанностей. С этого момента защитник получает разрешение председателя суда «объяснять-

ся наедине с подсудимым, содержащимся под стражей» (ст. 569 УУС).

Таким образом, доступ к защитнику был возможен только по завершении предварительного следствия и передаче дела на рассмотрение в суд; допуск защитника к участию в деле осуществлялся особым распоряжением председателя суда; встречи защитника и подсудимого (консультации) проходили в условиях относительной конфиденциальности и без ограничений; родственники лиц, находящихся под следствием и судом, не имели право на встречи (свидания); встречи (свидания) с лицами, содержащимися под стражей за преступления и проступки, были возможны в определенные дни и часы под надзором тюремной администрации.

Специальная литература пореформенного периода, представленная теоретическими работами и защитительными речами выдающихся присяжных поверенных, содержит упоминания о посещениях присяжными поверенными заключенных в местах содержания под стражей. Так, Санкт-Петербургским окружным судом в марте 1870 г. разбиралось дело об убийстве фон Зона. Речь В. Д. Спасовича в защиту Авдеевой содержит ссылку на подготовительную работу, которую провел защитник перед процессом: «Вот те вопросы, с которыми я шел к моей клиентке в тюрьму, слушал ее, изучал, с которыми я следил за нею и на судебном следствии»³. Дело Дмитриевой слушалось в Рязанском окружном суде с участием присяжных заседателей в январе 1871 г., защиту Дмитриевой осуществлял А. И. Урусов. Фрагмент его речи содержит упоминание о встрече с ее родственником Каструбо-Карицким: «Итак, свидание с Дмитриевой было необходимо. Оно и состоялось в цейхгаузе острога, что подтверждено свидетельскими показаниями...»⁴.

Принципиальное отличие свиданий с родными и близкими от консультаций (в широком смысле) с присяжными поверенными в законодательстве Российской империи очевидно: применяемая терминология, расположение в источниках права норм, регулирующих соответствующие правоотношения, содержание этих норм указывают на понимание роли и места защитника как профессионального участника уголовного судопроизводства. Возможность защитника, закрепленная в ст. 569 УУС, «объясняться наедине с подсудимым, содержащимся под стражей», не что иное, как проведение консультации с доверителем. В справочной литературе начала XX в. есть упоминание о деятельности присяжных поверенных в отношении своих доверителей, которая может осуществляться в специально учрежденных консультациях присяжных поверенных и их помощников «для подачи юридических советов», т. е. консультирования по вопросам права⁵. Консультация (от лат. *consultatio* – совещание, *consultare* – совещаться, советоваться; заботиться) в современном русском языке имеет аналогичное значение, одно из которых – совет, разъяснение специалиста по какому-либо вопросу⁶. Полагаем, что корпус русского языка конца XIX – начала XX в. в этой части вполне понятен, приемлем и может быть использован в профессиональном контексте в законах и подзаконных нормативных актах.

Законодательство первых лет советской власти именно так и восприняло наследие пореформенного периода в вопросах формирования правовой основы деятельности защитника в уголовном судопроизводстве. Можно заметить очевидную преемственность в вопросах допуска защитника для оказания юридической помощи с законодательством предшествующего периода. УПК РСФСР 1922 г. по-прежнему решает вопрос о до-

пуске защитника одновременно с рассмотрением вопроса о предании обвиняемого суду и предоставляет это право суду (ст. 247 УПК РСФСР 1922 г.). С момента допущения или назначения защитника «народный судья разрешает ему объясниться с подсудимым, находящимся под стражей» (ст. 256 УПК РСФСР 1922 г., ст. 252 УПК РСФСР 1923 г.).

Принципиальные изменения произошли во второй половине XX в. с принятием УПК СССР 1960 г. Защитник допускается к участию в деле с момента предъявления обвинения, объявления протокола задержания или постановления о применении меры пресечения в виде содержания под стражей (ст. 47 УПК СССР 1960 г.). С момента допуска к участию в деле в соответствии с нормой ст. 51 УПК СССР 1960 г. защитник получает право «иметь с подозреваемым и обвиняемым свидания наедине без ограничения их количества и продолжительности». Именно в этом нормативном правовом акте закрепляется давно определившийся подход тоталитарного государства к определению сущности защитника как процессуального лица: адвокат вступает в дело только после процессуального решения следователя, что в состязательном процессе выглядит абсурдно, взаимодействие адвоката с доверителем поименовано «свидание», что подразумевает его смещение с позиции профессионального участника уголовного судопроизводства на место родных и близких лиц, которым, как и адвокату, возможность свидания предоставляет следователь – профессиональный оппонент стороны защиты в уголовном деле.

Действующий УПК РФ продолжает традицию, сформировавшуюся в советский период, когда наряду с общепринятыми международно-правовыми стандартами обеспечения права на защиту в уголовном судопроизводстве, закреплен-

ными в Конституции РФ 1993 г., процессуальный кодекс содержит нормы, которые выхолащивают принципы состязательности и равенства сторон, разграничения функций и процессуальной независимости участников уголовного судопроизводства. Изменения, внесенные в УПК РФ по предложению Президента РФ и вступившие в силу с 1 июня 2017 г., в некоторой степени позволяют преодолеть сложившееся на практике пренебрежение правами адвокатов. Это касается не только усиления гарантий законности при осуществлении следственных действий в отношении адвоката (п. 5.2 ч. 2 ст. 29 УПК РФ – исключительно судебное решение о производстве обыска, осмотра и выемки в отношении адвоката и регламентация самой процедуры – ст. 450.1 УПК РФ), но и такого «незначительного» изъятия из ст. 49 и 53 УПК РФ понятия «допуск адвоката к участию в уголовном деле в качестве защитника» и нормативного закрепления участия, а не допуска адвоката-защитника. Полагаем, что законодателю следовало быть более последовательным в вопросе обеспечения профессиональных прав адвокатов и подвергнуть редакции ч. 1 ст. 45 УПК РФ, исключив возможность интерпретации нормы о допуске адвоката-представителя.

Удаление из Уголовно-процессуального кодекса одного архаизма («допуск»), изжившего себя с принятием Конституции РФ 1993 г., необходимо подкрепить изъятием из законов и подзаконных нормативных актов лексемы «свидание», применяемой по отношению к процессуальному взаимодействию адвоката с доверителем.

Помимо УПК РФ лексема «свидание» активно используется в подзаконных нормативных актах: Приказ Минюста России от 14 октября 2005 г. № 189 (в ред. от 21.07.2016) «Об утверждении Правил внутреннего распорядка след-

ственных изоляторов уголовно-исполнительной системы»; Приказ МВД России от 22 ноября 2005 г. № 950 (в ред. от 18.10.2012) «Об утверждении Правил внутреннего распорядка изоляторов временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел»; Приказ ФСБ РФ от 24 марта 2010 г. № 140 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка в изоляторах временного содержания подозреваемых и обвиняемых пограничных органов».

Во всех перечисленных подзаконных актах нормы, регламентирующие порядок взаимодействия адвоката с доверителем, помещены в разделы, определяющие порядок проведения свиданий с родственниками и иными лицами (Раздел XVI «Проведение свиданий подозреваемых и обвиняемых с защитником, родственниками и иными лицами» Приказа Минюста России от 14 октября 2005 г. № 189; Раздел XVI «Проведение свиданий подозреваемых и обвиняемых с защитником, родственниками и иными лицами» Приказа МВД России от 22 ноября 2005 г. № 950; Раздел XIV «Порядок проведения свиданий подозреваемых и обвиняемых с защитником, родственниками и иными лицами» Приказа ФСБ РФ от 24 марта 2010 г. № 140). В отношении адвокатов условия оказания юридической помощи и в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы, и в изоляторах временного содержания органов внутренних дел и пограничных органов в целом соответствуют законодательству: наедине, без разделительной перегородки, без ограничения продолжительности или количества, в условиях конфиденциальности (ст. 145, 135, 107 соответствующих актов), но в некоторых случаях возникают недопустимые, с точки зрения законодательства, нарушения профессиональных прав адвокатов и прав подозреваемых и обвиняемых на защиту.

Полагаем, что объединение порядка проведения свиданий с родственниками с порядком проведения правовых консультаций адвокатом приводит к извращению смысла правозащитной деятельности. Правовой статус указанных лиц принципиально отличается; основания возникновения необходимости встреч не имеют ничего общего (адвокат, руководствуясь законными интересами своего доверителя, формирует правовую позицию по делу, определяет стратегию и тактику защиты, оказывает квалифицированную юридическую помощь, а родственники приходят на свидание, чтобы оказать психологическую поддержку близкому человеку); правовая основа этих правоотношений у адвоката и родственников не совпадают (адвокат предъявляет ордер на участие в деле и удостоверение адвоката, родственники должны получить разрешение на свидание у следователя, в производстве которого находится дело, и предъявить паспорт); обстоятельства проведения встреч в следственном изоляторе и в изоляторе временного содержания, закрепленные в законах и подзаконных актах, у адвокатов-защитников и родственников соответствуют тем уголовно-процессуальным возможностям, которые в первом случае необходимы для реализации права на защиту по конкретному делу, а во втором не имеют отношения к разрешению дела по существу.

Регулирование правоотношений, связанных с реализацией профессиональных прав адвокатов в местах содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых, не соответствует стандартам, закрепленным в Конституции РФ, и свидетельствует о состоянии юридической техники, соответствующей уровню правовой культуры, характерному для недемократического и неправового государства: юридические термины и юридические конструк-

ции (технические средства) несут на себе печать устаревших тенденций, усиливающих контроль со стороны отдельных должностных лиц, получивших возможность самостоятельно интерпретировать нормы законодательства в ущерб их конституционно-правовому значению; такие технические правила, как последовательность в изложении информации, взаимосвязь, согласованность, внутреннее единство норм правового института оказания юридической помощи в местах содержания под стражей не в полной мере соблюдаются законодателем; технические приемы, применяемые при формировании Закона о содержании под стражей и подзаконных ведомственных нормативных актов, закрепляют противоречивость позиции законодателя в структурной организации исследованных нами нормативно-правовых и нормативных актов.

Законодательство, регулирующее вопросы реализации профессиональных прав адвоката, требует структурной переработки. Необходима сепарация норм, регулирующих профессиональное взаимодействие адвоката с доверителями (подозреваемыми и обвиняемыми, содержащимися под стражей) и с сотрудниками следственных изоляторов и изоляторов временного содержания, в отдельные статьи. Из нормативных правовых актов и подзаконных актов следует устранить устаревшие нормы права и лексемы, препятствующие эффективно и адекватно применению положений, закрепленных в Конституции РФ.

В целях реализации права на получение квалифицированной юридической помощи в местах содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых следует обеспечить согласованность и логичность правовых норм, закрепленных в Конституции РФ, законах и ведомственных подзаконных актах. Необходи-

мо ликвидировать пробелы, детализировав в Законе о содержании под стражей и в соответствующих приказах предел вмешательства сотрудников следственных изоляторов и изоляторов временного содержания в законную деятельность адвокатов и ввести уголовную ответственность за препятствование законной деятельности адвоката; обозначить в соответствующих ведомственных подзаконных актах обязанности администрации по обеспечению условий конфиденциальности консультаций, реализации положений института адвокатской тайны в целях обеспечения реализации гарантированных Конституцией РФ прав лиц, содержащихся под стражей.

Поскольку исследуемые правоотношения предполагают активные действия самих адвокатов, следует обратить внимание на профессиональный уровень защитников. ФПА РФ постоянно обращается к этому вопросу. В 2007 г. был разработан документ (Положение о единой

методике профессиональной подготовки и переподготовки адвокатов и стажеров адвокатов от 30 ноября 2007 г.), конкретизировавший требование Закона об адвокатуре об обязательном повышении квалификации. В настоящее время корпорация готовит Стандарт повышения квалификации адвокатов, который должен учитывать категорию адвоката и специфику его деятельности при определении целей и задач обучения. В качестве средства объективного контроля результата переподготовки планируется ввести тестирование. Корпоративный контроль за уровнем квалификации адвоката-защитника, сопряженный с приведением уголовно-процессуального и ведомственного законодательства в соответствие с конституционными принципами защиты прав граждан, будет способствовать реализации права на получение квалифицированной юридической помощи доверителям в местах содержания под стражей.

¹ См.: *Троицкий Н. А.* Адвокатура в России и политические процессы 1866–1904 гг. Тула, 2000. С. 273–274.

² Защита в уголовном процессе как служение общественное // Новая адвокатская газета. 2017. № 12 (Приложение). С. 3.

³ *Спасович В. Д.* Избранные труды и речи. Тула, 2000. С. 217.

⁴ Судебные речи известных русских юристов. М., 1956. С. 533.

⁵ См.: *Малый энциклопедический словарь*: в 4 т. СПб., 1909. Т. 2. Ст. 123, Ст. 1083.

⁶ См.: *Современный словарь иностранных слов*. М., 1992. С. 303.

Центральный филиал Российского государственного университета правосудия

Баева Н. А., кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права

E-mail: baeva.nata@mail.ru
Тел.: 8-919-185-94-25

Central Branch of the Russian State University of Justice

Baeva N. A., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Process

E-mail: baeva.nata@mail.ru
Tel.: 8-919-185-94-25

М. О. Баев

Воронежский государственный университет

О. Ю. Цурлуй

Центральный филиал Российского государственного университета правосудия

О ПРОЦЕССУАЛЬНО-ТАКТИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМЕ РЕАЛИЗАЦИИ АДВОКАТОМ-ЗАЩИТНИКОМ ПРАВА НА ОБЖАЛОВАНИЕ В ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Аннотация: право на обжалование является конституционным и реализуется в ходе уголовного судопроизводства как самим подозреваемым/обвиняемым, так и их защитником. Реализация данного права защитника должна быть тактически эффективной. Не редки случаи злоупотребления данным правом со стороны защиты. Авторы попытались сформулировать рекомендации по обжалованию действий (бездействия) и решений должностных лиц в досудебном производстве по уголовному делу.

Ключевые слова: право на обжалование, адвокат-защитник, процессуальное действие, процессуальное решение.

ON PROCEDURAL AND TACTICAL PROBLEMS OF IMPLEMENT OF THE RIGHT TO APPEAL DURING PRE-TRIAL STAGES OF THE CRIMINAL PROCEEDINGS BY DEFENCE LAWYER

Abstract: the right to appeal is a constitutional one and is being implemented in the criminal proceedings both by the suspect/accused and their defence-lawyer. The implementation of such right by defence-lawyer must be tactically effective. The cases of abuse of this right by the defense-lawyer are not rare. The authors tried to formulate the recommendations for the appeal of actions (inaction) and decisions of officials in pre-trial proceedings in a criminal case.

Key words: right to appeal, defence-lawyer, procedural actions, procedural decision.

Поступила в редакцию 16 октября 2017 г.

Лучшая защита – это защита законом¹.

П. Сергеев

Реализация адвокатом-защитником, осуществляющим в установленном уголовно-процессуальным законом порядке защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых и оказывающим им юридическую помощь при производстве по уголовному делу, своих полномочий

основывается на системе принципов. Главным из них выступает принцип «не навреди», выражающийся в том, что реализация адвокатом-защитником своих процессуальных полномочий ни в коем случае не должна усугублять положения подзащитного относительно предъявленного ему обвинения (возникшего подозрения) в совершении преступления

© Баев М. О., Цурлуй О. Ю., 2018

и его обоснованности; как минимум она должна быть по отношению к этим параметрам нейтральна. Более того, адвокат-защитник должен отстаивать все не противоречащие закону интересы подзащитного².

К основным субъективным правам обвиняемого (подозреваемого) в первую очередь следует отнести те из них, которые дают возможность, помимо прочего, добиваться отмены или изменения незаконных и (или) необоснованных процессуальных решений органов предварительного расследования, прокурора, суда³.

Положениями ч. 3 ст. 6 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» предоставляются адвокату осуществлять любые полномочия, не противоречащие законодательству в целях разумного, честного и добросовестного отстаивания прав и законных интересов доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами.

Отраслевым федеральным законодательством предусмотрен конкретный порядок обращения адвоката в государственные органы, к должностным лицам и в суд в интересах представляемого ими лица при наличии соответствующих оснований.

В рамках уголовного судопроизводства адвокату-защитнику подозреваемого, обвиняемого п. 10 ч. 1 ст. 53 УПК РФ предоставлено право приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, прокурора, суда и участвовать в их рассмотрении судом.

Следует отметить, что из текста соответствующих статей УПК РФ усматривается, что закон, не говоря об обя-

занностях защитника, лишь закрепляет некоторые ограничения, запреты на его участие в этом качестве по уголовному делу. Однако без достаточно четкого и подробного установления уголовно-процессуального статуса защитника крайне затруднительно (если в принципе возможно) оценить качество осуществленной конкретным адвокатом защиты по конкретному уголовному делу⁴.

Анализ адвокатской практики приводит к выводу о недобросовестном подходе отдельных адвокатов-защитников к реализации полномочий по обжалованию процессуальных действий (бездействия) и решений должностных лиц и органов, осуществляющих досудебное производство по уголовным делам. Допуская разнообразные тактические цели реализации защитником права на обжалование на досудебных стадиях судопроизводства, помимо собственно цели признания действия (бездействия) и решения незаконным и необоснованным, следует отметить, что нарушение процедуры подачи жалоб адвокатами недопустимо.

В связи с частными случаями направления адвокатами жалоб на действия (бездействие) и решения дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, прокурора, суда депутатам Государственной Думы Федерального собрания РФ, членам Совета Федерации Федерального собрания РФ, а также нарушением адвокатами инстанцииности и подачи указанного вида жалоб напрямую Генеральному прокурору РФ, в Верховный суд РФ, министру внутренних дел РФ, Председателю Следственного комитета РФ возникла необходимость разъяснения видов, способов, порядка и оснований обжалования на досудебных стадиях уголовного судопроизводства.

Некорректное обжалование действий (бездействия) и решений дознава-

теля, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, прокурора, суда представляет имитацию оказания юридической помощи доверителю по уголовному делу и фактически ненадлежащее исполнение адвокатом-защитником своих полномочий по защите подозреваемого, обвиняемого, что влечет нарушение норм Кодекса профессиональной этики адвоката от 31 января 2003 г.

Не следует осуществлять лишние, нерациональные, не влекущие за собой какого-либо положительного для подзащитного результата действия, демонстрирующие непрофессионализм адвоката-защитника и предоставляющие доверителю основания для негативного отношения к осуществлению защитником своих полномочий и инициированию дисциплинарных производств в отношении адвоката. В случаях когда доверитель настаивает на жалобах и обращениях к должностным лицам и в органы, порядок подачи которых не предусмотрен уголовно-процессуальным законом, адвокат-защитник обязан разъяснить лицу, чьи интересы он защищает, отсутствие правовой возможности и нецелесообразность подобных действий, избегая тем самым фамильярных отношений с доверителем.

Право на обжалование процессуальных действий (бездействия) и решений представляет собой предусмотренную процессуальным законом возможность принесения жалобы в установленный законом срок надлежащим должностным лицам (или в государственные органы). Праву обжалования в уголовном судопроизводстве соответствует обязанность руководителя следственного органа, прокурора и суда при поступлении жалобы проверять законность и обоснованность обжалуемых действий (бездействия) и решений и принять соответствующие меры реагирования.

Право на обжалование действий (бездействия) и решений должностных лиц и государственных органов, в частности, может быть реализовано посредством обращения заявителя к вышестоящему процессуальному органу или должностному лицу, обладающему правомочием надзора или контроля за действиями и (или) решениями нижестоящих процессуальных органов и должностных лиц, правом дачи обязательных для исполнения указаний или же императивным полномочием к непосредственному восстановлению нарушенного права, свободы, интереса:

- начальнику подразделения дознания,
- руководителю следственного органа,
- надзирающему прокурору,
- в суд как орган контроля, вышестоящий суд;
- в национальные органы конституционного правосудия;
- Европейский суд по правам человека;
- в комиссии по помилованию;
- к Президенту РФ.

Согласно ст. 19 УПК РФ действия (бездействие) и решения суда, прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания и дознавателя могут быть обжалованы в порядке, установленном главой 16 УПК РФ.

На основании ст. 123 УПК РФ действия (бездействие) и решения дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа, прокурора и суда могут быть обжалованы в установленном настоящим Кодексом порядке участниками уголовного судопроизводства, а также иными лицами в той части, в которой производимые процессуальные действия

и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы, а также при нарушении разумных сроков уголовного судопроизводства в ходе досудебного производства по уголовному делу.

Порядок рассмотрения жалобы прокурором, руководителем следственного органа регламентирован ст. 124 УПК РФ, в соответствии с положением которой прокурор, руководитель следственного органа рассматривает жалобу в течение 3 суток со дня ее получения. В исключительных случаях, когда для проверки жалобы необходимо истребовать дополнительные материалы либо принять иные меры, допускается рассмотрение жалобы в срок до 10 суток, о чем извещается заявитель. По результатам рассмотрения жалобы прокурор, руководитель следственного органа выносит постановление о полном или частичном удовлетворении жалобы либо об отказе в ее удовлетворении.

В случаях, предусмотренных УПК РФ, дознаватель, следователь вправе обжаловать действия (бездействие) и решения прокурора или руководителя следственного органа соответственно вышестоящему прокурору или руководителю вышестоящего следственного органа.

В соответствии с ч. 5 ст. 39 УПК РФ полномочия руководителя следственного органа, предусмотренные настоящей статьей, осуществляют:

- Председатель Следственного комитета Российской Федерации;
- руководители следственных органов Следственного комитета Российской Федерации по субъектам Российской Федерации;
- руководители следственных органов Следственного комитета Российской Федерации по районам, городам, их заместители;
- руководители следственных органов соответствующих федеральных ор-

ганов исполнительной власти (при соответствующих федеральных органах исполнительной власти), их территориальных органов по субъектам Российской Федерации, по районам, городам, их заместители;

– иные руководители следственных органов и их заместители, объем процессуальных полномочий которых устанавливается Председателем Следственного комитета Российской Федерации, руководителями следственных органов соответствующих федеральных органов исполнительной власти (при соответствующих федеральных органах исполнительной власти).

Учитывая вертикальную иерархию руководителей следственных органов, первоначально жалобы подают руководителю следственного органа, осуществляющего досудебное производство по уголовному делу, а только в последующем вышестоящему руководителю следственного органа. Жалоба в порядке ст. 124 УПК РФ подается Председателю Следственного комитета РФ, а министру внутренних дел РФ подается после обжалования нижестоящим руководителям следственных органов с соблюдением вертикальной подчиненности.

С учетом положений ч. 5 ст. 37 УПК РФ, ст. 11 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202 «О прокуратуре в РФ» систему прокуратуры Российской Федерации составляют:

- Генеральная прокуратура Российской Федерации;
- прокуратуры субъектов Российской Федерации, приравненные к ним военные и другие специализированные прокуратуры;
- прокуратуры городов и районов, другие территориальные, военные и иные специализированные прокуратуры.

Соответственно жалобы в порядке ст. 124 УПК РФ подаются с соблюдени-

ем вертикали прокурору района (города) при расследовании уголовного дела районным (городским) следственным органом, затем прокурору субъекта РФ, в последующем в Генеральную прокуратуру РФ. В случае расследования уголовного дела следственным органом субъекта РФ жалоба в порядке ст. 124 УПК РФ подается прокурору субъекта, а затем Генеральному прокурору РФ.

Судебный порядок рассмотрения жалоб регламентирован ст. 125 УПК РФ, согласно которой постановления органа дознания, дознавателя, следователя, руководителя следственного органа об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела, а равно иные действия (бездействие) и решения дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа и прокурора, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию, могут быть обжалованы в районный суд по месту совершения деяния, содержащего признаки преступления.

Жалоба может быть подана в суд заявителем, его защитником, законным представителем или представителем непосредственно либо через дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, орган дознания, следователя, руководителя следственного органа или прокурора.

По результатам рассмотрения жалобы судья выносит одно из следующих постановлений:

1) о признании действия (бездействия) или решения соответствующего должностного лица незаконным или необоснованным и о его обязанности устранить допущенное нарушение;

2) об оставлении жалобы без удовлетворения.

Жалобы и представления на судебные решения, принимаемые в ходе судебного производства по уголовному делу, приносятся в апелляционном, кассационном и надзорном порядке, установленном главами 45.1, 47.1 и 48.1 УПК РФ соответственно.

В апелляционном порядке решение по жалобе на процессуальные действия (бездействие) и решения обжалуется в судебную коллегия по уголовным делам верховного суда республики, краевого или областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области, суда автономного округа, окружного (флотского) военного суда (п. 2 ч. 2 ст. 389.3 УПК РФ).

Решение суда апелляционной инстанции подлежит обжалованию в кассационном порядке в президиум верховного суда республики, краевого или областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области, суда автономного округа (п. 1 ч. 2 ст. 401.3 УПК РФ), а в последующем в Судебную коллегия по уголовным делам Верховного суда РФ (п. 2 ч. 2 ст. 401.3 УПК РФ).

Вступившие в законную силу судебные решения Апелляционной коллегии Верховного суда РФ, Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ и Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного суда РФ, вынесенные ими в апелляционном порядке, обжалуются в порядке надзора в Президиум Верховного суда РФ.

В заключение отметим, что обжалование процессуальных действий (бездействия) и решений дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа, прокурора и суда осуществля-

ется руководителю следственного органа, прокурору с соблюдением вертикали подчиненности, а также в районный суд по месту производства предварительного расследования. Любые иные способы

реализации адвокатом-защитником права на обжалование, не предусмотренные уголовно-процессуальным законом, являются бесполезными и непрофессиональными.

¹ *Сергей П. Уголовная защита. Практические заметки.* СПб., 1913. С. 38.

² См.: *Баев М. О. Теоретические и практические основы профессиональной защиты от уголовного преследования : монография.* М., 2014. С. 34.

³ См.: Там же.

⁴ См.: Там же. С. 166.

Воронежский государственный университет

Баев М. О., доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой криминалистики

E-mail: baev_co@mail.ru

*Центральный филиал Российского
государственного университета правосудия*

Цурлуй О. Ю., кандидат юридических наук,
доцент кафедры судебной экспертизы
и криминалистики

E-mail: kijalis@yandex.ru

Тел.: 8 (473) 271-54-15

Voronezh State University

Baev M. O., Doctor of Legal Sciences, Professor,
Head of the Criminalistics Department

E-mail: baev_co@mail.ru

*Central Branch of Russian State University
of Justice*

Tsurluy O. Yu., Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department
of Forensic Expertise and Criminalistics

E-mail: kijalis@yandex.ru

Tel.: 8 (473) 271-54-15

С. Н. Боков

Воронежский государственный университет

ЮРИДИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОТДЕЛЬНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ ЗАКОНОПРОЕКТА № 103372-7

Аннотация: в статье с позиций достижений современной психологии критически проанализированы некоторые положения законопроекта № 103372-7 в части проблем, связанных с особенностями проведения процедуры допроса несовершеннолетнего свидетеля в гражданском процессе.

Ключевые слова: психология, право, юридическая психология, гражданское право, гражданский процесс, несовершеннолетние.

LEGAL-PSYCHOLOGICAL ANALYSIS OF CERTAIN PROVISIONS OF BILL No. 103372-7

Abstract: in article from positions of the achievements of modern psychology critically analyzed some provisions of bill No. 103372-7 in some of the problems associated with the peculiarities of the procedure of interrogation of a minor witness in civil proceedings.

Key words: psychology, law, psychology, civil law, civil procedure, minors.

Поступила в редакцию 30 ноября 2017 г.

Государственная Дума Российской Федерации приняла в первом чтении проект Федерального закона № 103372-7 «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» (внесен 15 февраля 2017 г. Правительством РФ), направленный на совершенствование порядка гражданского судопроизводства с участием несовершеннолетних¹.

Согласно этому законопроекту предлагается, в частности, дополнить ГПК РФ статьями 179 «Особенности проведения процессуальных действий с участием несовершеннолетних» и 179¹ «Особенности допроса несовершеннолетнего свидетеля», которые, в свою очередь, предполагают участие в допросе несо-

вершеннолетнего свидетеля педагога или психолога и законного представителя несовершеннолетнего, которые могут задавать вопросы допрашиваемому и высказывать свое мнение относительно личности несовершеннолетнего и содержания его показаний. Такую новацию в ГПК РФ законодатели стандартно объясняют тем, что детская психика не всегда готова к тем «взрослым» испытаниям, с которыми сталкиваются участники судебного процесса. Уточним, что действующими нормами ГПК РФ не предусматривается обязательное участие психолога в делах, затрагивающих интересы несовершеннолетних. Что же касается участия педагогического работника, то оно возможно только при допросе несовершеннолетнего свидетеля².

Законопроект предусматривает также определение и сопоставление интере-

сов (а в психологическом понимании – жизненных ценностей) опекуна и ребенка с целью выявления их возможного расхождения, а также предусматривает временные стандарты допроса несовершеннолетних в гражданском процессе – в общей сложности не более одного часа для ребенка в возрасте до семи лет, не более двух часов для ребенка в возрасте от семи до четырнадцати лет и не более четырех часов в день для ребенка в возрасте старше четырнадцати лет. При этом предусматривается, что ребенка в возрасте до семи лет нельзя заслушивать без перерыва более 30 минут, ребенка в возрасте от семи до четырнадцати лет – не более одного часа без перерыва, а ребенка в возрасте старше четырнадцати лет – не более двух часов без перерыва.

По мнению авторов этого законопроекта, его принятие позволит лучше обеспечить права несовершеннолетних и при этом защитить их от возможного стресса.

Но все ли корректно обосновано в данных законодательных предложениях с точки зрения современной психологической науки?

В 2017 г. автор данной статьи провел тщательный научный юридико-психологический анализ фактически аналогичных положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации³. Практически все положения этого анализа с незначительной адаптацией могут быть применены и к условиям гражданского процесса.

Основной критический посыл анализа сводится к тому, что авторы законопроекта недостаточно учитывают научные психологические положения, а ведь еще почти сто лет назад известный в то время отечественный ученый И. С. Баршев писал о том, что, «если судья не знает психологии, то это будет суд не над живыми существами, а над трупами».

Эти слова полностью сохраняют свою актуальность и в наше время; более того, в связи с тем, что мы живем в период глубочайших изменений во всех сферах общественной жизни (некоторые ученые в области общественных наук и политические деятели называют даже наше время временем цивилизационных сдвигов), в том числе психологии и права, значимость сокрытого в этих словах смысла лишь усиливается.

Право (как, впрочем, и психология) по современным научным представлениям относится к группе профессий «человек – человек»⁴. Представители этого типа для успешности выполнения своей профессиональной деятельности должны обладать такими качествами, как потребность в общении, устойчивое хорошее настроение в процессе работы с людьми, развитый социальный интеллект (т. е. способность понимать намерения, помыслы, настроения людей, умение быстро разбираться во взаимоотношениях людей), умение находить общий язык с разными людьми, эмпатийность, наблюдательность, организаторские способности и т. п. Разумеется, отсутствие или недостаточное развитие перечисленных качеств не является запретительным или ограничительным для выполнения любых профессий, входящих в группу «человек – человек»; при их отсутствии только лишь резко возрастает вероятность профессиональной неуспешности. Таким образом, представители любых юридических профессий в качестве основного психологического фактора своей профессиональной успешности должны обладать хорошо развитыми способностями к общению, пониманию поведения людей и его прогнозированию.

Научные юридико-психологические исследования в нашей стране, несмо-

тря на давнюю их историю и довольно неплохие традиции, до сих пор малоизвестны юридической общественности. К сожалению, распространено немало представлений, не основанных на серьезных научно доказанных психологических фактах, не до конца осознана и значимость юридической психологии как одной из общенаучных основ правовых наук, а также потенциально высокая роль психологии в системе юридического образования. Справедливости ради следует отметить, что в какой-то мере такая ситуация в нашей стране связана с недостаточной системностью и глубиной самих отечественных психологических исследований в области права, главное – с тем, что отсутствуют широкие экспериментальные исследования (а основа психологии – это эксперимент) и недостаточно учитываются, вероятно, в силу неинформированности, достижения зарубежной науки.

Как следствие, неизбежна определенная диссоциация между научными психологическими знаниями и нормами законодательства, базирование последних на неочевидных положениях, имеющих мало общего с реальностью. Но в силу того, что это – правовые нормы, которые следует исполнять, возникают серьезные ситуации деформации права и правового процесса.

Фундаментальных работ, посвященных психологическим аспектам гражданского процесса, в нашей стране нет. Поэтому научное изучение различных аспектов гражданско-процессуального регулирования имеет как чисто научное, так и сугубо прикладное значение, конечной целью которого является совершенствование отечественного законодательства.

В действующем Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации несовершеннолетних в той или иной сте-

пени касаются 16 статей: 105, 191, 280, 420–432. Особый интерес в аспекте сопоставления с предлагаемыми изменениями в ГПК РФ имеет статья 191 УПК РФ «Особенности проведения допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний с участием несовершеннолетнего».

Статья содержит ряд очевидных спорных положений, полностью применимых и к гражданскому процессуальному законодательству.

В части 1 говорится о необходимости (или даже обязательности) участия *педагога или психолога* при проведении допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, *не достигшего возраста шестнадцати лет* либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии. Возникает закономерный вопрос – почему речь применительно к так называемым «здоровым» участникам процесса идет о шестнадцати годах? Какими научными исследованиями это обосновано? Насколько известно, таких исследований ни в нашей стране, ни за рубежом не проводилось. А возраст несовершеннолетия распространяется до 18 лет, и его сущность заключается в потенциальной (совсем не обязательной в каждом случае) *возрастной неспособностью* регулировать собственное осознанно-волевое поведение. Исходя из такой логики, следовало бы распространить положение об участии педагога и психолога в проведении процессуальных действий на весь возраст до 18 лет.

Не имеет четких научных доказательств и само положение об участии в процессуальных действиях посторонних лиц в качестве педагога или психолога.

Любое общение (именно общением являются анализируемые процессуаль-

ные действия) более эффективно, чем меньше его участников. Дополнительные «звенья» общения могут существенно исказить его результат. Именно поэтому в психодиагностике для повышения «чистоты» результатов при проведении экспериментальных исследований не поощряется присутствие посторонних лиц, кроме самого испытуемого и того, кто проводит исследование. В случае их наличия испытуемый всегда будет отвлекаться на посторонних.

Непонятна роль психолога и особенно педагога в таких действиях. Можно предположить, что психолог (педагог) теоретически может повысить эффективность общения судьи и несовершеннолетнего в силу профессионального знания механизмов общения. Но одновременно он выступает и как лишнее звено общения. К чему может сводиться его реальная роль? К трансляции вопросов судьи? Это излишне. К разъяснению несовершеннолетнему вопросов судьи? Но в таком случае это уже будут не вопросы судьи, а вопросы психолога (педагога), пропущенные через его смысловосприятие и исходя из него сформулированные. Наконец, теоретически возможна и консультативная помощь психолога (педагога) в случае возникновения эмоционально нагруженных ситуаций в ходе процессуальных действий (заплакал, замолчал, агрессивность и т. п.), но уже само возникновение таких ситуаций дезорганизует протекание всех психических процессов (особенно памяти) и в идеале предполагает перерыв в общении.

Следует четко различать профессии педагога и психолога. Можно образно сказать, что сходство между ними такое же, как между географией и геологией. Психология в самом общем понимании – это комплексная наука о поведе-

нии, тогда как педагогика – наука об обучении и воспитании. Наша отечественная система вузовской подготовки педагогов не включает в себя детальное изучение психологии, поэтому «обычный» педагог не обладает необходимыми для целей следствия психологическими познаниями (конечно, есть отдельные исключения в лице педагогов, самостоятельно занимающихся психологическим образованием, но это исключения, а не правило). Если же педагог не имеет необходимых психологических знаний, то зачем его участие в процессуальных действиях, они не предполагают ни обучения, ни воспитания.

Следует также учитывать и то обстоятельство, что профессия педагога достаточно широка – есть педагоги дошкольного образования, начального образования, дополнительного образования, есть социальные педагоги, есть педагоги-предметники (учителя русского языка и литературы, математики, физики, биологии, физической культуры, рисования и т. п.), наконец, педагоги высшей школы. Законодательство не конкретизирует, о каких педагогах идет речь, между тем профессиональные знания и навыки у представителей всех отдельных педагогических профессий весьма различны.

Самое главное, следует помнить, что судья (как и следователь в уголовном процессе) является *одним из типичных* представителей профессий типа «человек – человек», и для своей профессиональной *успешности* он сам должен обладать достаточными психологическими знаниями, в том числе и в области психологии общения. В этой связи возможно более правильным говорить не об участии педагога или психолога в судебном заседании, а о своего рода специализации судей в ведении дел в области семей-

ного права, в случае введения которой они получали бы в рамках повышения квалификации более глубокие познания в соответствующей области. Аналог этому уже давно реализован в системе МВД – там всегда существовали отдельные подразделения по профилактике правонарушений несовершеннолетними, а также в уголовно-исполнительной системе в форме воспитательных колоний. Базовые же знания в этой области будущие юристы должны получать в студенческие годы при изучении курса юридической психологии, которая должна стать одной из обязательных дисциплин вузовской подготовки юристов.

Также научно недоказанным является и предложение об обязательном участии педагога или психолога при проведении процессуальных действий с несовершеннолетними, достигшими шестнадцати лет, но страдающими психическим расстройством или отстающими в психическом развитии. Если кто-то и должен помимо судьи участвовать в допросе и т. п. таких лиц (с учетом написанного выше о лишенном звене в общении), то это врач-психиатр.

Психические расстройства и отставание в психическом развитии традиционно во всех странах мира относятся к компетенции психиатрии. Профессиональная подготовка педагогов любых профилей, за исключением специальной педагогики, не предусматривает изучение психиатрии. Специальная педагогика является разделом педагогики, изучающим особенности обучения и воспитания у лиц с ограниченными возможностями здоровья, и подразделяется на сурдопедагогику (педагогику лиц с нарушениями слуха), тифлопедагогику (педагогику лиц с нарушениями зрения), логопедию (педагогику лиц с нарушениями речи при сохранном слухе; многие

авторы не включают логопедию в состав специальной педагогики, а выделяют ее как самостоятельную междисциплинарную – медико-педагогическую – науку) и олигофренопедагогику (педагогику умственно отсталых лиц). Кроме того, в состав специальной педагогики включают также изучение закономерностей обучения, воспитания и социальной адаптации лиц с нарушениями опорно-двигательного аппарата (преимущественно последствиями детских церебральных параличей). В компетенцию специальной педагогики, как видно, не входят психиатрические аспекты психических расстройств. Для суда же важны именно они. Поэтому по сути нет никаких оснований участия педагога при проведении допроса с участием несовершеннолетнего, страдающего психическим расстройством. Педагог просто не обладает необходимыми для этого профессиональными знаниями.

Аналогичная ситуация и в отношении участия психолога. Стандарты их профессиональной подготовки тоже не предусматривают изучения основ психиатрии, хотя в ряде вузов основы психиатрии включены в учебные планы, преимущественно в качестве составной части других дисциплин (например, клинической психологии, нейропсихологии, патопсихологии, специальной психологии). Поэтому участие психолога, как и педагога, при проведении допроса с участием несовершеннолетнего, страдающего психическим расстройством, также не имеет обоснований.

Что же касается возможности участия врача-психиатра при проведении допроса с участием несовершеннолетнего, страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии, то это может быть целесообразным, так как все поведенческие

проявления у умственно отсталых (всегда) и у лиц, страдающих психическими расстройствами (в периоды обострений/декомпенсаций) модифицируются, «окрашиваются» имеющейся психической патологией, что может создавать трудности в оценке сообщаемой им информации (при учете возможности искажения процесса общения в результате увеличения участников общения). Такое участие врача-психиатра может быть оформлено как участие специалиста, но не как проведение психиатрической судебной экспертизы.

Предлагаемые изменения в положении ГПК РФ в плане рекомендаций по длительности проведения допросов несовершеннолетних также не имеют каких-либо серьезных научных обоснований. В качестве наглядной иллюстрации недостаточной обоснованности этих положений можно привести следующий яркий пример: возраст от семи до четырнадцати лет – это период начальной и средней школы, но даже в начальной школе уроки в общей сложности продолжаются более одного часа. Интеллектуальная и эмоциональная нагрузка на детей на уроках в школе вполне сопоставима с нагрузкой при проведении процессуальных действий, особенно учитывая то стабильно ведущее место, которое занимает школьное обучение в системе ценностей ребенка.

Что касается присутствия при производстве процессуальных действий законного представителя несовершеннолетних, то деструктивное для процесса общения присутствие их как лишнего

звена без какого-либо ущерба для сторон может быть нивелировано нахождением их в зале судебных заседаний за стеклом с односторонней проводимостью.

Психолог или педагог вряд ли помогут получить больше информации, чем это может сделать без их помощи судья-профессионал.

Если допустить, что при проведении процессуальных действий в ходе актуализации в памяти определенных ситуаций у несовершеннолетнего возникнет состояние острого эмоционального стресса или обострится хронический эмоциональный стресс, то в таком случае более оптимальным будет прекращение допроса (и т. п.), проведение его в другое время, а не успокоение несовершеннолетнего психологом или педагогом и продолжение допроса (и т. п.).

Совершенствование законодательства, которое, следует подчеркнуть, реализуется в обществе – социальном сообществе людей, невозможно без учета достижений смежных наук, прежде всего, психологических. Несоответствие между правовыми нормами и объективными законами поведения человека рано или поздно, но неизбежно приведет к неэффективности правовой нормы. Поэтому уточнение и корректировка отдельных положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в отношении несовершеннолетних, особенно в ситуации значительного роста рассмотрения дел в области семейного законодательства, безусловно, являются одной из актуальных задач права.

¹ См.: URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71511526/#ixzz54HBagKoD>

² См.: URL: <https://rg.ru/2017/10/16/gosduma-gotovit-k-rassmotreniiu-zakonoproekt-pripisyvaiushchij-proceduru-doprosa-nesovershennoletnego-v-sude.html>

³ См.: *Боков С. Н.* Исследование положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации об особенности судопроизводства по делам несовершеннолетних с точки зрения психологии // Воронежские криминалистические чтения. 2017. № 2 (19). С. 106–112.

⁴ См.: *Климов Е. А.* Развивающийся человек в мире профессий. Обнинск, 1993. 57 с.

Воронежский государственный университет

Боков С. Н., кандидат медицинских наук,
доцент по кафедре общей и юридической
психологии, доцент кафедры
криминалистики

E-mail: bokov@law.vsu.ru
Тел.: 8-920-210-88-38

Voronezh State University

Bokov S. N., Candidate of Medical Sciences,
Associate Professor of the Department of General
and Legal Psychology, Associate Professor of the
Criminalistics Department

E-mail: bokov@law.vsu.ru
Tel.: 8-920-210-88-38

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ОТДЕЛЬНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОГО ХАРАКТЕРА

Аннотация: в работе раскрываются особенности производства отдельных следственных действий при расследовании преступлений экстремистского характера: осмотр (места происшествия, предметов), допрос, личный обыск, освидетельствование, обыск, выемка.

Ключевые слова: экстремизм, преступления экстремистского характера, расследование, следственные действия, осмотр места происшествия, осмотр предметов, допрос, личный обыск, освидетельствование, обыск, выемка.

FEATURES OF PRODUCTION OF CERTAIN INVESTIGATIVE ACTIONS IN THE INVESTIGATION OF CRIMES OF EXTREMIST NATURE

Abstract: the peculiarities of production of certain investigative actions in the investigation of crimes of extremist nature: inspection (scene, items), personal questioning, search, examination, search seizure.

Key words: extremism, crimes of extremist nature, investigations, investigatory actions, examination of the scene, questioning, personal search, inspection, seizure, search.

Поступила в редакцию 16 октября 2017 г.

Рост проявлений экстремизма в течение последних десяти лет (с 356 фактов в 2007 г. до 1450 – в 2016 г.¹) вызывает обоснованное беспокойство общества, реально угрожает стабильности государственного строя. При этом лица, расследующие данные общественно опасные деяния, как дознаватели, так и следователи правоохранительных органов, сталкиваются с определенными трудностями при производстве следственных действий.

Практика показывает, что на первоначальном этапе расследования преступлений экстремистского характера к ос-

новным следственным действиям относятся осмотр (места происшествия, предметов), допрос, личный обыск, освидетельствование, обыск, выемка².

Осмотр места происшествия

Практика показывает, что осмотр места происшествия является высокоэффективным средством раскрытия большинства преступлений, в том числе и экстремистской направленности.

По уголовным делам об экстремизме к основным задачам осмотра места происшествия относятся³:

1) фиксация обстановки.

Например, при расследовании экстремистского хулиганства и вандализма фиксируется общественное место, при расследовании призывов к осуществлению экстремистской деятельности – публичность.

Так, по уголовному делу, возбужденному по факту призывов к осуществлению экстремистской деятельности, в ходе осмотра места происшествия была зафиксирована обстановка, тем самым подтвержден факт размещения текста с экстремистскими призывами на двери подъезда жилого дома – в месте, позволяющем свободно знакомиться с его содержанием неограниченному кругу лиц, т. е. общественном или публичном месте⁴.

В ходе расследования другого уголовного дела при осмотре места происшествия на стенах домов были обнаружены нанесенные краской надписи: «Убивай судей», «Убивай мусор», «Смерть Гукам», «Убивай хачей», «Смерть инородцам», в которых, по заключению экспертов, содержатся призывы к совершению преступлений по мотивам ненависти и вражды в отношении социальных групп и к насильственным действиям в отношении лиц, не являющихся русскими. Впоследствии несовершеннолетним Б. и Ш. было предъявлено обвинение в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 280 УК РФ и ч. 2 ст. 214 УК РФ⁵;

2) обнаружение следов преступления.

Например, обнаружение при осмотре места происшествия специальных доказательств позволяет вменить квалифицированный состав преступления.

Так, при осмотре места происшествия, в рамках уголовного дела по факту убийства была обнаружена листовка националистического содержания с надписью «Мы объявляем вам войну Зигхайль 14/88» с изображением фашистской сим-

волики, что позволило доказать экстремистский мотив преступной деятельности. Впоследствии Д. и С. были признаны виновными среди прочего в совершении преступления, предусмотренного п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ⁶.

При расследовании преступлений экстремистской направленности кроме территорий совершения преступлений осмотру подвергаются места:

- публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности;
- публичного возбуждения ненависти либо вражды, унижения человеческого достоинства;
- применения насилия или высказывания угроз применения насилия при возбуждении ненависти либо вражды, унижении человеческого достоинства;
- дислокации организованной группы, созданной для возбуждения ненависти либо вражды, унижения человеческого достоинства, а также сбора ее членов;
- дислокации экстремистского сообщества и сбора ее членов;
- сбора членов экстремистской организации;
- производства и выпуска СМИ, пропагандирующих экстремизм;
- подготовки, тиражирования, хранения и распространения экстремистских материалов;
- нахождения компьютерной техники, с помощью которой по Интернету распространялись призывы к осуществлению экстремистской деятельности, возбуждалась ненависть либо вражда, унижалось человеческое достоинство по экстремистским мотивам.

Осмотр предметов

Осмотр одежды фигурантов уголовного дела позволяет выявить следы, могущие прояснить картину происшествия

(частицы грунта, краски, цементную или кирпичную пыль, порезы, разрывы, огнестрельные пробоины, биологические выделения организма человека). Наличие и характер повреждений, их взаимное расположение дают возможность уточнить представление о механизме события, действиях его участников, контактах между ними⁷.

Осмотр одежды является также одним из средств проверки и уточнения показаний как подозреваемых, так и потерпевших и свидетелей.

В осмотре одежды целесообразно участие специалиста, который поможет обнаружить и квалифицированно изъять микроследы (частицы листьев, семян, споры, пыльцу растений и т. д.).

Если тот, кто причинил телесные повреждения, к моменту задержания еще не успел сменить одежду, в которой он был во время происшествия, ее также надо осмотреть, а в случае необходимости изъять для проведения экспертизы.

Необходимо учитывать, что затягивание осмотра одежды чревато утерей либо самой одежды, которую потерпевший или его родственники нередко выбрасывают из-за значительных повреждений, приводящих ее в негодность, либо важных следов, отобразившихся на одежде⁸.

Кроме того, молодежный экстремизм отличает демонстрация специальной атрибутики (например, значки и шевроны с изображением свастики, перстни с изображением черепа) и ношение определенной одежды.

Например, российские скинхеды восприняли внешний облик западных «скинхедов», предпочитающих стиль «милитари»: камуфляж, военные ботинки с белыми шнурками, специфические шарфы и короткие куртки «бомберы»⁹.

Осмотр периодического печатного издания (газеты, журнала, альманаха, бюл-

летеня, иного издания, имеющего постоянное наименование) и *агитационного и пропагандистского материала* (книг, журналов, брошюр, листовок, памяток) заключается в фиксации:

- названия, формата, даты выхода и тиража издания;
- печатного материала экстремистской направленности, ее автора, места расположения в издании, объема, сопровождающих текст иллюстраций;
- пометки, зарисовки к исследуемому тексту и др.

Допрос

Осуществляя допрос по данной категории дел, следователь должен осуществлять тщательную подготовку к нему, которая включает в себя¹⁰:

- изучение личности допрашиваемого (как подозреваемого, так и потерпевшего и свидетеля);
- знание особенностей поведения лиц, совершающих экстремистские преступления;
- знание субкультуры преступных групп экстремистской направленности.

В качестве свидетелей по уголовным делам об экстремизме могут быть допрошены¹¹:

1) очевидцы:

- совершения преступлений по экстремистскому мотиву;
- призывов к осуществлению экстремистской деятельности;
- возбуждения ненависти либо вражды, унижения человеческого достоинства;
- применения насилия или высказывания угроз применения насилия при возбуждении ненависти либо вражды, унижении человеческого достоинства;

2) лица, имеющие информацию:

- о лицах, публично призывавших к осуществлению экстремистской деятельности;

– лицах, публично возбуждающих ненависть либо вражду, унижающих человеческое достоинство;

– лицах, применявших насилие или высказывавших угрозы применения насилия при возбуждении ненависти либо вражды, унижении человеческого достоинства;

– членах организованной группы, созданной для возбуждения ненависти либо вражды, унижения человеческого достоинства, ее дислокации;

– членах экстремистского сообщества, его дислокации;

– членах экстремистской организации, ее дислокации;

– СМИ, пропагандирующих экстремизм;

– месте подготовки, тиражирования, хранения и распространения экстремистских материалов;

– лицах, подготавливающих, тиражирующих, хранящих и распространяющих экстремистские материалы;

– месте нахождения компьютерной техники, с помощью которой по Интернету распространяются призывы к осуществлению экстремистской деятельности, возбуждаются ненависть либо вражда, унижается человеческое достоинство по экстремистским мотивам;

– лицах, распространяющих по Интернету призывы к осуществлению экстремистской деятельности, возбуждающих ненависть либо вражду, унижающих человеческое достоинство по экстремистским мотивам;

3) представители органов власти (например, полицейские), участвующие в задержании экстремистов после совершения ими преступлений экстремистского характера;

4) представители образовательных учреждений (например, непосредственно занимающихся обучением и воспитанием подростков);

5) медицинские работники, в том числе работники скорой медицинской помощи, оказывающие медицинскую помощь раненым;

6) родственники, знакомые, соседи, сослуживцы потерпевших;

7) родственники, знакомые, соседи подозреваемых в совершении преступлений экстремистской направленности.

В ходе допросов потерпевших и свидетелей необходимо получить информацию, раскрывающую обстоятельства:

– публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности, возбуждению ненависти либо вражды, унижения человеческого достоинства;

– применения насилия или высказывания угроз применения насилия при возбуждении ненависти либо вражды, унижении человеческого достоинства;

– создания организованной группы для возбуждения ненависти либо вражды, унижения человеческого достоинства, руководства ей и участия в ней;

– создания экстремистского сообщества, руководства им и участия в нем;

– деятельности экстремистской организации;

– подготовки, тиражирования, хранения и распространения экстремистских материалов;

– распространения по Интернету призывов к осуществлению экстремистской деятельности, возбуждения ненависти либо вражды, унижения человеческого достоинства по экстремистским мотивам;

– совершения преступлений по экстремистским мотивам.

Показания свидетелей являются весомым средством доказывания при расследовании преступного экстремизма. В этой связи любому субъекту доказывания следует предпринять все возможные способы для их отыскания. В рамках расследуемого дела свидетеля необходи-

мо допрашивать о любых относящихся к уголовному делу обстоятельствах, в том числе о личности обвиняемого, потерпевшего, взаимоотношениях свидетеля и обвиняемого, потерпевшего, других свидетелей. Предметом его показаний могут быть не только обстоятельства, которые он воспринимал лично, но и любые другие сведения, ставшие ему известными со слов других лиц¹².

При допросах несовершеннолетних подозреваемых в совершении преступлений экстремистской направленности необходимо установить следующие обстоятельства¹³:

- образование, профессия, род занятий;
- характер, направленность личности, особенности воспитания в семье, школе, т. е. должны быть установлены истоки формирования личности;
- отношение к окружающим, в том числе по национальному, расовому признакам;
- не является ли он сторонником учения о разделении наций и рас на высшие, избранные и неполноценные;
- какую литературу имеет, читает, изучает, а какую отвергает, где приобретает указанную литературу, в том числе у кого берет для чтения;
- поддерживает ли контакты с лицами, занимающими нетерпимые позиции в национальном или расовом вопросах; если да, то с кем именно, в чем проявлялись эти контакты;
- уровень интеллекта, эрудиция, состояние психики;
- наличие увлечения (хобби);
- уровень материальной обеспеченности, источник и размер официальных и иных доходов;
- принимал ли ранее участие в каких-либо конфликтах, в том числе на национальной, расовой почве, если да, то в каких;

– привлекался ли ранее к уголовной ответственности за совершение преступлений на почве национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды;

– не является ли допрашиваемый членом какой-либо организации;

– если является, то когда и при каких обстоятельствах вступил, почему, от кого узнал о существовании (создании) соответствующей организации, кто давал рекомендации (если это предусмотрено порядком приема), что привлекло к участию в деятельности именно данной организации (цели, средства их достижения, лозунги, лидер, конкретная деятельность) и т. п.;

– если не является членом такой организации, то не принимает ли участие в ее деятельности – регулярно или в отдельных проводимых ею акциях (если да, то почему, как часто, кто привлек к такой деятельности и т. п.);

– как он оценивает ее цели, задачи, деятельность, лидеров; что считает необходимым оценить положительно, а что отрицательно, какие из известных ему взглядов разделяет;

– какова его национальность (по документам), какова его этническая самоидентификация (к какой национальности считает необходимым относить себя, почему);

– испытывает ли чувство вражды или ненависти к представителям иной расы или национальности; если да, то какой именно, почему и т. д.

Изучение всех приведенных выше вопросов следует проводить с максимальной осторожностью и деликатностью, поскольку они затрагивают конституционное право человека на свободу совести, а также могут оказаться связанными с жизненно важными для допрашиваемого интересами. Неумело поставленные вопросы могут вызвать ярко выраженную негативную реакцию, привести к утрате психологического контакта со следователем.

Формулировка вопросов, которые задаются допрашиваемому после свободного рассказа, не должна допускать различных толкований. Следует избегать идиоматических выражений, пословиц и поговорок, смысл которых недоступен допрашиваемому и не может быть точно разъяснен при переводе.

Анализ материалов уголовных дел, возбужденных по ст. 282 УК РФ, показал, что практически абсолютное большинство обвиняемых в ходе допроса утверждают, что «целей оскорбления по национальному, иному признаку, возбуждения ненависти, вражды не преследовали, а просто высказывали свое мнение, делились своей точкой зрения» либо «реализовывали свое право на свободу выражения мнения»¹⁴.

Так, несовершеннолетние Ж. и Д., вооружившись битами, с целью «проучить таджиков» пришли к дому потерпевших, вызвали их во двор, где нанесли им битами множественные удары, причинив вред здоровью средней тяжести. В ходе расследования уголовного дела Ж. заявил, что у него были личные неприязненные отношения к потерпевшему К., который когда-то на него «косо» посмотрел. Никакой расовой и национальной ненависти либо вражды к потерпевшим он не испытывал. Допрошенный Д. заявил, что пришел к дому потерпевших за компанию с Ж., не испытывая к потерпевшим никакой национальной ненависти или вражды. Органами предварительного следствия уголовное преследование Ж. и Д. по п. «е» ч. 2 ст. 112 УК РФ прекращено за отсутствием в их действиях состава преступления¹⁵.

Личный обыск

При расследовании преступлений экстремистской направленности объектами поиска при личном обыске являются:

- экстремистские материалы (например, листовки, брошюры, памятки);
- литература экстремистского характера (например, газеты, журналы);
- агитационные и пропагандистские материалы (листовки, прокламации, плакаты и др.);
- атрибутика принадлежности к экстремистскому течению (например, значки с изображением свастики, перстни с изображением черепа);
- оружие, боеприпасы, как стрелковые, так и взрывного действия;
- предметы, используемые в качестве оружия;
- части ВУ и частицы ВВ;
- поджигающие устройства и их элементы;
- одежда, головные уборы и обувь со следами копоты, сажи, горючих веществ, несгоревших частиц пороха;
- предметы маскировки (например, вязаные шапки с прорезями для глаз и рта, маски);
- красящие предметы (например, аэрозольные баллончики с красками);
- емкости с клеящим веществом и предметами для нанесения клея;
- похищенное имущество.

Освидетельствование

Одним из основных следственных действий при расследовании преступлений экстремистской направленности является освидетельствование.

По делам об экстремизме освидетельствованию могут быть подвергнуты:

- потерпевшие, в отношении которых применялось насилие по экстремистскому мотиву;
- подозреваемые в совершении экстремистских преступлений;
- представители органов власти, задерживавшие экстремистов, получившие телесные повреждения (например, полицейские).

По делам данной категории к задачам освидетельствования относятся:

1) установление следов совершения определенных действий: ранений, ушибов, царапин, укусов, кровоподтеков;

2) установление следов пребывания человека в определенном месте: частиц пыли, почвы, краски, стружки и пр.;

3) установление следов контактного взаимодействия: специальных химических веществ; микрочастиц, крови и пр.;

4) установление особых примет: родимых пятен, татуировок, шрамов, опухолей и т. п.;

5) установление иных следов: продуктов выстрела, особенностей папиллярного узора; биологических выделений и пр.¹⁶

В ходе освидетельствования устанавливаются внешние признаки человека, под которыми понимаются свойства и особенности строения тела человека и его элементов (лица, головы, туловища, конечностей), функций организма, проявляющиеся вовне, в частности при выполнении двигательных, речевых и иных операций¹⁷.

Обыск

При расследовании преступлений экстремистской направленности обыск рекомендуется производить одновременно у всех выявленных членов экстремистской организации¹⁸.

Объекты поиска при обыске¹⁹:

– литература экстремистского содержания (книги, журналы, брошюры, листовки, памятки и т. д., в том числе на иностранных языках);

– литература и документы о деятельности экстремистских организаций;

– тетради, блокноты, любые листки с записками, где могут быть сведения о членах и структуре экстремистской орга-

низации, клятвы и другие атрибуты экстремистской деятельности;

– документы, свидетельствующие о поступлении денежных и материальных средств;

– инструкции о пользовании компьютерной техникой с целью сокрытия секретной информации;

– инструкции о поведении при задержании и допросах;

– инструкции по вербовке людей;

– типографские карты населенных пунктов с отметками (например, дислокации учебных заведений);

– планы (схемы) зданий общественных и государственных организаций;

– служебные удостоверения (например, корреспондентов какой-либо газеты);

– доверенности какой-либо организации;

– личные записи;

– компьютеры;

– системные блоки компьютеров;

– множительно-копировальная техника;

– электронные носители информации;

– сотовые телефоны;

– оборудование для размножения литературы;

– оружие (огнестрельное, холодное, в том числе метательное, газовое, пневматическое);

– боеприпасы, как стрелковые (патроны ко всем видам огнестрельного оружия), так и взрывного действия (например, ручные гранаты);

– ВУ и ВВ;

– материалы, из которых было изготовлено взрывное устройство;

– предметы, которые могли быть использованы для конструирования взрывных устройств (детонаторы, электросхемы и т. п.);

– инструменты и механизмы, которые могли быть использованы при изгото-

товлении взрывных устройств (слесарный инструмент, станки, оборудование, специальные приспособления) с микрочастицами ВВ;

- зажигательные средства;
- емкости из-под легковоспламеняющихся жидкостей;
- схемы, рисунки, чертежи поджигающих и взрывных устройств;
- предметы, используемые в качестве оружия (цепи, палки, обрезки арматуры и металлических труб, бейсбольные биты и т. п.);
- средства связи (портативные радиостанции, сотовые телефоны) и иные технические устройства, используемые экстремистами;
- одежда, головные уборы, обувь, носимые предметы (сумки, пакеты и др.) обыскиваемого со следами биологического происхождения (крови, пота, слюны, носовых выделений, мочи и др.), горючих и ВВ, термического воздействия, а также со следами повреждений, оставленными орудием преступления;
- одежда подозреваемого, в которой он, по словам свидетелей, был во время совершения преступления.

В 2006 г. в Омской области был убит мужчина казахской национальности. В ходе расследования было установлено, что три молодых человека, находившиеся в состоянии алкогольного опьянения, проходя по улице, скандировали лозунги националистического и шовинистического содержания, когда встретили мужчину с характерными монголоидными чертами лица. Они стали оскорблять мужчину, а один из них (по мотиву национальной, расовой ненависти) нанес ему множественные удары ножом. Этот мотив совершения преступления нашел свое подтверждение в ходе следствия, когда при обысках по месту жительства подозреваемых были изъяты литерату-

ра, аудио- и видеоматериалы, пропагандирующие идеи необходимости и желательности подавления и ущемления интересов отдельных лиц по признаку расы, национальности, языка, убеждений²⁰.

Выемка

Если необходимые предметы и документы не обнаружены в ходе осмотра места происшествия или обыска мест жизнедеятельности как потерпевшего, так и подозреваемого, а обнаружены при производстве других следственных действий (например, при их освидетельствовании, допросе), необходимо производство их выемки.

Кроме того, выемка указанных предметов может осуществляться в медицинских учреждениях, куда доставляются потерпевшие, а также у родственников и знакомых как потерпевшего, так и подозреваемого, при получении достоверной информации о месте их хранения.

Выемке подлежат орудия преступления, не обнаруженные в ходе осмотра места происшествия или обыска мест жизнедеятельности фигурантов уголовного дела, которые добровольно передаются органам расследования лицами, хранящим их по поручению подозреваемых.

В ряде случаев необходимо производить выемку документов, подтверждающих родственные отношения фигурантов уголовного дела, писем, фотографий, аудио- и видеозаписей, а также электронных носителей, подтверждающих их дружеские отношения или знакомство на определенном промежутке времени.

По уголовным делам о распространении экстремистских материалов с помощью СМИ выемке подвергаются в редакции:

- правоустанавливающие документы СМИ (периодического печатного из-

дания (газеты, журнала, альманаха, бюллетеня, иного издания, имеющего постоянное наименование); сетевого издания; телеканала; радиоканала; телепрограммы; радиопрограммы; видеопрограммы; кинохроникальной программы; иной формы периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием);

– документы, касающиеся распространения продукции СМИ (продажа, подписка, доставка, раздача периодического печатного издания, аудио- или видеозаписи программы, вещание телеканала, радиоканала (телевизионное вещание, радиовещание), вещание телепрограммы, радиопрограммы в составе соответственно телеканала, радиоканала, демонстрация кинохроникальной программы, предоставление доступа к сетевому изданию, иные способы распространения);

– черновик исследуемого материала с корректурой и др.

По уголовным делам об организации деятельности экстремистской организации выемке подвергаются:

– правоустанавливающие документы общественного объединения;

– правоустанавливающие документы религиозного объединения;

– правоустанавливающие документы организации;

– заявление прокурора о признании объединения или организации экстремистскими и запрете их деятельности на территории Российской Федерации;

– судебное решение (определение) о ликвидации или запрете общественного или религиозного объединения, иной организации в связи с осуществлением экстремистской деятельности.

В заключение необходимо отметить, что успех расследования преступлений экстремистской направленности во многом зависит от знания и умелого использования совокупности криминалистически значимой, объективной информации, характеризующей как выявленное преступное деяние, так и его отдельные элементы, признаки, особенности, информация о которых используется в методике расследования. Вовремя возбужденное уголовное дело, профессионально спланированные и проведенные процессуальные, в том числе следственные, действия обеспечат не только эффективное расследование преступления, но и скорейшее привлечение к ответственности экстремистов.

¹ См.: URL: <http://mvd.ru>

² См. подробно: *Бычков В. В.* Противодействие преступлениям экстремистской направленности : курс лекций. М., 2013 ; *Бычков В. В., Сабитов Р. А., Сабитов Т. Р.* Противодействие преступлениям экстремистской и террористической направленности : криминологические, уголовно-правовые и криминалистические аспекты : монография. М., 2013.

³ См.: *Бычков В. В.* Особенности производства осмотра при расследовании преступлений экстремистской направленности // *Расследование преступлений : проблемы и пути их решения* : сб. науч.-практ. трудов. М., 2014. Вып. 2. С. 89–93.

⁴ См.: *Погодин И. В.* Уголовные дела о преступлениях экстремистской направленности в практике мировых судей. Статья 1. Применение положений ч. 1 ст. 280 УК РФ // *Мировой судья*. 2011. № 12. С. 8.

⁵ См.: *Погодин И. В.* Показания участников процесса – специальные средства доказывания по делам экстремистской направленности // *Российский судья*. 2012. № 1. С. 33.

⁶ См.: Там же.

⁷ См.: Криминалистика : учебник для вузов МВД России. Т. 2. Техника, тактика, организация и методика расследования преступлений / под ред. Б. П. Смагоринского. Волгоград, 1994. С. 316.

⁸ См.: Руководство для следователей / под ред. Н. В. Жогина. М., 1971. С. 607.

⁹ См.: Фридинский С. Н. Личность экстремиста // Юридическое образование и наука. 2011. № 4. С. 35 ; Кузьмин А. В. Административно-правовое противодействие экстремизму в молодежной среде // Административное и муниципальное право. 2011. № 6. С. 40.

¹⁰ См.: Алгазин И. И. Особенности допроса потерпевших по делам о причинении вреда здоровью по мотиву политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы // Правовые основы противодействия экстремистской деятельности : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (11.02.2011). Тюмень, 2011. С. 58–59.

¹¹ См. подробно: Бычков В. В. Тактика допроса при расследовании преступлений экстремистской направленности // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2015. № 4. С. 138–141.

¹² См.: Валеев А. Х., Самойлов А. Ю. Особенности расследования преступлений экстремистской направленности // ЕврАзЮж. 2012. № 9 (52).

¹³ См.: Алгазин И. И. Указ. соч. С. 60.

¹⁴ См.: Бешукова З. М. Соотношение права на свободу выражения своего мнения с запретом на возбуждение вражды (по материалам Европейского суда по правам человека) // Общество и право. 2010. № 1. С. 268.

¹⁵ См.: Алгазин И. И. Указ. соч. С. 62.

¹⁶ См.: Гаверилин Ю. В. Криминалистическая тактика и методика расследования отдельных видов преступлений в определениях и схемах : учеб. пособие. М., 2004. С. 19.

¹⁷ См.: Горбин Ю. Г. Освидетельствование в российском уголовном процессе (уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты) : практ. пособие. М., 2005. С. 52–53.

¹⁸ См.: Халиков А. Расследование преступлений экстремистского характера // Законность. 2006. № 8.

¹⁹ См.: Рязанов Э. Расследование участия в деятельности экстремистской организации // Законность. 2007. № 2.

²⁰ См.: Бондаренко В. Действовать вместе // Законность. 2008. № 1.

*Московская академия Следственного
комитета Российской Федерации*

Бычков В. В., кандидат юридических наук,
доцент

E-mail: bychkov.vasilii@mail.ru

Tel.: 8-919-774-23-96

*Moscow Academy of the Investigative Committee
of the Russian Federation*

Bychkov V. V., Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor

E-mail: bychkov.vasilii@mail.ru

Tel.: 8-919-774-23-96

В. О. Захарова

Московская академия Следственного комитета Российской Федерации

ПРАВОВЫЕ И ЭТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРОИЗВОДСТВА ОБЫСКА И ВЫЕМКИ

А н н о т а ц и я: в статье рассмотрена сущность и основные положения законодательного и этического регулирования обыска и выемки; даны рекомендации по производству этих следственных действий.

К л ю ч е в ы е с л о в а: выемка, нравственность, обыск, следователь, расследование уголовного дела, следственные и иные процессуальные действия, этика.

LEGAL AND ETHICS PRINCIPLES OF SEARCH AND SEIZURE

A b s t r a c t: in the article the essence and the main provisions of the law and ethical regulation of search and seizure; recommendations for the production of these investigative actions.

Key words: seizure, morality, search, investigator, criminal investigation, investigative and other procedural actions, ethics.

Поступила в редакцию 28 сентября 2017 г.

Казалось бы, уголовно-процессуальный закон достаточно подробно регламентирует производство всех следственных действий в целом, а также обыска и выемки в частности. И юридически грамотному сотруднику не составит труда безошибочно произвести эти следственные действия. Однако на практике возникает много вопросов, которые касаются не только правовых, но и нравственных аспектов этой деятельности.

Начнем с обыска. Это следственное действие в достаточной степени ограничивает права человека, а потому обоснованно требует особо четкого соблюдения нравственных норм, вытекающих из закона или им обусловленных.

Обыск производится тогда, когда для этого есть достаточные правовые основания, когда он необходим по обстоятельствам уголовного дела и, следовательно,

нравственно оправдан. Конечно, понятие достаточности нигде не определено, да и не может быть определено, потому что нет двух одинаковых преступлений, как и двух одинаковых уголовных дел. Однако образованному, мыслящему человеку не так уж и сложно ответить самому себе на вопрос, достаточно или нет правовых оснований для производства обыска.

Так, согласно ст. 182 УПК РФ основанием производства обыска является наличие достаточных данных полагать, что в каком-либо месте или у какого-либо лица могут находиться орудия, оборудование или иные средства совершения преступления, предметы, документы и ценности, которые могут иметь значение для уголовного дела. Эти данные могут быть самыми различными: показания свидетелей, потерпевших; результаты производства других следственных и иных процессуальных действий и др.

© Захарова В. О., 2018

Необходимо помнить, что незаконное производство обыска принято признавать грубым нарушением конституционных прав граждан. В связи с этим в большей части случаев для производства обыска необходимо получить разрешение суда.

Обыск без соответствующего разрешения по причине его безотлагательности, а также обыск в ночное время (с 22 до 06 часов) по той же причине допускается лишь тогда, когда получение разрешения затруднено или же промедление с обыском может сделать его безрезультатным.

Положительным моментом в этическом плане является содержание ч. 5 ст. 182 УПК РФ, предусматривающей право следователя ограничиться при обыске предложением добровольно выдать подлежащие изъятию предметы, документы и ценности, которые могут иметь значение для уголовного дела, и при условии их добровольной выдачи не проводить дальнейших поисков, если нет оснований опасаться сокрытия разыскиваемых предметов и документов. Использование такого порядка в соответствующих случаях позволяет избавить обыскиваемых от не вызывающегося необходимостью ограничения их прав. И действительно, ряд граждан после предложения выдать им добровольно искомое так и поступают, что позволяет минимизировать негативные последствия обыска.

Также необходимо помнить, что предметы и документы, относящиеся к интимным сторонам жизни граждан и не имеющие отношения к уголовному делу, не должны предъявляться другим лицам. Кроме того, не подлежит оглашению не относящаяся к делу личная переписка.

В процессе производства обыска не следует торопиться со вскрытием запертых помещений и хранилищ, не приняв меры к тому, чтобы они были открыты

добровольно. Повреждения имущества при обыске должны быть минимальными и действительно оправданными. Следователь обязан понимать, что все повреждения, разрушения, даже обоснованно допущенные в ходе обыска, производятся под его личную персональную ответственность.

Выиграть у обыскиваемого головой (интеллектом), конечно, тяжелее, чем крушить, ломать. Но для чего тогда следователь учился в вузе, получал высшее юридическое образование, принимал Присягу? Следователь, плохо относящийся к людям, работать следователем не должен.

Что касается личного обыска, то по общему правилу он производится на основании судебного решения. В виде исключения личный обыск может быть произведен без соответствующего постановления:

- при задержании лица или заключении его под стражу;
- наличии достаточных оснований полагать, что лицо, находящееся в помещении или ином месте, в котором производится обыск, скрывает при себе предметы или документы, которые могут иметь значение для уголовного дела.

Согласно ст. 184 УПК РФ личный обыск лица производится только сотрудником одного с ним пола и в присутствии понятых и специалистов того же пола, если они участвуют в данном следственном действии.

Обыск в большинстве случаев сопровождается эмоциональным напряжением. Оно может быть выражено в разной степени, но все равно имеет место. В том числе и поэтому производство этого следственного действия требует повышенной выдержки и такта со стороны следователя. Что бы ни случилось, следователю необходимо оставаться спокойным и вежливым, не допускать грубости, хамства и беззакония.

Несмотря на некоторую схожесть, выемка является самостоятельным следственным действием и производится следователем при необходимости изъятия определенных предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела, в том случае, когда точно известно, где и у кого они находятся.

Из соображений защиты конституционных прав граждан и этических норм выемка предметов и документов, содержащих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну, предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах граждан в банках и иных кредитных организациях, а также вещей, заложенных или сданных на хранение в ломбард, производится на основании судебного решения. Также с согласия суда производится и выемка в жилище.

В обязательном порядке до начала выемки следователь обязан предложить лицу выдать добровольно предметы и документы, подлежащие изъятию, а только в случае отказа выдать в полном объеме искомое – произвести выемку принудительно.

В ходе производства обыска и выемки в жилище, личного обыска, выемки заложенной или сданной на хранение в ломбард вещи могут возникнуть случаи, когда промедление, связанное с получением разрешения у судьи на производство указанных следственных действий, может закончиться повреждением, уничтожением доказательств и другими негативными последствиями. Поэтому законодатель предусмотрел возможность их производства на основании постановления следователя без получения судебного решения. Однако следователь обязан не позднее трех суток с момента начала производства следственного действия уведомить судью и прокурора о его производстве.

Для проверки законности решения о его производстве следователь к уведомлению должен приложить заверенные копии:

- постановления о производстве следственного действия;
- протокола следственного действия.

Если, изучив поступившие к нему материалы, судья признает произведенное следственное действие незаконным, то все доказательства, полученные в ходе его производства, признаются недопустимыми.

В связи с рядом нарушений, допускаемых следователями в отношении адвокатов, на законодательном уровне принято обоснованное решение ограничить право следователя на производство обыска, осмотра и выемки в отношении адвокатов.

Так, обыск, осмотр и выемка в отношении адвоката (в том числе в жилых и служебных помещениях, используемых им для осуществления адвокатской деятельности), включая случаи, предусмотренные ч. 5 ст. 165 УПК РФ, производятся только после возбуждения в отношении адвоката уголовного дела или привлечения его в качестве обвиняемого, если уголовное дело было возбуждено в отношении других лиц или по факту совершения деяния, содержащего признаки преступления, в порядке, установленном ч. 1 ст. 448 УПК РФ, на основании постановления судьи о разрешении производства обыска, осмотра и (или) выемки и в присутствии обеспечивающего неприкосновенность предметов и сведений, составляющих адвокатскую тайну, члена совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, на территории которого производятся указанные следственные действия, или иного представителя, уполномоченного президентом этой адвокатской палаты.

В постановлении судьи о разрешении производства обыска, осмотра и (или)

выемки в отношении адвоката указываются данные, служащие основанием для производства указанных следственных действий, а также конкретные отыскиваемые объекты. Изъятие иных объектов не допускается, за исключением предметов и документов, изъятых из оборота. В ходе обыска, осмотра и (или) выемки в жилых и служебных помещениях, используемых для осуществления адвокатской деятельности, запрещается изъятие всего производства адвоката по делам его доверителей, а также фотографирование, киносъемка, видеозапись и иная фиксация материалов указанного производства.

До возбуждения в отношении адвоката уголовного дела или привлечения его в качестве обвиняемого, если уголовное дело было возбуждено в отношении других лиц или по факту совершения деяния, содержащего признаки преступления, и вынесения судьей постановления о разрешении производства следственного действия осмотр жилых и служебных помещений, используемых для осуществления адвокатской деятельности, может быть произведен только в случае,

если в указанных помещениях обнаружены признаки совершения преступления. В таком случае осмотр места происшествия без участия члена совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, на территории которого производится осмотр, или иного представителя, уполномоченного президентом этой адвокатской палаты, допускается только при невозможности обеспечения его участия.

В случае возникновения у следователя сомнения, действительно ли является лицо адвокатом, абсолютно этичным будет внимательное изучение содержания его удостоверения и ордера, а если сомнения не отпали – необходимо позвонить в соответствующее адвокатское образование, чтобы уточнить статус адвоката (действует, приостановлен, прекращен) с одновременным направлением аналогичного письменного запроса.

Все это позволит соблюсти как нормы уголовно-процессуального закона, так и этические правила. Ведь правомерность и нравственность в деятельности следователя не менее важна, чем в деятельности прокурора и судьи¹.

¹ См.: Баев О. Я. Тактика следственных действий : учеб. пособие. М., 2013 ; Захарова В. О. Нравственные требования к деятельности следователя // Расследование преступлений : проблемы и пути их решения. 2017. № 1. С. 120–122 ; Её же. Этика производства следственных действий // Юридическая психология. 2016. № 4. С. 15–19 ; Хмелева А. В. Вопросы этики в следственной практике // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2017. № 4. С. 347–356.

Московская академия Следственного
комитета Российской Федерации

Захарова В. О., кандидат юридических наук,
доцент кафедры управления следственными
органами и организации правоохранительной
деятельности

E-mail: vaza907@mail.ru
Тел.: 8-926-608-04-02

Moscow Academy of the Investigative Committee
of the Russian Federation

Zakharova V. O., Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of Management Department
Investigative Agencies and Law Enforcement
Initiatives

E-mail: vaza907@mail.ru
Tel.: 8-926-608-04-02

Н. Н. Ильин

Московская академия Следственного комитета Российской Федерации

К ВОПРОСУ О КОМПЕТЕНЦИИ ЭКСПЕРТА ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ

А н н о т а ц и я: автором рассматриваются спорные вопросы о компетенции судебных экспертов при производстве ими исследований. Особое внимание акцентировано на том, что довольно часто эксперты решают юридические вопросы, выходя за пределы своей компетенции. В статье приводятся примеры выхода эксперта за пределы своей компетенции при производстве психолого-лингвистической, автотехнической и экспертизы по технике безопасности.

К л ю ч е в ы е с л о в а: заключение эксперта, компетенция эксперта, судебная экспертиза, эксперт, экспертная ошибка.

TO THE QUESTION OF COMPETENCE OF THE EXPERT BY PRODUCTION OF JUDICIAL EXAMINATIONS

A b s t r a c t: the author considers controversial issues of competence of judicial experts by production of researches by them. The special attention is accented that quite often experts resolve legal issues, going beyond the competence. In article examples of an exit of the expert out of limits of the competence are given by production psikhologo-linguistic, autotechnical and examinations according to safety measures.

Key words: expert opinion, competence of the expert, judicial examination, expert, expert mistake.

Поступила в редакцию 28 августа 2017 г.

Ни для кого не секрет, что при расследовании любого преступления нельзя обойтись без использования специальных знаний, проявляющихся в различных формах. Одной из таких форм специальных знаний является производство судебной экспертизы, по результатам которой эксперт составляет заключение. Как справедливо отмечает Р. С. Белкин, «доказательственное значение экспертного заключения зависит от его истинности, внутренней непротиворечивости, точности и достоверности всех действий, оценок и выводов эксперта в ходе

и по результатам процесса экспертного исследования»¹.

Вместе с тем, несмотря на то, что эксперт является специалистом в своей области, он, как и любой человек, может совершать ошибки. По своему происхождению экспертные ошибки бывают процессуальными, гносеологическими и деятельностными², которые, в свою очередь, могут привести к тому, что заключение эксперта будет признано в качестве недопустимого доказательства. В данной статье хотелось бы акцентировать внимание на некоторых процессуальных ошибках, которые допускают эксперты при производстве ими своих

исследований. К одной из таких ошибок, заключающихся в нарушении экспертом процессуального режима и процедуры производства экспертизы³, следует отнести выход эксперта за пределы своей компетенции.

Если обратиться к этимологии слова «компетенция», то можно заметить, что в переводе с латинского на русский язык данный термин означает «ведение, способность, принадлежность по праву»⁴. При этом в толковом словаре С. И. Ожегова под компетенцией понимается «1. Круг вопросов, в к-рых кто-н. хорошо осведомлен. 2. Круг чьих-н. полномочий, прав»⁵. Подобные определения имеются и в других словарях, а также в криминалистической литературе по судебной экспертизе⁶.

В соответствии с п. 4 ч. 3 ст. 57 УПК России «эксперт вправе давать заключение в пределах своей компетенции, в том числе по вопросам, хотя и не поставленным в постановлении о назначении судебной экспертизы, но имеющим отношение к предмету экспертного исследования». Кроме того, в п. 4 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» определено, что «вопросы, поставленные перед экспертом, и заключение по ним не могут выходить за пределы его специальных знаний. Постановка перед экспертом правовых вопросов, связанных с оценкой деяния, разрешение которых относится к исключительной компетенции органа, осуществляющего расследование, прокурора, суда (например, что имело место – убийство или самоубийство), как не входящих в его компетенцию, не допускается»⁷.

К сожалению, при производстве некоторых судебных экспертиз выход эксперта за пределы своей компетенции уже заложен либо в самой методике произ-

водства судебной экспертизы, либо в процессе экспертного исследования. Рассмотрим это на конкретных примерах.

Так, в следственных подразделениях Следственного комитета Российской Федерации наряду с осуществлением видеозаписи при обыске, проверке показаний на месте, предъявлении лица для опознания и некоторых других следственных действиях она чаще всего применяется при допросе. Это связано с тем, что допрашиваемый нередко меняет свои показания или вовсе от них отказывается, а также на суде заявляет об оказываемом психологическом или физическом воздействии на него со стороны следователя. Вот почему в последнее время видеозапись становится объектом судебной психолого-лингвистической экспертизы для определения достоверности показаний при производстве следственных действий.

На экспертизу поступают фонограммы и видеофонограммы допросов и других следственных действий (проверка показаний на месте, очная ставка) для установления факта психического воздействия на допрашиваемого со стороны следователя или третьих лиц, а также для решения других вопросов. Как правило, подобные исследования проводятся в тех случаях, когда допрашиваемый утверждает, что непосредственно в процессе допроса на него оказывалось давление и поэтому он сообщал информацию, необходимую следствию⁸.

На разрешение экспертизы обычно ставятся вопросы, связанные с установлением в тексте допроса, зафиксированного с помощью средств аудио- и (или) видеозаписи:

- признаков психического воздействия на допрашиваемого со стороны следователя либо третьих лиц;
- признаков недостоверности сведений, сообщенных лицом на допросе;

– признаков дачи показаний допрашиваемым в результате естественного припоминания;

– признаков, свидетельствующих об оговоре допрошенным лицом других участников процесса;

– признаков заучивания, склонности допрашиваемого к фантазерству и т. п.

Наряду с потребностью назначения таких экспертиз следственными подразделениями Следственного комитета Российской Федерации существуют противоположные, если не сказать отрицательные (негативные), точки зрения среди ученых и экспертного сообщества по поводу научной и методологической обоснованности в проведении таких исследований.

Так, в связи с увеличением роста значения судебно-психологических экспертиз достоверности показаний по видеозаписям допросов представителями экспертного сообщества Минюста России и ФГБУ «ФМИЦПН им. В. П. Сербского» Минздрава России в 2016 г. было подготовлено Информационное письмо «О неправомерности определения достоверности показаний путем судебной экспертизы»⁹. В приведенном информационном письме делается вывод о том, что в настоящее время установление достоверности показаний путем назначения и проведения судебной экспертизы на строго научной основе невозможно. В данном случае следует поддержать позицию авторов указанного документа о том, что в соответствии со ст. 88 УПК России эксперт не может оценивать доказательств с точки зрения относимости, допустимости и достоверности, поскольку это прерогатива суда, прокурора, следователя и дознавателя. Но эксперту фактически предоставляется право оценивать показания ранее допрошенных лиц, которые, по сути, являются объектом исследования.

Вместе с тем речь идет также о том, что проводить подобные исследования необходимо в соответствии с апробированной методикой (типовой или частной) производства судебной экспертизы. В любом случае при производстве экспертизы эксперт должен использовать методики, рекомендованные современной наукой, а проводить исследования – на строго научной и практической основе. Пока же существуют только отдельные частные методики, разработанные негосударственными экспертами, к которым со стороны практикующих государственных экспертов существует много нареканий и замечаний. Это связано с тем, что само по себе название «Судебная психологическая экспертиза по выявлению признаков достоверности/недостоверности информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства» неверно, поскольку эксперт выходит за пределы своей компетенции¹⁰.

Несмотря на то что эксперт является лицом, обладающим специальными знаниями в области науки, техники, искусства и ремесла, ему иногда ставятся и другие правовые вопросы, которые он решать не должен. Так, на сайте Российского федерального центра судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации одной из задач автотехнической экспертизы является «Определение соответствия действий водителя транспортного средства требованиям Правил дорожного движения и иным нормативным документам, регламентирующим обеспечение безопасности дорожного движения»¹¹. В данном случае эксперт, как нам представляется, решает юридический вопрос, связанный с квалификацией действий водителя. Если следовать логике, то эксперту предоставляется возможность решать задачу, связанную с тем, есть ли в действиях водителя состав административного право-

нарушения или преступления. Так, по факту дорожно-транспортного происшествия поступило заявление адвоката с просьбой провести автотехническое и транспортно-трасологическое исследование. Перед специалистом один из вопросов звучал следующим образом: «Требованиями каких пунктов Правил дорожного движения РФ следовало руководствоваться водителям автомобиля ВАЗ-21102 г.р.з. _____ и мотоцикла Сузуки без г.р.з. в данной дорожно-транспортной ситуации, и соответствовали ли их действия требованиям этих пунктов Правил дорожного движения РФ?». После проведенного исследования специалистом был получен ответ: «...действия водителя мотоцикла Сузуки _____ не соответствовали требованиям п. 10.1 (абз. 2) ПДД РФ...»¹². Представляется, что эксперт в данном случае вышел за пределы своей компетенции.

Если обратиться к методикам производства автотехнической экспертизы в различных экспертных учреждениях¹³, то можно заметить, что эксперт решает только технические вопросы, которые входят в область его специальных знаний. Поэтому фактически следователь или суд при назначении подобных экспертиз перекладывают свои обязанности по установлению каких-либо юридических фактов и событий на эксперта. Так, при расследовании преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 238 УК России, по факту произошедшего дорожно-транспортного происшествия, в результате которого девять человек погибли и три человека получили телесные повреждения различной степени тяжести, была назначена техническая экспертиза. Следователю необходимо было установить, какими нормативными актами и техническими требованиями должны руководствоваться должностные лица при осуществлении пассажирских перево-

зок и соблюдались ли все необходимые требования, предъявляемые к таким перевозкам, в данной организации, для чего и назначил экспертизу¹⁴. По нашему мнению, в рамках такой экспертизы и рассмотренной нами выше автотехнической экспертизы перед экспертом следует ставить именно вопросы из области техники (например, определение скорости движения транспортного средства, определение технической возможности предотвращения наезда транспортного средства на пешехода и т. д.).

То же самое касается и экспертизы по технике безопасности, которая фактически снимает со следователя все действия, направленные на установление факта совершения преступления, лица, виновного в его совершении, и т. п. Так, монтажник электронно-измерительной аппаратуры 6-го разряда ФГУП ГКНПЦ им. М. В. Хруничева гр-н А., будучи допущенным к работе начальником участка, выполнял плановую технологическую операцию в зале цеха на комплексе «Байконур» по стыковке электросоединения. В процессе выполнения работы А. самовольно вышел за ограждение площадки стенда и продолжил работать, стоя на кронштейне толкателя головного обтекателя изделия. В ходе выполнения работы А. оступился и упал с высоты, получив в результате падения телесные повреждения, от которых скончался в больнице. При расследовании преступления по уголовному делу, возбужденному по ч. 2 ст. 143 УК России, следователем была назначена судебная экспертиза, на разрешение которой стояли следующие вопросы:

– какими правилами по охране труда должен был руководствоваться электромонтажник А. при выполнении работ по сборке изделия ракетно-космической промышленности на предприятии соответствующего профиля;

– относится ли работа, выполняемая А., к работам на высоте или работам с повышенной опасностью? Если да, то согласно каким нормативным актам;

– на кого из должностных лиц ФГУП ГКНПЦ им. М. В. Хруничева были возложены обязанности организации и контроля за соблюдением работником А. мер безопасности и правил охраны труда;

– действия или бездействия какого должностного лица привели к несчастному случаю;

– имелись ли нарушения правил техники безопасности и иных правил охраны труда в действиях должностных лиц ЗЭРКТ 25 октября 2008 г.? Если да, то какие именно¹⁵.

Представляется, что подобные вопросы о том, какими нормативными актами и техническими требованиями должны руководствоваться лица при осуществлении своих действий и т. п., можно выяснить при допросе подозреваемых (обвиняемых), свидетелей и специалистов.

Как видно из приведенных примеров, вопрос о компетенции эксперта в насто-

ящее время до сих пор является актуальным, поскольку и следователи, и суд при назначении судебных экспертиз сами создают условия для того, чтобы заключение эксперта в последующем было признано в качестве недопустимого доказательства, хотя у последнего всегда имеется возможность отказаться от решения вопросов в соответствии с п. 6 ч. 3 ст. 57 УПК России (когда вопросы выходят за пределы специальных знаний эксперта).

Безусловно, заключение эксперта является авторитетным доказательством по уголовному делу для следователей, хотя и не имеет заранее установленной силы. Но вместе с этим следует помнить, что по действующему законодательству эксперт является лицом, обладающим специальными знаниями только в области науки, техники, искусства и ремесла, а потому правовые вопросы не входят в его профессиональную компетенцию. Надеемся, что данный вопрос и в дальнейшем будет изучаться более детально как практическими сотрудниками следственных органов, так и в научном сообществе.

¹ Белкин Р. С. Курс криминалистики. 3-е изд., доп. М., 2001. С. 470.

² См.: Судебная экспертиза : типичные ошибки / под ред. Е. Р. Россинской. М., 2017. С. 9.

³ См.: Там же.

⁴ Российское избирательное право : словарь-справочник. URL: <http://suffrage.academic.ru/117/Компетенция> (дата обращения: 25.08.2017).

⁵ Словарь Ожегова. Толковый словарь русского языка. URL: <http://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=11624> (дата обращения: 25.08.2017).

⁶ См., напр.: Россинская Е. Р., Галяшина Е. И. Настольная книга судьи : судебная экспертиза. М., 2010. С. 85.

⁷ О судебной экспертизе по уголовным делам : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28. URL: <https://rg.ru/2010/12/30/postanovlenie-dok.html> (дата обращения: 25.08.2017).

⁸ См.: Енгальчев В. Ф., Кравцова Г. К., Холопова Е. Н. Судебная психологическая экспертиза по выявлению признаков достоверности/недостоверности информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства (по видеозаписям следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий) : монография. М., 2016.

⁹ Смирнова С. А., Макушкин Е. В., Аснис А. Я. Информационное письмо «О неправомерности определения достоверности показаний путем судебной экспертизы» //

Теория и практика судебной экспертизы : науч.-практ. рецензируемый журнал по судебной экспертизе. М., 2016. № 3 (43). С. 64–73.

¹⁰ См.: Там же.

¹¹ Автотехническая экспертиза. URL: <http://www.sudexpert.ru/possib/auto.php> (дата обращения: 25.08.2017).

¹² Пример автотехнической экспертизы № 4 (заключение специалиста). URL: <http://www.cmki.ru/avtotehnicheskaya-ekspertiza/primer4.shtml> (дата обращения: 25.08.2017).

¹³ См., напр.: Судебная автотехническая экспертиза. Ч. II / отв. ред. В. А. Иларионов. М., 1980 ; Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств. Ч. 1 / под ред. Ю. М. Дильдина ; под общ. ред. В. В. Мартынова. М., 2010. С. 4–40.

¹⁴ См.: Архив уголовных дел о преступлениях, расследованных Следственным комитетом Российской Федерации.

¹⁵ См.: Там же.

*Московская академия Следственного
комитета Российской Федерации*

Ильин Н. Н., кандидат юридических наук,
доцент кафедры криминалистики

E-mail: Nick703@yandex.ru
Тел.: 8-916-133-18-16

*Moscow Academy of the Investigative Committee
of the Russian Federation*

Ilyin N. N., Candidate of Legal Sciences, Associate
Professor of the Criminalistics Department

E-mail: Nick703@yandex.ru
Tel.: 8-916-133-18-16

Л. Б. Краснова

Воронежский государственный университет

ТИПИЧНЫЕ СПОСОБЫ СОВЕРШЕНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

А н н о т а ц и я: в статье рассмотрены типичные способы совершения мошенничества в сфере компьютерной информации, проанализированы их особенности. Дана характеристика каждого этапа совершения преступления в зависимости от примененного способа.

К л ю ч е в ы е с л о в а: мошенничество в сфере компьютерной информации, способы совершения преступлений, хищение, исполнение денежных обязательств, мобильная связь, вредоносные программы.

TYPICAL WAYS TO COMMIT FRAUD IN THE FIELD OF COMPUTER INFORMACION

A b s t r a c t: this paper examines typical ways of committing fraud in the field of computer information; their features are analyzed. The characteristic of each stage of committing a crime is given depending on the applied method.

Key words: fraud in the sphere of computer information, ways of committing crimes, theft, execution of monetary obligations, mobile communication, malicious programs.

Поступила в редакцию 27 октября 2017 г.

В 2012 г. уголовный закон был дополнен нормой, предусматривающей ответственность за мошенничество в сфере компьютерной информации.

В пояснительной записке к проекту данное предложение о дополнении уголовного закона было обосновано следующим образом: «Предлагается также выделить в самостоятельный состав преступления мошенничество в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 законопроекта), когда хищение или приобретение права на чужое имущество сопряжено с преодолением компьютерной защиты имущества (имущественных прав) и осуществляется путем ввода, удаления, модификации или блокирования компьютерной информации либо иного вме-

шательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей. Подобные преступления совершаются не путем обмана или злоупотребления доверием конкретного субъекта, а путем получения доступа к компьютерной системе и совершения вышеуказанных действий, которые в результате приводят к хищению чужого имущества или приобретению права на чужое имущество»¹. Таким образом в законе мошенничество трактуется через перечисление видов его проявления и способов совершения: «удаление, блокирование, модификацию компьютерной информации», т. е. без личного контакта субъекта и потерпевшей стороны, а с применением технических и программных средств.

Виртуальный характер и такое серьезное отличие от традиционного понимания сути мошенничества приводят в процессе правоприменения ст. 159.6 УК РФ к существенным трудностям, связанным именно с ограничением способов совершения мошенничества в сфере компьютерной информации от способов совершения традиционного мошенничества и преступлений в сфере компьютерной информации.

Рассмотрим способы совершения данного преступления более подробно. При этом, на наш взгляд, перечислить все способы мошенничества невозможно, поэтому назовем лишь наиболее часто встречающиеся.

Как уже было сказано выше, обман как способ совершения хищения не характерен для мошенничества в сфере компьютерной информации. В данном случае, на наш взгляд, обман выступает лишь как способ подготовки данного преступления, как способ получения конфиденциальной цифровой информации, которая далее используется для преодоления компьютерной защиты имущества (имущественных прав) и в конечном счете приводит к хищению этого имущества или права на имущество.

Способы получения такой конфиденциальной цифровой информации основаны на так называемой социальной инженерии. Это манипулирование поведением человека с использованием социальных и психологических инструментов и не требующее применения специальных технических средств. Преступники различными способами с использованием психологических приемов вводят клиентов банков, абонентов мобильной связи в заблуждение и получают у них важную информацию, необходимую для получения удаленного доступа к банковским счетам, учетным записям мобильных приложений: коды, пароли, номера и т. д.

Наиболее типичным и распространенным способом мошенничества в сфере компьютерной информации является использование реквизитов платежной карты вкладчика банка при исполнении денежных обязательств с использованием электронных средств платежа.

«Исполнение денежных обязательств с использованием электронных средств платежа на сегодняшний день может производиться тремя способами: 1) путем удаленного доступа к банковскому счету с использованием систем: АТМ-банкинга, on-line-банкинга, mobile-банкинга и перевода денежных средств на банковский счет получателя средств; 2) путем использования электронного кошелька для перевода «электронных денег»; 3) путем использования платежной карты или ее реквизитов для списания денежных средств со счета держателя»².

Способ совершения данного преступления включает следующие основные этапы.

На подготовительном этапе данного преступления преступники получают доступ к конфиденциальным данным вкладчика от него самого. К основным способам получения такой информации можно отнести следующие.

1. Имитируется «звонок из банка» с просьбой уточнить данные карты вкладчика – номер, дату выдачи и другие данные. Если клиент сообщит все свои данные, преступники получают возможность для списания денежных средств со счета ее владельца.

2. Осуществляется рассылка электронных писем, в которых от имени банков сообщается об изменениях в системе обеспечения безопасности вкладов и запрашиваются некоторые сведения, в том числе сведения о карте вкладчика. В письме, как правило, содержится ссылка, якобы ведущая на сайт банка – эмитента карты. Однако этот сайт только имитирует

сайт банка и является подделкой. После заполнения этой анкеты персональные данные клиента, а значит, и электронные средства, доступные по его карте, становятся доступны преступникам.

3. С помощью мессенджера Viber пользователям отправляются сообщения, в которых говорится, что с их карты в течение суток будет списана сумма за покупку, которую пользователи не совершали. В случае если пользователь не совершал данную операцию, ему предлагается позвонить по указанному номеру, якобы в службу финансовой безопасности банка. Во время звонка преступники пытаются получить данные банковской карты пользователя, обычно просят назвать номер и код CVV2 карты.

На заключительном этапе путем использования полученной конфиденциальной информации о средстве электронного платежа преступники направляют подложное платежное поручение о перечислении денег на те счета, средствами на которых они имеют реальную возможность распорядиться в свою пользу или в пользу других лиц.

Другой способ совершения мошенничества в сфере компьютерной информации связан с использованием особенностей средств мобильной связи.

Хищение или приобретение права на чужое имущество не обязательно подразумевает использование средства компьютерной техники. Это может быть иное техническое устройство. В последнее время появилось и продолжает появляться все больше технических устройств, выполняющих функции передачи, хранения, восприятия информации, доступа к сетевым ресурсам, не относящихся к компьютерной технике: телефоны, смартфоны, планшет и т. д. Общим для всех этих устройств является цифровая природа информации, которую они обрабатывают, хранят и воспри-

нимают. При этом под цифровой информацией понимается «любая информация, представленная в виде последовательности цифр, доступная для ввода, обработки, хранения, передачи с помощью технических устройств. В качестве таковой может выступать текст, фотоизображения, видеозаписи, фонограммы, графика и т. п., служащие объектами криминалистического исследования и имеющие значение для расследования уголовного дела»³. При этом все эти объекты имеют различную внешнюю форму и способы восприятия информации, однако общим для них является способ ее существования и, следовательно, криминалистические способы ее получения и исследования. И в связи с этим, на наш взгляд, правильнее было бы вести речь о мошенничестве с использованием цифровой информации.

На подготовительном этапе данного преступления преступники получают доступ к конфиденциальной информации абонента мобильной связи, например, следующими способами.

1. Преступники звонят гражданам, представляются провайдером мобильной связи или инженерами компаний сотовой связи и просят набрать на телефоне определенную комбинацию цифр и символов. После этого мошенники получают доступ к SIM-карте и мобильному банку. Это позволяет им звонить за счет пользователей и уводить деньги с их банковских счетов, «по экспертным оценкам, ущерб от новой схемы – 10–15 млн рублей. Специалисты по кибербезопасности уверены, что схема будет “работать” около года»⁴.

2. Достаточно часто возникает ситуация, когда, заключив договор на подключение телефона сотовой связи и получив от оператора сотовой связи SIM-карту, новый владелец SIM-карты обнаруживает, что прежний владелец указанной

SIM-карты не отказался от предоставления услуги «Мобильный банк», подключенной к его банковской карте. В результате новый владелец получает доступ к списанию денежных средств с банковской карты прежнего владельца абонентского номера.

3. Преступники, используя различные приложения для обмена сообщениями в Интернете, установленные на их мобильных телефонах, знакомятся, устанавливают доверительные отношения с пользователями этих приложений. В дальнейшем под различными предлогами получают от пользователей доступ к их учетным записям в мобильном приложении обмена сообщениями в Интернете, после чего рассылают от имени этих лиц другим пользователям сообщения в виде просьб о перечислении денежных средств на телефонные номера, находящиеся в их распоряжении.

На заключительном этапе данного преступления путем отправки команд со своих мобильных устройств осуществляется перевод денежных средств в безналичной форме с банковской карты на лицевые счета абонентских номеров преступников. В последующем преступники получают возможность распоряжаться этими денежными средствами по своему усмотрению, например, обратившись к оператору сотовой связи с заявлением о расторжении договора на оказание услуг связи и возврате оставшейся на лицевом счету его абонентского номера денежной суммы.

В качестве третьего способа совершения мошенничества в сфере компьютерной информации следует выделить использование вредоносных программ.

В данном случае вредоносные программы выступают как средство для получения логинов и паролей, с помощью которых владелец счета управляет движением безналичных денежных средств.

На подготовительном этапе при этом способе совершения мошенничества в сфере компьютерной информации происходит создание вредоносных программ, которые активируются при запуске средства компьютерной техники и не позволяют пользователю загрузить операционную систему. Например, «вредоносная программа **Trojan-Ransom.Win32.Rector** используется мошенниками для несанкционированной модификации данных на компьютере-жертве таким образом, чтобы сделать невозможным работу с ними либо блокировать нормальную работу компьютера. После того как данные заблокированы, пользователю выдвигается требование выкупа. Озвученную в требовании сумму жертва должна передать злоумышленнику, после чего злоумышленник обещает выслать программу для восстановления данных или восстановления работоспособности компьютера»⁵. «Объединяет все подобные вирусы схожее требование – для разблокирования компьютера или расшифровки файлов пользователю предлагают перевести деньги, как правило, в сумме от 300 до 1500 рублей на указанный номер электронного кошелька или пополнить счет сотового телефона. В некоторых случаях пользователю предлагают отправить СМС-сообщение на короткий номер»⁶.

На заключительном этапе происходит списание средств с банковского счета или абонентского счета пользователя мобильной связи.

В заключение хотелось бы отметить, что раскрытие и расследование мошенничества в сфере компьютерной информации, на наш взгляд, требует формирования определенной криминалистической методики, учитывающей, с одной стороны, специфику преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий, а с другой – мошенничества.

¹ Пояснительная записка «К проекту Федерального закона “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и иные законодательные акты Российской Федерации”». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² *Хисамова З. И.* Проблемы уголовно-правовой квалификации мошенничества в сфере компьютерной информации с использованием электронных средств платежа // Современные проблемы уголовной политики : материалы V Междунар. науч.-практ. конф., 3 окт. 2014 г. : в 3 т. / под ред. А. Н. Ильяшенко. Краснодар, 2014. Т. III. С. 166–174.

³ *Кушниренко С. П.* Цифровая информация как самостоятельный объект криминалистического исследования // Вестник криминалистики. Вып. 2 (18). М., 2006. С. 43–47.

⁴ *Алексеевских А.* Мошенники изобрели способ звонить за счет граждан. URL: <https://iz.ru/658024/anastasiia-alekseevskikh/v-rossii-poiavilas-novaia-moshennicheskaia-skhemа> (дата обращения: 24.10.2017).

⁵ Kaspersky Lab. URL: <https://support.kaspersky.ru/viruses/disinfection/4264> (дата обращения: 24.10.2017).

⁶ *Шапошников А. Ю.* Криминалистический и уголовно-правовой анализ мошенничеств, совершаемых с использованием компьютерных вирусов // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 4 (32). С. 302–306.

Воронежский государственный университет

Краснова Л. Б., кандидат юридических наук,
доцент кафедры криминалистики

E-mail: krasnovva@mail.ru

Тел.: 8 (473) 255-84-91

Voronezh State University

Krasnova L. B., Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Criminalistics Department

E-mail: krasnovva@mail.ru

Tel.: 8 (473) 255-84-91

В. Н. Махов

Российский университет дружбы народов

П. А. Луценко

Воронежский государственный аграрный университет имени императора Петра I

О ФУНКЦИЯХ СЛЕДСТВЕННОГО СУДЬИ И СУДЬИ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩЕГО КОНТРОЛЬ В ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

А н н о т а ц и я: в статье излагается позиция авторов по вопросам о введении в уголовный процесс России института следственных судей. Как и ряд других юристов, авторы статьи в целом одобряют предложения о введении названного института, полагая, что он, как и в уголовном процессе зарубежных государств и дореволюционной России, будет осуществлять функцию предварительного судебного следствия. Вместе с тем в статье приводятся доводы против наделяния следственного судьи полномочиями по судебному контролю за следствием и дознанием, а также доводы по совершенствованию института судебного контроля.

К л ю ч е в ы е с л о в а: судебный контроль, судья, уголовное судопроизводство, следственный судья, промежуточные судебные решения.

ABOUT FUNCTIONS OF THE INVESTIGATIVE JUDGE AND JUDGE EXERCISING CONTROL IN PRE-JUDICIAL STAGES OF CRIMINAL LEGAL PROCEEDINGS

A b s t r a c t: in article the position of authors on questions of introduction to criminal trial of Russia of institute of investigative judges is stated. As well as some other lawyers, authors of article in general approve offers on introduction of the called institute, believing that he, as well as in criminal trial of the foreign states and pre-revolutionary Russia, will carry out function of a preliminary examination. At the same time arguments against investment the investigative judge by powers on judicial control of a consequence and inquiry, and also arguments on improvement of institute of judicial control are given in article.

Key words: judicial control, judge, criminal legal proceedings, investigative judge, intermediate judgments.

Поступила в редакцию 26 сентября 2017 г.

По итогам заседания Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека 14 октября 2014 г. Президент России рекомендовал Верховному суду РФ до 15 марта 2015 г. изучить вопрос о возможности введения института **следственных судей**. В свя-

зи с этим получила новый импульс дискуссия о введении в уголовный процесс России института следственных судей, аналог которого действовал в уголовном процессе дореволюционной России.

Возвращаясь к дискуссии о следственном судье, заметим, что А. Петров предлагает сделать наше предваритель-

© Махов В. Н., Луценко П. А., 2018

ное следствие судебным¹. Таковым оно является в том или ином виде на протяжении веков в уголовном процессе зарубежных государств (исключение: уголовный процесс России после установления советской власти и до сего времени и некоторых стран СНГ). Обоснования предложения о введении в отечественный уголовный процесс такого института приводились рядом авторов, в том числе В. Н. Маховым². В этом контексте обратим внимание на следующие обстоятельства. Традиционные полномочия следственного судьи – производство предварительного судебного следствия. Эта функция не совместима с функцией судебного контроля в уголовном процессе зарубежных государств.

Предварительное следствие, осуществляемое представителями исполнительной, а не судебной власти, было создано в годы советской власти для обслуживания интересов тоталитарного государства. Очевидно, что судебное предварительное следствие является более демократичным, направленным, прежде всего, на защиту прав и свобод лиц, вовлеченных в уголовный процесс. Появится возможность полнее реализовать в уголовном процессе международно-правовые нормы о правах и свободах человека и гражданина. И еще: при введении предварительного судебного следствия будут созданы реальные условия для международного сотрудничества при производстве по уголовным делам.

Мы согласны с мнением А. В. Смирнова о том, чтобы предварительное следствие по уголовным делам было судебным и осуществлялось следственными судьями. Но мы против суждения А. В. Смирнова о том, чтобы «наделять следственных судей помимо традиционных полномочий по оперативному контролю за соблюдением конституционных прав

граждан (по разрешению жалоб, даче согласия на заключение обвиняемого под стражу и т. п.) новыми прерогативами по проведению так называемых судебных следственных действий, а также контролю за законностью и обоснованностью уголовного преследования при решении вопроса о передаче уголовного дела в суд для его рассмотрения по существу»³. Это две самостоятельные функции, и нет никаких оснований для их совмещения. Получится, что сам следственный судья будет осуществлять контроль за своей деятельностью по проведению следствия. Как отмечено выше, понятие следственного судьи в уголовном процессе стран континентальной Европы (как и в уголовном процессе дореволюционной России) всегда было связано с деятельностью судьи, осуществляющего предварительное судебное следствие. Следователя – представителя исполнительной (административной) власти в уголовном процессе зарубежных государств никогда не было. Так, в уголовном процессе Франции следственный судья осуществляет предварительное следствие, возводит в ранг доказательств сведения, полученные от прокурора и органа дознания (судебной полиции), для проверки этих сведений в порядке, установленном УПК. Следственный судья во Франции не осуществляет каких-либо функций по судебному контролю. Напротив, за его деятельностью осуществляет контроль обвинительная камера, как следственный суд в стадии предварительного следствия второй инстанции, имеющийся в каждом апелляционном суде. Обвинительная камера рассматривает жалобы на процессуальные действия и решения следственного судьи. Нет у следственного судьи и полномочий на заключение под стражу лиц, в отношении которых проводится предварительное следствие. Это функ-

ция судьи по свободам и заключению. В основном такое же процессуальное положение следственного судьи в Бельгии, Голландии.

Нашему законодателю целесообразно поэтапно привести уголовно-процессуальное законодательство о предварительном следствии в соответствие с зарубежными институтами, действующими в уголовном процессе развитых стран. Ориентиром должно быть уголовно-процессуальное законодательство Франции, Германии, других стран континентальной Европы.

Одним из главных доводов в обоснование введения института следственных судей, по мнению авторов такого предложения, является то, что следователи ведут расследование односторонне, собирая лишь доказательства обвинения; отказывают обвиняемым и их защитникам в ходатайствах о производстве следственных действий, судебных экспертиз, приобщении заключения специалиста и его допросе.

Эти доводы в значительной степени справедливы. Но следователи в этой ситуации ссылаются на содержание ч. 2 ст. 15 УПК РФ о том, что функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или на одно и то же должностное лицо.

Конечно же, в УПК РФ есть ряд норм, в частности, ст. 73 об обстоятельствах, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу. Но эта статья не называет конкретных субъектов полного, всестороннего доказывания.

В этой ситуации в качестве первого этапа возрождения судебного предварительного следствия предлагается вывести следователя из числа участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения, обязав его вести следствие полно,

всесторонне и объективно. Подробнее об этом писалось неоднократно. Тем самым в значительной мере снимется проблема, требующая, по мнению А. В. Смирнова, введения института следственных судей с функциями судебного контроля в стадиях досудебного производства, а также проведения судебных следственных действий.

Речь идет не о том, чтобы нынешних следователей перевели в судебное ведомство. Вначале нужно подготовить корпус более квалифицированных следователей и вывести их из числа участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения. Вместе с тем целесообразно, чтобы также следователи получали полномочия быть активными в процессе доказывания при собирании доказательств по собственной инициативе в целях установления истины по делу. В этом отношении можно обратиться к нормам УПК Франции о следственном судье. Согласно ст. 81 УПК Франции «следственный судья проводит в соответствии с законом все следственные действия, которые он сочтет необходимыми для установления истины».

В последние годы в отдельных странах, которые на правах союзных республик входили в Советский Союз (СССР), а точнее в Латвии, Молдавии, Украине, законодатель предусмотрел нового участника уголовного процесса – следственного судью совсем с иными полномочиями, нежели у следственного судьи в традиционном, общепринятом смысле.

Представляется, что нашему законодателю нет никаких оснований заимствовать экспериментальный опыт указанных стран. Уголовный процесс России нуждается в совершенствовании судебного контроля в досудебном производстве в традиционном его понимании. В частности, считаем, что созрели условия для того, чтобы вернуть в ст. 63 УПК

РФ, поспешно устранившую в мае 2002 г., норму о том, что судья не может участвовать в рассмотрении уголовного дела в суде первой и последующих инстанций, если он в ходе досудебного производства принимал решения о применении к подозреваемому, обвиняемому меры пресечения в виде заключения под стражу⁴. Конечно же, норма эта должна быть дополнена и другими случаями участия судьи в контроле, предусмотренными ч. 2 и 3 ст. 29 УПК РФ, при наличии которых судья не может осуществлять судебное разбирательство.

Выступая против создания в уголовном процессе России института следственных судей, которые осуществляли бы судебный контроль за следствием и дознанием, В. Быков и Н. Манова предлагают вместо этого следующий вариант решения вопроса о судебном контроле: «Если же говорить о возможности повышения действенности существующего судебного контроля на досудебном производстве, то, по нашему мнению, внимание законодателя заслуживают предложения сделать его исключительно последующим, проводящимся по жалобам заинтересованных участников уголовного судопроизводства»⁵.

Приведенное предложение неприемлемо, поскольку оно противоречит ряду норм Конституции Российской Федерации.

Согласно Конституции Российской Федерации: «Арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению... (ч. 2 ст. 22); каждый имеет право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Ограничение этого права допускается только на основании судебного решения (ч. 2 ст. 23); жилище неприкосновенно. Никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем

лиц иначе, как в случаях, установленных федеральным законом или на основании судебного решения» (ст. 25).

Напротив, судебный контроль (не только санкционирование на досудебных стадиях уголовного судопроизводства России) подлежит развитию и совершенствованию.

О судебном контроле и следственном суде в уголовном процессе ежегодно публикуется целый ряд работ, что свидетельствует о его востребованности на практике и в науке. В частности, Ю. К. Якимович с сожалением писал, что «расширение сферы судебного контроля за следствием и дознанием превращает судью в судебного следователя». Возражая Ю. К. Якимовичу, один из авторов данной работы В. Н. Махов вскоре после принятия УПК РФ высказал мнение, что целесообразно введение института судей, осуществляющих функцию контроля за следствием и дознанием в порядке, установленном ч. 2 ст. 29 УПК РФ.

Реализация этого предложения остается актуальной и в настоящее время. Но, как отмечалось выше, этот судья не должен осуществлять предварительное следствие; его функция – осуществление судебного контроля за следствием. Его основное назначение – защита прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства от незаконных и необоснованных действий и решений следователей, дознавателей, руководителей следственных органов, прокуроров. Данное предложение не утратит актуальность в случае, если следователя законодатель выведет из числа участников стороны обвинения.

С учетом изложенного можно согласиться с авторами, которые предлагают наделить полномочиями по судебному контролю специально выделенного судью. Но в силу приведенных выше доводов нет оснований именовать его след-

ственным судьей. Следственным судьей в уголовном процессе стран континентальной Европы принято именовать судью, осуществляющего предварительное судебное следствие. Нет оснований в отечественном уголовном процессе «идти иным путем», вкладывать иное содержание в термин «следственный судья».

Судья по контролю за предварительным расследованием должен быть доступен для своевременного санкционирования применения мер пресечения (ареста, домашнего ареста, залога) и производства ряда следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных ч. 2 ст. 29 УПК РФ, а также для рассмотрения жалоб на действия (бездействие) и решения прокурора, следователя, органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания и дознавателя (ч. 3 ст. 29 УПК РФ). Поэтому представляется неприемлемым предложение А. В. Смирнова, чтобы судья по контролю (в его предложении следственный судья) был членом суда субъекта Федерации. Часто наши районные центры располагаются за десятки и сотни километров от столицы субъекта Федерации. Работа судьи по контролю станет эффективнее, если он будет из числа судей суда, в котором будет рассматриваться дело по существу. В этом случае интересен опыт США, где судебные решения на арест и обыск уполномочены принимать магистры, мировые судьи, территориально наиболее приближенные к полицейским участкам. Наши мировые судьи «перегружены»; им сложно оперативно принимать решения по судебному контролю по уголовным делам о преступлениях, которые им неподсудны.

Излишни опасения, что решение по судебному контролю районного судьи будет «довлеть» на судью того же суда, который будет рассматривать уголовное дело по существу. В этом отношении

важнее, как отмечалось выше, то, что созрели условия организационного характера вернуть в УПК РФ норму о запрете совмещения судьей функции по осуществлению судебного контроля и функции по рассмотрению уголовного дела.

Таким образом, функция следственного судьи и функция судьи по контролю за следствием и дознанием – самостоятельные и нет оснований для их совмещения. Одобрив предложение о введении в уголовный процесс института следственных судей, полагаем, что этому должен предшествовать вывод нынешних следователей из участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения. На следующем этапе целесообразно ввести в уголовный процесс следственных судей с полномочиями, сходными с теми, которыми наделен следственный судья во Франции. Что касается судебного контроля, то его, по нашему мнению, должен осуществлять специализированный судья – **«судья по контролю»**.

Институт судебного контроля за следствием и дознанием нуждается в совершенствовании с учетом внесенных в данной статье предложений. Научно-теоретические работы, обобщения материалов практики дают основания ввести в УПК РФ термин **«судебный контроль в стадиях досудебного производства»**, который объединил бы единым термином все полномочия суда, указанные в ч. 2 и 3 ст. 29 УПК РФ, и принятие в ходе их реализации в каждом конкретном случае промежуточного судебного решения. Краткое определение судебного контроля в досудебных стадиях уголовного процесса рекомендуется поместить в дополнительном пункте ст. 5 УПК РФ и сформулировать его следующим образом: **«Полномочия суда, изложенные в ч. 2 и 3 ст. 29 УПК РФ, реализуемые в форме принятия промежуточных судебных решений»**.

¹ Петров А. Следствия поведут судьи // Рос. газета. 2015. 20 янв. С. 3.

² Махов В. Н. Проблемы совершенствования досудебного производства в уголовном процессе России // Актуальные вопросы расследования преступления на современном этапе : материалы науч.-практ. конф. МАРП, 2004. С. 26–30.

³ Смирнов А. В. Вокруг института следственных судей : манипуляции с «американизацией» и «объективной истиной» // Уголовное судопроизводство. 2015. № 2. С. 9–14.

⁴ См.: Махов В. Н. Судебный контроль за соблюдением прав и свобод граждан органами следствия и дознания // Концептуальные основы реформы уголовного судопроизводства в России : материалы науч. конф. 22–23 января 2002 г. М., 2002. С. 106–109.

⁵ Быков В., Манова Н. Нужен ли уголовному судопроизводству России следственный судья // Законность. 2015. № 6. С. 46.

Российский университет дружбы народов

Махов В. Н., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики юридического института, заслуженный юрист РФ

Тел.: 8 (495) 434-41-12

Воронежский государственный аграрный университет имени императора Петра I

Луценко П. А., кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса

E-mail: lawyer.vrn@mail.ru

Russian Peoples' Friendship University

Makhov V. N., Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics of Law Institute, Honored Lawyer of Russia

Tel.: 8 (495) 434-41-12

Voronezh State University named after Emperor Peter I

Lutsenko P. A., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Criminal Law and Criminal Procedure Department

E-mail: lawyer.vrn@mail.ru

В. А. Передерий

Московская академия Следственного комитета Российской Федерации

ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ С УЧАСТИЕМ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН

Аннотация: в статье рассматриваются особенности расследования преступлений, совершенных с участием иностранных граждан, с различным процессуальным статусом; статья основана на анализе научных и практических публикаций по данной теме, материалов проверок и уголовных дел по фактам совершения преступлений иностранными гражданами и в отношении иностранных граждан, практики профилактических мероприятий в следственных управлениях субъектов Российской Федерации.

Ключевые слова: иностранные граждане, уголовное судопроизводство, международное сотрудничество.

PECULIARITIES OF INVESTIGATION OF CRIMES, PERFORMED WITH PARTICIPATION OF FOREIGN CITIZENS

Abstract: the article examines the peculiarities of investigating crimes committed with the participation of foreign citizens, with different procedural status; the article is based on the analysis of scientific and practical publications on this topic, the materials of inspections and criminal cases on the facts of committing crimes by foreign citizens and against foreign citizens, the practice of preventive measures in investigative departments of the subjects of the Russian Federation.

Key words: foreign citizens, criminal justice, international cooperation.

Поступила в редакцию 21 сентября 2017 г.

«В конце XX – начале XXI в. экономические и политические процессы, происходящие в российском государстве, радикально изменили ситуацию: расширились и динамично развиваются международные, внешнеэкономические и политические связи; открылись старые и появились новые границы. Все это обусловило активизацию миграционных процессов, увеличило количество иностранных граждан и лиц без гражданства, прибывающих в Россию.

Сложное экономическое положение в ряде иностранных государств, ужесточение конкуренции на рынке труда, мас-

совые увольнения работников и отсутствие у подавляющего большинства из них средств к существованию привели к увеличению масштаба притока в Россию населения из бывших союзных республик, стран дальнего зарубежья»¹.

В связи с этим необходимо рассматривать деятельность по выявлению, расследованию и профилактике преступлений, совершенных иностранными гражданами и в отношении них, как одно из приоритетных направлений деятельности следственного органа, ориентировать следователей на установление в ходе расследования уголовных дел обстоятельств, способствовавших совершению престу-

© Передерий В. А., 2018

плений, всестороннее изучение личности иностранных граждан и законности их пребывания на территории Российской Федерации независимо от их процессуального статуса.

К основной категории сообщений о преступлениях, подследственных органам СК России, совершаемых мигрантами из стран СНГ, следует отнести преступления, предусмотренные ст. 291 и 291.2 УК РФ по фактам дачи взяток должностным лицам, прежде всего органов внутренних дел, в связи с неосуществлением установленных законом процедур по привлечению к административной ответственности за нарушение миграционного законодательства Российской Федерации.

По уголовным делам, где преступления совершены мигрантами, в ряде случаев имеет место факт незаконного пребывания иностранных граждан на территории Российской Федерации на момент совершения преступления (по указанным фактам иностранные граждане привлекались к административной ответственности).

Чаще всего иностранными гражданами нарушается порядок выезда (въезда) иностранного гражданина в Российскую Федерацию, уклонение от выезда по истечении срока пребывания (проживания).

В связи с этим в ходе проведения до следственных проверок и расследования уголовных дел с участием иностранных граждан в обязательном порядке необходимо выяснять законность их пребывания и осуществления трудовой деятельности на территории Российской Федерации.

Обо всех случаях нарушения миграционного законодательства, ответственность за которые предусмотрена ст. 18.8–18.12, 18.14–18.20, 19.27 КоАП РФ, следователю следует направлять информацию в компетентные органы внутренних дел и, в случае необходимости, органы ФСБ России.

По каждому уголовному делу о преступлениях, совершенных нелегальными мигрантами, следователь должен принять меры к установлению каналов незаконного въезда их на территорию Российской Федерации, мест нелегального проживания и работы иностранных граждан, направив соответствующие запросы (информацию) в компетентные органы.

В случае выявления в ходе предварительного следствия фактов, указывающих на признаки организации незаконной миграции, следователю необходимо составлять рапорт об обнаружении признаков преступлений, предусмотренных ст. 322.1–322.3 УК РФ, проводить процессуальную проверку с принятием одного из решений, указанных в ч. 1 ст. 145 УПК РФ.

Необходимо помнить, что в случае задержания лица, являющегося гражданином или подданным другого государства, необходимо строго соблюдать требования ч. 3 ст. 96 УПК РФ и п. «б» ст. 36 Венской конвенции «О консульских сношениях» от 24 апреля 1963 г., в соответствии с которыми необходимо безотлагательно уведомлять об этом консульское учреждение представляемого им государства.

При избрании в отношении подозреваемых (обвиняемых) иностранных граждан меры пресечения следователю следует руководствоваться требованиями ст. 97–101 УПК РФ. В необходимых случаях избирать меру пресечения в виде заключения под стражу, в том числе с учетом исключений, установленных ч. 1 ст. 108 УПК РФ.

Проведенный анализ следственной деятельности показывает, что в случае принятия судом решения об административном выдворении иностранного гражданина, привлекаемого в качестве подозреваемого (обвиняемого), в отношении него избиралась мера пресечения в виде заключения под стражу. До постановки

приговора суда и отбытия иностранным гражданином наказания административное выдворение не осуществлялось.

По указанной категории уголовных дел необходимо планировать проведение следственных действий с учетом национальных и религиозных особенностей участников предварительного следствия. В случае если лицо не владеет русским языком, обеспечивать в обязательном порядке участие переводчиков, обращая особое внимание на диалекты и наречия, на которых разговаривает участник уголовного судопроизводства. Выяснять уровень знаний переводчика, приобщать к материалам уголовного дела документы, подтверждающие его квалификацию, образование и т. д. Вопросы участия переводчиков при проведении следственных действий и изготовлении переводов документов необходимо решать путем установления рабочих контактов с различными организациями, осуществляющими перевод, которые при заблаговременном уведомлении о необходимости осуществления процессуальных действий обеспечивают участие переводчиков.

Строго должны соблюдаться требования п. 4 ч. 1 ст. 51 УПК РФ, в соответствии с которым участие защитника в уголовном судопроизводстве обязательно, если подозреваемый, обвиняемый не владеет языком, на котором ведется производство по уголовному делу.

Следователям надлежит принимать меры к незамедлительному установлению полных и достоверных анкетных данных иностранных граждан (подозреваемых, обвиняемых, свидетелей, потерпевших). К материалам уголовного дела необходимо приобщать заверенные надлежащим образом копии документов, удостоверяющих их личность, подтверждающих право на пребывание (проживание) в Российской Федерации, а также, в случае необходимости, иных документов

(справок, характеристик, патентов на работу, лицензий и т. д.).

Зачастую указанные лица не имеют официальных документов, органы государственной власти также не располагают о них какими-либо сведениями. При этом у правоохранительных органов отсутствует единая база данных о лицах, въезжающих на территорию Российской Федерации, и их перемещениях, что осложняет раскрытие совершенных ими преступлений, снижает результаты оперативно-розыскных мероприятий и является причиной высокой латентности преступлений в данной криминогенной среде.

Нарушение указанных требований в ряде случаев приводит к направлению прокурором в порядке ст. 221 УПК РФ уголовного дела для дополнительного расследования, а также возвращению уголовного дела прокурору судом в порядке ст. 237 УПК РФ.

Так, прокурором в порядке ст. 221 УПК РФ направлено для дополнительного расследования уголовное дело, возбужденное в отношении гражданина Республики Молдова Т. за совершение им преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 3 ст. 291 УК РФ, в связи с тем, что у назначенного следователем переводчика, являющего гражданином Республики Молдова, отсутствовал документ о том, что он владеет молдавским языком².

Неправильный перевод полных анкетных данных обвиняемого явился одним из оснований к возвращению судом в порядке ст. 237 УПК РФ уголовного дела в отношении гражданина Сирийской Арабской Республики М. и гражданина России А. по признакам преступлений, предусмотренных ч. 5 ст. 291, ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 226.1 УК РФ (дача взятки должностным лицам и контрабанда птиц, занесенных в Красную книгу России).

В качестве одного из основных нарушений суд указал, что, как видно из материалов уголовного дела (в частности, паспорта обвиняемого М. с переводом), у него есть отчество «Карим», однако следователем предъявлено обвинение и составлено обвинительное заключение в отношении М. без отчества, что лишило суд возможности установить достоверно личность подсудимого³.

Личность иностранного гражданина возможно устанавливать путем направления запросов в органы внутренних дел, таможенные органы, органы пограничного контроля, посольства (консульства), в компетентные органы иностранных государств, в том числе по линии Интерпола; путем истребования документов из железнодорожных и авиационных компаний (пассажирыские манифесты, электронные билеты и т. д.), установлением и допросом провожающих лиц, знакомых и друзей, а также лиц по месту жительства и работы иностранного гражданина.

В случае гибели (причинения смерти) иностранного гражданина следователь должен направлять информацию об этом в соответствующее посольство (консульство), а также подразделения миграционной службы органов внутренних дел по месту жительства (регистрации) иностранного гражданина.

Наряду с основными обстоятельствами, подлежащими доказыванию, следователь должен выявлять причины и условия, способствовавшие совершению преступлений, должностных лиц, допустивших нарушения миграционного законодательства, решать вопросы о привлечении их к установленной законом ответственности.

Как показывает практика, основными обстоятельствами, способствующими совершению мигрантами преступлений, по-прежнему является низкий уровень их жизни и социальная

незащищенность на территории Российской Федерации, а также их правовой нигилизм (например, иностранные граждане часто до конца не осознают, что, давая взятку должностному лицу, совершают преступление).

По выявленным в ходе расследования обстоятельствам, которые способствовали совершению преступления, в целях их устранения следователю необходимо направлять представления в порядке ч. 2 ст. 158 УПК РФ. Данные представления должны, прежде всего, преследовать цель – предупреждение совершения аналогичных преступлений (в том числе с помощью правового просвещения иностранных граждан).

В практике нередки случаи, когда следствие не имеет возможности оперативно провести следственные действия с иными участками уголовного судопроизводства (помимо подозреваемых и обвиняемых), являющимися иностранными гражданами, по причине их выезда за пределы России.

Таким образом, по указанной категории уголовных дел допросы таких потерпевших (свидетелей) необходимо осуществлять незамедлительно и с применением видеозаписи; в кратчайшие сроки проводить очные ставки между ними и подозреваемыми (обвиняемыми); выяснять у потерпевших (иностранных граждан), смогут ли они явиться для ознакомления с материалами уголовного дела (требования ст. 216 УПК РФ), а также в суд, а у свидетелей – в суд. В обязательном порядке истребовать от них соответствующие заявления, приобщать их к материалам уголовного дела.

Зачастую в ходе предварительного расследования по преступлениям с участием иностранных граждан возникает необходимость в международно-правовом сотрудничестве.

В соответствии со ст. 453 УПК РФ при необходимости производства на территории иностранного государства допроса, осмотра, выемки, обыска, судебной экспертизы или иных процессуальных действий суд, прокурор, следователь, руководитель следственного органа, дознаватель вносят запрос об их производстве компетентным органом или должностным лицом иностранного государства в соответствии с международным договором Российской Федерации, международным соглашением или на основе принципа взаимности.

«В то же время имеют место проблемы, касающиеся сроков исполнения ходатайств о проведении тех или иных

следственных и иных процессуальных действий. Следственная практика показывает, что нередко такие запросы исполняются месяцами, а то и вообще остаются без какого-либо внимания»⁴.

Таким образом, в случае возникновения необходимости в проведении следственных действий на территории иностранного государства следователю надлежит незамедлительно составлять данные запросы.

Следует отметить, что указанный перечень проблем, с которыми сталкивается следствие при расследовании данной категории уголовных дел, не является исчерпывающим, а вопросы международно-правового сотрудничества требуют отдельного исследования.

¹ Бастрыкин А. И. Противодействие преступности мигрантов – один из основных факторов укрепления безопасности России // Право и безопасность. 2009. № 2 (31), июль. URL: http://dpr.ru/pravo/pravo_27_7.htm (дата обращения: 19.09.2017).

² См.: Контрольное производство по уголовному делу по обвинению Т. в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 3 ст. 291 УК РФ // Архив Московского МСУТ СК России.

³ См.: Контрольное производство по уголовному делу по обвинению М. и А. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 5 ст. 291, ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 226.1 УК РФ // Архив Московского МСУТ СК России.

⁴ Багмет А. М. Взаимодействие правоохранительных органов при противодействии международному терроризму // Сборник материалов по международному сотрудничеству Следственного комитета Российской Федерации. М., 2015. С. 134.

Московская академия Следственного комитета Российской Федерации

Передерий В. А., ведущий научный сотрудник
Научно-исследовательского института
криминалистики, полковник юстиции

E-mail: 9151149167@mail.ru

Tel.: 8-915-114-91-67

Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation

Peredery V. A., Leading Researcher,
Research Institute of Criminalistics,
Colonel of Justice

E-mail: 9151149167@mail.ru

Tel.: 8-915-114-91-67

М. Ю. Пучнина

Воронежский институт МВД России

МЕХАНИЗМ СКЛОНЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ К СУИЦИДУ В «ГРУППАХ СМЕРТИ»

Аннотация: в исследовании дается определение «группам смерти», раскрываются особенности их деятельности, расписывается механизм оказываемого психологического давления на несовершеннолетних. Кроме того, обозначаются проблемы, возникающие при противодействии указанным интернет-сообществам, и предлагаются пути их преодоления.

Ключевые слова: суицид, подростковый суицид, несовершеннолетние, «группы смерти», куратор, механизм вовлечения, социальные сети, склонение к самоубийству, доведение до самоубийства, противодействие суицидальным проявлениям.

MECHANISM OF PERSUADING OF MINORS TO SUICID IN «THE GROUPS OF DEATH»

Abstract: the study defines «death groups», reveals the characteristics of their activities, and describes the mechanism of psychological pressure on minors. Besides, the problems that arise when opposing these Internet communities are identified, and ways of overcoming them are suggested.

Key words: suicide, adolescent suicide, minors, «the groups of death», curator, engagement mechanism, social networks, encouragement of suicide, incitement to suicide, counteraction to suicidal manifestations.

Поступила в редакцию 10 октября 2017 г.

Негативным мыслям о самоубийстве более подвержено молодое поколение. Так, по данным Всемирной организации здравоохранения, суицид является одной из ведущих причин смерти среди молодых людей в возрасте 15–29 лет¹. Что касается России, то на фоне положительной динамики снижения общего количества суицидов по числу зарегистрированных детских и подростковых самоубийств наша страна продолжает оставаться одним из мировых лидеров. В период с 2011 по 2015 г. показатель количества официально зарегистрированных суицидов среди детей и подрост-

ков в абсолютном выражении снижался ежегодно в среднем на 10 % (мотивы их совершения не указывались в статистических сведениях), а в 2016 г. произошел резкий рост этого показателя на 57 %². В Следственном комитете Российской Федерации, сотрудники которого в соответствии с положениями ст. 151 УПК РФ о подследственности занимаются расследованием фактов совершения криминальных суицидов лицами в возрасте до 18 лет, отметили, что статистика детских самоубийств увеличилась в 2016 г. сразу в 40 регионах Российской Федерации; только в г. Москве и Московской области в 2016 г. около 150 детей совершили либо попытались совершить суицид³.

Согласимся с мнением экспертов, что в качестве одной из основных причин роста самоубийств среди несовершеннолетних выступает лавинообразное распространение «групп смерти» в социальных сетях («Одноклассники», «ВКонтакте», «Твиттер», «Фейсбук», «Инстаграм»)⁴. Рассматриваемые сообщества через наиболее популярные у детей и подростков информационные ресурсы Интернета пропагандируют культ смерти, оправдывают суицид и обманом предлагают его ребенку в качестве самого доступного и «правильного» выхода из любой сложной жизненной ситуации.

Довольно часто такая информация преподносится в игровой форме (наиболее доступной форме с точки зрения детской психологии и педагогики), которая позволяет сделать жертвами детей самого младшего возраста. Яркий пример тому – интернет-игра «синий кит», которая заключается в поэтапном выполнении подростками определенных заданий суицидальной тематики, получаемых от руководителя интернет-сообщества: чтение специализированной литературы, изучение криповых (угнетающих) аудио- и видеоматериалов, фотографий, нанесение себе увечий, чтобы ребенок мог постепенно побороть чувство страха за свою жизнь и т. п. Все вышеперечисленное представляет большую опасность, поскольку в этом возрасте может побудить подростков к совершению действий, представляющих угрозу их жизни и (или) здоровью, в том числе к самоубийству или попытке самоубийства⁵. По данным экспертов, проводивших мониторинг в Интернете на предмет наличия запрещенного контента, в настоящее время действует до 3000 таких суицидальных групп⁶.

В 2014–2016 гг. Роскомнадзором было проверено свыше 9500 сообществ на предмет пропаганды суицида, в 90 %

случаев факт наличия вредоносного контента подтвердился⁷. Социальную сеть «ВКонтакте» в мае 2016 г. Роспотребнадзор обязал самостоятельно противодействовать деятельности «групп смерти». На основании разработанных критериев оценки материалов и (или) информации контент, содержащийся в таких сообществах, подлежит блокированию⁸. С февраля 2017 г. «ВКонтакте» блокирует страницы интернет-пользователей, которые используют хэштеги, связанные с суицид-сообществами. Круг влияния «групп смерти» расширяется. Теги и аккаунты, сопряженные с подобными объединениями, начали проверять социальные сети «Инстаграм» и «Твиттер». Официальные представители указанных социальных сетей заявили, что предпримут все возможные меры по удалению запрещенного законодательством Российской Федерации контента⁹.

К сожалению, таких профилактических мероприятий недостаточно для стабилизации ситуации в среднесрочной перспективе, поскольку информационная сетевая среда Интернет постоянно и динамично развивается и может существенно измениться за непродолжительное время под воздействием антикриминогенных и криминальных факторов. Поэтому решить возникшую проблему деятельности «групп смерти» только путем оперативного блокирования подобных интернет-ресурсов невозможно.

Многие представители общественных правозащитных организаций (в частности, общероссийского движения «Стоп педофил») категорически против блокировки интернет-сообществ при получении информации о преступной деятельности последних. Главный аргумент – если такая группа действует длительное время, то представителям общественности намного легче проследить действия руководителей и участников этих объеди-

нений. Если его заблокировать, то такое сообщество возобновляет деятельность, однако установить данные о нем становится практически невозможно, и даже если это получается сделать, то «теряется драгоценное время», которое умело используют преступники для склонения все большего количества детей к совершению суицида (аналогичная ситуация с сообществами педофилов, наркоманов, экстремистов и т. п.)¹⁰.

В отечественной криминологической науке устоялось мнение о том, что основной причиной преступности несовершеннолетних является их незанятость¹¹, аналогичная ситуация складывается и с их деструктивным поведением. Чувство одиночества, непонимание со стороны сверстников и взрослых, незаинтересованность в саморазвитии, отсутствие желания заниматься в каких-либо кружках, секциях зачастую приводит подростка в Интернет.

Несовершеннолетние – самая незащищенная и наиболее активная часть сетевого сообщества. По результатам исследования «Растим детей в эпоху Интернета», проведенного на территории России «Лабораторией Касперского» в 2016 г., почти постоянно в Интернете находятся 56 % от общего числа опрошенных несовершеннолетних. Аналогичные данные приводит Г. В. Солдатов: «...около 80 % детей проводят в сети в среднем три часа в день»¹².

Информационно-телекоммуникационное пространство с избытком компенсирует детям общение в реальной жизни, и, находясь в виртуальном мире, ребенок легко находит поддержку и понимание у абсолютно незнакомых людей. Отсутствие жизненного опыта зачастую исключает возможность критически оценить поступающую информацию и обуславливает их подверженность внешнему негативному влиянию. Целе-

сообразно данный факт также рассматривать в качестве одной из причин роста количества самоубийств среди несовершеннолетних.

Повышение суицидального показателя несовершеннолетних может быть обусловлено и рядом других немалозначимых факторов, куда входят и проблемы в семье, школе, сложность в общении со сверстниками, недостаток внимания, неразделенная любовь и т. д. Влияние «групп смерти» на подростковый суицид, скорее всего, следует относить не к причинам, а к условиям, потому как деятельность указанных интернет-сообществ заключается в подталкивании к самоубийству путем оказания психологического давления. Общаясь с несовершеннолетними, «кураторы» выявляют реальные проблемы жертвы, после чего преувеличивают их в разы и буквально убеждают: «Другого выхода нет!».

По мнению большинства специалистов, занимающихся проблемами профилактики детских самоубийств, суицидальное поведение подростков, связанное с деструктивными интернет-сообществами и опасными играми, является одной из наиболее острых проблем развития современного общества.

Методики, применяемые кураторами и администраторами указанных групп, свидетельствуют о появлении новых форм преступных действий, оказывающих влияние на сознание ребенка и мотивацию его поведения.

Проведенный контент-анализ информационного сетевого пространства позволил выявить механизм оказания психологического воздействия представителей «групп смерти» на несовершеннолетних, в котором можно выделить три основных этапа:

- 1) вовлечение подростка в суицид-сообщество, вызов либо усиление депрессивного состояния;

2) пробуждение у него интереса к «игре», сущность которой состоит в выполнении ряда заданий суицидальной тематики: чтение специализированной литературы, изучение криповых (угнетающих) видео- и аудиоматериалов и т. д.;

3) оказание на несовершеннолетнего психологического давления с целью склонения его к членовредительству и самоубийству (т. е. постановка заданий в «игре», связанных с нанесением себе увечий либо уходом из жизни).

Все начинается с размещения подростком в микроблоге на своей странице специально созданного такими виртуальными суицидальными сообществами шаблона, содержащего в себе просьбу разбудить его в 4.20 либо дать инструкцию и (или) задание. Такая запись подкрепляется набором хэштегов (меток, используемых для распределения сообщений по темам), по которым на связь с детьми выходят представители «групп смерти» – кураторы. Работа так называемых «наставников» на первой стадии заключается в отборе подростков в другие суицид-сообщества, которые являются более опасными и, как правило, не выдаются в поисковиках. Для того чтобы на них было сложнее выйти сотрудникам правоохранительных органов, модераторы специально именуют рассматриваемые группы на китайском и иврите.

Далее происходит вовлечение несовершеннолетнего в «игру» и отстранение его от реального мира. Перед началом «игры» подростка просят рассказать о себе, в частности указать свои страхи (фобии), тем самым «наставники» получают индивидуальный набор инструментов воздействия на нестабильную в психоэмоциональном плане личность подростка. Как только несовершеннолетнего принимают в «игру», ему начинают давать задания, которые поначалу

не содержат в себе призывов к членовредительству либо самоубийству.

На заключительной стадии координаторы переходят к более опасным заданиям, одним из которых является выполнение «селфхарма», т. е. нанесение себе порезов различной сложности и фотофиксация содеянного. Выполнение этого задания является своего рода посвящением. С этого момента работа координаторов начинает приобретать более серьезный характер: подросткам присваивают «номера смерти» – особые порядковые номера с датой «выпила» – добровольного ухода из жизни. На психологическом уровне, сделав порезы на своем теле в виде определенных записей, подростки как будто начинают новый отсчет к переходу в другую реальность. Стоит отметить, что задания являются комбинированными и распространяются как на физическое, так и на психоэмоциональное состояние, что помогает блокировать подсознательные установки, отвечающие за безопасность. Для получения задания необходимо соблюсти определенный ритуал, одним из элементов которого является ранний подъем (не случайно стих-просьба начинается со слов «разбуди меня в 4.20»). Новый ритм жизни подростка увлекает его, и поскольку теперь ему есть, что скрывать от родителей, контакт с семьей становится все менее значимым.

Если несовершеннолетний по каким-либо причинам пытается покинуть игру либо не выходит на связь более 48 часов, кураторы начинают прибегать к запугиванию: «Если ты не сделаешь это сам (по своей воле), ты сделаешь это по воле истины (его)... ты думаешь, что тебя не найдут... ты ошибаешься...», «не убьешь себя сам, мы придем за тобой и твоими близкими...» и т. д. Для убедительности подростку начинают сообщать информацию, по которой у него склады-

ваются впечатление, что за ним действительно следят. Улицы, здания, торговые центры, находящиеся вблизи места, где он проживает, либо называют его конкретный адрес, вплоть до номера дома. Такая информация может стать доступна кураторам в следующих случаях:

– при общении с «наставником» подросток сам называл свой адрес либо находящиеся рядом с его домом здания, сооружения, по которым можно установить его примерное место проживания, а в процессе общения он уже забывал об этом;

– на выложенных фотографиях несовершеннолетнего в социальных сетях отмечена геолокация, а по комментариям к ним сразу понятно, где были сделаны снимки (дома, у друзей, в школе и т. д.).

В случае если полученной информации недостаточно для определения адреса подростка, координаторы используют Web sniffer – программу, с помощью которой можно установить IP-адрес компьютера или сетевого маршрутизатора. Все, что необходимо сделать «наставникам», это заставить несовершеннолетнего перейти по ссылке на сниффер, после чего там сразу отобразится интересующий IP-адрес. Далее, используя специальные программы, такие как Magic Net Tracer, кураторы получают более полную информацию о запрашиваемом IP-адресе: в каком регионе, городе находится искомый компьютер, а также какая фирма предоставляет данному пользователю услуги выхода в Интернет. При этом последнее позволяет установить улицы и дома, обслуживаемые тем либо иным интернет-провайдером. Получая такие сведения, координаторы могут оказывать психологическое давление на несовершеннолетних, из чего следует вывод: нередко суицид совершается из-за страха за себя и своих близких.

«Группы смерти» используют Интернет для дистанционного манипули-

рования сознанием детей и управления их поведением. В качестве примера можно привести самоубийство 12-летней девочки из полной и благополучной семьи, совершенное в декабре 2016 г. в Республике Бурятия, которая при жизни положительно характеризовалась родными, школьными педагогами и друзьями. В ходе следствия было установлено, что потерпевшая состояла в группах суицидальной тематики и даже являлась создателем одной из закрытых групп под названием «Дневник моей никчемной жизни»¹³.

Эксперты Центра «Спасение детей от киберпреступлений» прямо указывают, что проследить привязку самоубийства к конкретной странице и той деструктивности, которая от нее исходит, достаточно сложно. Для этого необходимо полное исследование ситуации; утверждать, что влияние интернет-сайтов несущественно, нельзя. Кроме того, эксперты указанного центра отмечают, что в настоящее время научному сообществу не удалось установить наличие прямой корреляции между деятельностью интернет-сообществ суицидальной тематики и подростковыми самоубийствами, поскольку невозможно дать окончательный ответ на главный вопрос – почему при одних и тех же обстоятельствах один человек решается на самоубийство, а другой – нет, тем более если речь идет о несовершеннолетнем суициденте¹⁴.

Повысить эффективность работы сотрудников МВД России по противодействию суицидальным проявлениям в информационно-телекоммуникационном пространстве можно за счет нормативного закрепления обязанности интернет-провайдеров предоставлять информацию о пользователях социальных сетей по запросу руководителя территориального органа не только в рамках возбужденного уголовного дела, но и в рамках проводи-

мой проверки. Соответствующие изменения следует внести в нормы действующего УПК РФ, федеральных законов «О средствах массовой информации» и «Об оперативно-розыскной деятельности».

В заключение хотелось бы отметить, что для своевременного реагирования на изменение масштабов и форм проявлений суицидальных настроений в подростковой среде необходим регулярный контроль информационных потоков с целью определения вектора организации оказываемого противодействия. Объективную картину может дать лишь комбинирование методов интернет-мониторинга, массового анонимного опроса детей, в том числе при помощи средств Интернета, опроса учителей и представителей администрации школ, сотрудников правоохранительных органов. С ребенком, который попал в поле зрения такого мониторинга, должна быть проведена работа на уровне

образовательного учреждения. Эта профилактическая мера может осуществляться школьными педагогами и психологами. Воздействуя на подростков с помощью бесед, определенных психологических тренингов, можно добиться эффективного снижения уровня суицидальных проявлений. Участие сотрудника полиции в таких беседах может стать дополнительным фактором воздействия на подростка, если ему объяснить: «то, что тебе навязывают в сети координаторы “групп смерти”, носит преступный характер», поэтому к подобным мероприятиям необходимо привлекать сотрудников по делам несовершеннолетних. Положительный результат в такой работе может быть достигнут лишь при активном взаимодействии общественных объединений, образовательных организаций, органов государственной и муниципальной власти, исключающей формализм.

¹ См.: Предотвращение самоубийств : глобальный императив. Женева, 2014. С. 6.

² См.: Детские суициды требуют меры. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/3248007> (дата обращения: 05.04.2017).

³ См.: МВД : около процента детских суицидов совершаются по вине «групп смерти». URL: <https://rg.ru/2017/03/30/mvd-okolo-procenta-detskih-suicidov-sovershaiutsia-po-vine-grupp-smerti.html> (дата обращения: 04.10.2017).

⁴ См.: Детские суициды требуют меры. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/3248007> (дата обращения: 02.10.2017).

⁵ См.: О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию : федер. закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ (в ред. от 29.06.2015) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 1. Ст. 48.

⁶ См.: Детский суицид : факторы защиты и риски : метод. рекомендации. Воронеж, 2017. 125 с. // Официальный сайт «Государственное бюджетное учреждение Воронежской области «Центр психолого-педагогической поддержки и развития детей». URL: <https://stoppav.ru/attachments/article/2883/suicide.pdf> (дата обращения: 02.10.2017).

⁷ См.: С пропагандой суицида в «ВКонтакте» борются всем миром. URL: <http://newz.ru/info/78033.html> (дата обращения: 02.10.2017).

⁸ См.: Об утверждении критериев оценки материалов и (или) информации, необходимых для принятия решений Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, Федеральной службой Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков, Федеральной службой по

надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека о включении доменных имен и (или) указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», а также сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети «Интернет», содержащие запрещенную информацию, в единую автоматизированную информационную систему «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено»: приказ Роскомнадзора № 1022, ФСКН России № 368, Роспотребнадзора № 666 от 11 сентября 2013 г. // Рос. газета. 2013. 21 нояб.

⁹ См.: «ВКонтакте» начала блокировать страницы за теги «групп смерти». URL: <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/58a48d3e9a79477e90fa3463> (дата обращения: 02.10.2017).

¹⁰ См.: Мониторинговый центр по выявлению опасного и запрещенного законодательством контента «Сдай педофила». URL: <http://www.pedofilov.net> (дата обращения: 02.10.2017).

¹¹ См.: Ювенальная криминология : учебник / В. А. Лелеков, Е. В. Кошелева. 3-е изд., доп. и перераб. М., 2017. С. 215.

¹² См.: 56 % детей постоянно в Сети : Россия обгоняет Европу и США по показателю интернет-увлеченности. URL: <http://www.kaspersky.by/about/news/virus/2016/news-12-05-16> (дата обращения: 01.09.2017).

¹³ См.: В Бурятии покончила с собой 12-летняя девочка, ее родители винят в суициде «группы смерти». URL: <https://arigus.tv/news/item/89643/> (дата обращения: 01.09.2017).

¹⁴ См.: МВД : с «группами смерти» связан только 1 % подростковых самоубийств. URL: <https://www.miloserdie.ru/news/mvd-s-gruppami-smerti-svyazan-tolko-1-samoubijstv-podrostkov/> (дата обращения: 01.09.2017).

*Воронежский институт
МВД России*

Пучнина М. Ю., адъюнкт кафедры
уголовного права и криминологии

*E-mail: masloy100@mail.ru
Тел.: 8-951-861-51-91*

*Voronezh Institute
of the Ministry of the Interior of Russia*

Puchnina M. Yu., Post-graduate Cadet
of the Department of Criminal Law and Criminology

*E-mail: masloy100@mail.ru
Tel.: 8-951-861-51-91*

И. Г. Савицкая

Воронежский институт МВД России

ВОПРОСЫ УЧАСТИЯ ПОНЯТЫХ В ПРОВЕДЕНИИ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О НАРУШЕНИИ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ И ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ

Аннотация: статья посвящена проблемным вопросам, связанным с участием понятых в проведении осмотра места совершения уголовно-наказуемого ДТП. Автором рассмотрены предложения создания «института» понятых, возможность установления финансового вознаграждения понятым за присутствие на следственных и процессуальных действиях, проанализированы положительные и отрицательные моменты таких нововведений.

Ключевые слова: осмотр места происшествия, следственное действие, следственная проверка, дорожно-транспортное преступление, понятой, технические средства фиксации.

THE PARTICIPATION OF WITNESSES IN THE PRODUCTION OF CRIME SCENE EXAMINATION IN CRIMINAL CASES ON VIOLATION OF TRAFFIC RULES AND OPERATION OF VEHICLES

Abstract: the article is devoted to problematic issues related to the participation of witnesses in the conduct of inspection of the place of Commission of criminal accidents. The author considers proposals for the creation of an Institute of witnesses, the possibility of establishing financial rewards to witnesses for attendance at investigative and legal actions, analyzed the positive and negative aspects of such innovations.

Key words: crime scene examination, investigation, preliminary examination, traffic crime, ideas, technical means of fixing.

Поступила в редакцию 24 сентября 2017 г.

Осмотр места происшествия является одним из самых сложных видов следственных действий и имеет огромное значение для расследования преступлений. Неквалифицированное и небрежное проведение этого следственного действия обычно приводит к невосполнимым утратам следов и вещественных доказательств, поскольку компенсировать

пробелы, допущенные при первоначальном осмотре, путем повторного осмотра, как правило, уже не удастся.

Часто водители или свидетели, имеющие отношение к ДТП, не вполне четко представляют себе случившееся, и их высказывания основываются на воображении или смутных воспоминаниях. Утверждения о том, с какой скоростью двигался автомобиль, на каком расстоянии он находился, могут далеко не со-

ответствовать действительности. Может случиться, что не осталось в живых никого из участников ДТП. Однако после любого происшествия остаются вещественные доказательства в виде повреждений ТС и следов, ведущих к месту ДТП или окружающих его. Успех расследования ДТП во многом зависит от поиска и соответствующей интерпретации этих доказательств. Они не всегда проясняют то, что произошло во время происшествия, но часто помогают следователю сформулировать ключевые вопросы при опросе свидетелей, а также подтвердить либо опровергнуть уже данные ими показания. В случае отсутствия свидетелей вещественные доказательства позволяют определиться с версией и ограничиться рассмотрением наиболее вероятных механизмов возникновения ДТП¹.

Осмотр места происшествия дает возможность следователю решить главные задачи – составить точную картину события. Разумеется, далеко не всегда решить эти задачи удастся в результате одного лишь осмотра места происшествия; однако квалифицированно и тщательно проведенный осмотр является непременным условием успеха расследования. Успех в решении задачи всестороннего, полного, объективного и быстрого раскрытия каждого ДТП во многом зависит от того, насколько правильно и своевременно произведен осмотр места происшествия.

От следователя или лица, производящего дознание, требуются все более глубокие знания и навыки расследования дорожно-транспортных происшествий, возрастает при этом роль специальных знаний. Осмотр места дорожно-транспортного происшествия обладает весьма существенной спецификой, которая выражается в определенных целях, задачах осмотра, типичных следах на месте про-

исшествия, накладывает свой отпечаток на организацию и тактику проведения осмотра, особенности фиксации обстановки места происшествия и т. д. В частности, необходимость как можно более скорого выезда следователя (дознателя) на место дорожно-транспортного происшествия обуславливается тем, что на улице или дороге трудно сохранить длительное время в неизменном виде место происшествия. С проезжей части необходимо быстро убрать трупы погибших и (или) животных, а также обломки разбитого транспорта, чтобы они не мешали нормальному движению, что особенно важно на тех улицах (дорогах), где происходит интенсивное движение автотранспорта. Это необходимо еще и потому, что нельзя оставлять на дороге автомобиль, если в результате наезда или аварии он занял проезжую часть, и нет возможности в данном месте организовать объезд места происшествия для других транспортных средств, курсирующих в ту или другую сторону. Движущиеся по дороге автомобили могут повредить важные для расследования следы, восстановить которые уже никогда не удастся. Наконец, следы на проезжей части особенно подвержены изменениям и порче под влиянием атмосферных явлений в виде ветра и осадков.

В соответствии со ст. 176 УПК РФ осмотр места происшествия, в том числе связанного с дорожно-транспортным происшествием, производится в целях обнаружения следов преступления, выяснения других обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. В отличие от всех других следственных действий осмотр места происшествия в случаях, не терпящих отлагательства, может быть произведен до возбуждения уголовного дела. Непосредственным поводом для осмотра является сообщение о происше-

ствии, а также обнаружение в ходе производства следственных или судебных действий обстоятельств, для выяснения которых требуется визуальное исследование места происшествия. Осмотр места ДТП следователь органов внутренних дел должен производить с привлечением специалиста (эксперта-криминалиста, эксперта-автотехника, судебно-медицинского эксперта или врача), однако на практике с поиском специалиста зачастую возникают проблемы, даже на территории г. Воронежа, не говоря уже об области². Осмотр места происшествия по общему правилу производится в дневное время (ч. 3 ст. 164 УПК РФ). При возникновении ДТП его проведение ночью (с 22.00 до 06.00 часов) допускается, однако при недостаточном освещении качество осмотра, как правило, низкое, поэтому в указанном случае рекомендуется проведение повторного осмотра в дневное время.

В соответствии с ч. 1 ст. 170 УПК РФ осмотр места происшествия, связанного с ДТП, как и все виды осмотров, проводится в присутствии не менее двух понятых. Исключение из этого правила установлено ч. 3 указанной статьи.

В соответствии с ч. 1.1 ст. 170 УПК РФ понятые принимают участие в осмотре места происшествия по усмотрению следователя. В случае когда следователь не усматривает присутствие понятых необходимым, обязательным является применение технических средств фиксации хода и результатов следственного действия. К числу таких средств относятся фотография и видеосъемка.

Проблематика следственного осмотра места ДТП затрагивается в ряде научных работ³.

Так, А. А. Кондратьев, освещая вопросы, связанные с участием понятых в проведении осмотра места совершения уголовно-наказуемого ДТП, предлагает

создание «института» понятых с наделением их правами, обязанностями и гарантиями, включая материальное вознаграждение⁴.

По мнению Л. А. Татарова, в ч. 1.1 ст. 170 УПК РФ – «Если в ходе следственного действия применение технических средств невозможно, то следователь делает в протоколе соответствующую запись» – существует возможность проведения осмотра места ДТП и без понятых, и без технических средств фиксации, что, по мнению автора статьи, может привести к неполноте доказательств⁵. Однако на практике при длительном многочасовом осмотре места ДТП использование указанных выше технических средств не осуществляется, в том числе из-за отсутствия специализированного оборудования, которое позволяет вести долговременную видеofиксацию и работает в автоматическом режиме, не требующем привлечения оператора. Хотя, по нашему мнению, наличие подобной аппаратуры в распоряжении следователя весьма упростило бы ему работу при проведении такого следственного действия, как осмотр. Кроме того, по мнению следователей, осуществляющих процессуальные действия в рамках доследственной проверки и следственные действия по уголовным делам о нарушении ПДД и эксплуатации ТС, конкретизация порядка применения технических средств фотofиксации путем внесения дополнений в ст. 170 УПК РФ⁶ также весьма упростила бы им работу.

Таким образом, теоретически в труднодоступной местности, при отсутствии надлежащих средств сообщения, а также в случаях, если производство следственного действия связано с опасностью для жизни и здоровья людей, осмотр места происшествия может быть проведен без участия понятых.

Понятой – не заинтересованное в исходе уголовного дела лицо, привлекаемое дознавателем, следователем или прокурором для удостоверения факта производства следственного действия, а также содержания, хода и результатов следственного действия. Если впоследствии возникнут сомнения у кого-либо из представителей сторон в полноте и объективности следственного действия, полученных при этом доказательствах, то понятые могут быть допрошены в качестве свидетелей. Для выполнения своей функции понятой вправе не просто присутствовать, а участвовать в следственном действии. Поэтому важно, чтобы следователь разъяснял понятым цель, с которой проводится осмотр места происшествия, а также их права, предусмотренные ч. 3 ст. 60 УПК РФ. Следователь и понятые выступают в качестве обязательных участников осмотра места ДТП.

В свою очередь, Л. А. Татаров обращает внимание на качество выполнения понятыми своих «должностных» обязанностей⁷. По закону понятые являются гарантом непредвзятости производимых должностным лицом действий. В их задачу входит удостоверение правильности измерений, точности обнаружения и фиксации следов на месте ДТП. Указанные лица должны неотлучно находиться рядом с лицом, производящим осмотр, от начала и до конца следственного (процессуального) действия. После завершения всех изысканий и измерений, занесения их результатов в протокол осмотра и схему ДТП понятые должны скрепить эти документы своими подписями. Однако они всего лишь люди, отвлеченные от своих повседневных действий, работы, семьи. Куда-то спешащие и не получающие за выполнение возложенных на них обязанностей никакого вознаграж-

дения, более того, порой не удостоившиеся даже слов благодарности. Поэтому очень часто привлеченные в качестве понятых лица, не обладающие к тому же специальными знаниями, подписывают протокол и схему, не читая и не вникая в суть происходящего.

Подобное «поверхностное» отношение к понятым может при определенном стечении обстоятельств обернуться признанием протокола осмотра, схемы ДТП и основанными на них заключениями экспертов недопустимыми доказательствами, что в свою очередь может позволить обвиняемому избежать ответственности. В практике следователей, осуществляющих расследование по уголовным делам о нарушении ПДД и эксплуатации ТС на территории г. Воронежа и области, встречаются случаи заявления стороной защиты ходатайств о признании протокола осмотра места ДТП недопустимым доказательством. Это произошло, к примеру, после того, как в ходе судебного слушания выяснилось, что понятой был привлечен к участию в осмотре места ДТП не с его начала, а уже в процессе⁸.

Так, А. А. Кондратьев предлагает возможное решение данной проблемы путем введения установления финансового вознаграждения понятым за присутствие на следственных и процессуальных действиях, исходя из расчета потраченного времени, а также «создания института “понятых” с конкретными обязанностями, правами и гарантиями»⁹.

У подобного предложения есть свои плюсы, однако сразу возникает целый ряд вопросов, требующих решения:

– каким образом будет осуществляться доставка понятого на место проведения следственного действия. Если данное лицо прибывает «своим ходом», то каким образом обеспечить кратчай-

шее прибытие и как оплачивать транспортные расходы. Если понятого необходимо доставить на место ДТП силами правоохранительных органов, то где найти необходимые силы и средства в период дефицита личного состава и свободного транспорта;

– в случае организации для «штатных» понятых своего рода суточного, 12-часового или иного дежурства необходимо определить место нахождения, питания и отдыха указанной выше категории лиц;

– определить порядок выплаты материального вознаграждения данным лицам;
– учитывая все перечисленное, как обеспечить и, самое главное, доказать в суде предусмотренную ст. 60 УПК РФ незаинтересованность понятого в исходе уголовного дела?

Следует отметить, что это неисчерпывающий список возникающих вопросов. На наш взгляд, введение института понятых по аналогии с институтом присяжных – вопрос дискуссионный, требующий отдельного научного исследования.

¹ См.: *Байэтт Р., Уоттс Р.* Расследование дорожно-транспортных происшествий. М., 1983. С. 15.

² Информация, полученная по результатам анкетирования следователей. Анкетирование было проведено нами в мае 2017 г. среди следователей ОВД, осуществляющих расследование ДТП в г. Воронеже и Воронежской области. Всего было опрошено 20 следователей СО по РДТП ГСУ ГУ МВД РФ по ВО.

³ См.: *Власова С. В.* Проблемы организации отдельных следственных действий по делам о ДТП // Управление деятельностью по обеспечению безопасности дорожного движения : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Орел, 2016. С. 212–215.

⁴ См.: *Кондратьев А. А.* Проблемные вопросы, связанные с участием понятых в проведении осмотра места совершения уголовно-наказуемого ДТП // Управление деятельностью по обеспечению безопасности дорожного движения : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Орел, 2016. С. 222–224.

⁵ См.: *Татаров Л. А.* Осмотр места ДТП – типичные ошибки // Теория и практика общественного развития. 2015. № 16. С. 111–113.

⁶ Информация, полученная по результатам анкетирования следователей.

⁷ См.: *Татаров Л. А.* Указ. соч.

⁸ Информация, полученная по результатам анкетирования следователей.

⁹ *Кондратьев А. А.* Указ. соч.

Воронежский институт
МВД России

Савицкая И. Г., кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса

E-mail: *arisha_s@list.ru*

Tel.: 8 (473) 200-53-47; 8-951-568-98-22

Ministry of Internal Affairs Voronezh Institute
of Russia

Savitskaya I. G., Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Criminal Trial Department

E-mail: *arisha_s@list.ru*

Tel.: 8 (473) 200-53-47; 8-951-568-98-22

А. В. Хмелева

*Московская академия Следственного комитета Российской Федерации***И СНОВА ОБ ОЦЕНКЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ЭКСПЕРТА...**

А н н о т а ц и я: рассмотрены особенности оценочной деятельности следователя при установлении допустимости и достоверности заключения судебного эксперта, ее особенности по сравнению с оценкой иных доказательств. Предлагаются пути оптимизации оценки заключения эксперта следователем и судом.

К л ю ч е в ы е с л о в а: заключение эксперта, оценка заключения эксперта, относимость, допустимость, достоверность, следователь, судебный эксперт, доказательство.

AND AGAIN ABOUT THE EVALUATION OF THE EXPERT'S CONCLUSION...

A b s t r a c t: the features of the appraisal activity of the investigator are considered when establishing the admissibility and reliability of the conclusion of a forensic expert, its features in comparison with the evaluation of other evidence. There are proposed ways to optimize the evaluation of the expert's conclusion by the investigator and the court.

Key words: expert's conclusion, assessment of the expert's conclusion, relevance, admissibility, reliability, investigator, forensic expert, proof.

Поступила в редакцию 21 сентября 2017 г.

С гносеологической точки зрения оценка следователем заключения судебного эксперта представляет собой разновидность познавательной деятельности следователя, а в более узком понимании – процесс решения им специфической задачи, итог которого позволяет ему признать (или не признать) полученное заключение эксперта полноценным доказательством, отвечающим критериям, установленным уголовно-процессуальным законодательством. В продолжение темы остановимся на отдельных вопросах оценки следователем заключения судебного эксперта как доказательства¹.

Следует согласиться с определением П. Н. Лупинской, которая под оценкой доказательств (а оценка заключения экс-

перта – частный случай этого процесса) понимает «мыслительную, логическую деятельность, имеющую своей целью определенный вывод, суждение об относимости, допустимости, достоверности, значении (силе) каждого доказательства и достаточности их совокупности для установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания и разрешения уголовного дела»².

Отмечая основные черты, признаки, какими должно обладать заключение судебного эксперта, А. И. Винберг и Н. Т. Малаховская подчеркивали: «Заключение должно быть определенным, лишенным всякой неточности; последовательным, то есть взаимосвязанным и взаимообусловленным; доказательным, то есть не просто формулирующим те

или иные выводы исследования, а указывающим основание этих выводов, признаваемых истинными. Таким образом, заключение должно быть однозначным, понятным, все его части должны быть согласованы между собой, не противоречить друг другу, а выводы должны вытекать из проведенного исследования, являясь результатом логических построений, и формулироваться по внутреннему убеждению эксперта»³. В процессе оценки заключения выявляются и анализируются, сопоставляются эти признаки.

Е. Р. Россинская под оценкой заключения судебного эксперта понимает процесс установления достоверности, относимости и допустимости, основанный на всестороннем, полном и объективном рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности⁴.

Требования, предъявляемые к заключению эксперта как к юридическому документу, отражены в ст. 204 УПК РФ. Соответствие этим требованиям в существенной мере определяет, отвечает ли заключение эксперта требованиям допустимости. При этом оценке должны подвергнуться и постановление о назначении судебной экспертизы (соответствие его установленным законом требованиям по форме и содержанию, процессуальные особенности вынесения постановления (надлежащее лицо, назначающее экспертизу и проводящее ее, т. е. законное решение вопроса, кто, кому назначает экспертизу с учетом установленных законом ограничений (ст. 70, 207 УПК РФ); процессуальная пригодность объектов исследования (их относимость, допустимость и достоверность))).

Мы уже выражали согласие с мнением О. Я. Баева, что достоверность заключения эксперта – это такой его признак, который устанавливается в процессе оценочной деятельности следователя, а не является присущим изначально. Причем

достоверность заключения можно оценить лишь в совокупности с другими доказательствами, не при изолированной индивидуальной оценке. Достоверность подтверждается проверкой вывода эксперта (в том числе в ходе допроса эксперта, путем получения заключения специалиста, назначения дополнительной и повторной экспертизы, соотношения с другими доказательствами по делу). В связи с этим Р. С. Белкин, рассматривая проблему оценки доказательств, писал: «Оценка доказательств – это логический процесс установления допустимости и относимости доказательств, наличия и характера связей между ними, определения значений и путей использования доказательств для обнаружения истины»⁵. Большое значение имеет и правильная интерпретация результатов экспертизы при их изучении во взаимосвязи с другими фактическими обстоятельствами, установленными при расследовании преступления⁶.

Таким образом, оценку заключения эксперта как доказательства можно определить как мыслительную деятельность следователя (субъекта доказывания), в процессе которой формируется его внутреннее убеждение об относимости, допустимости и достоверности данного доказательства и достаточности доказательств (доказательственной базы) в целом, их системности и взаимосвязи.

Анализ следственной и судебной практики показывает, что в настоящее время стороной защиты все чаще оспариваются заключения эксперта не по критерию достоверности, а по признаку допустимости, в том числе и в связи с появлением экспертов в штате Следственного комитета РФ⁷. При этом стороной защиты не ставятся под сомнение результаты исследований и сделанные экспертами выводы, а оспаривается законность и допустимость процедуры назначения и производства экспертизы, в том числе

правомочность субъекта производства экспертизы.

Работая над рассматриваемой проблемой, Ю. К. Орлов отмечал, что конечная цель оценки доказательства – это установление их качеств («свойств»), которые являются необходимыми признаками, отсутствие которых не позволяет использовать их в этом качестве⁸. При этом указанный автор обращал внимание на такие критерии допустимости заключения эксперта, как соблюдение процессуального порядка производства экспертизы, соблюдение пределов компетенции судебной экспертизы, допустимость объектов экспертного исследования, надлежащее оформление хода и результатов экспертного исследования⁹.

Следует согласиться с В. Н. Исаенко и Е. В. Павловой, что к числу критериев оценки допустимости заключения эксперта следует отнести наличие или отсутствие процессуальной возможности проведения экспертизы. При этом авторы отмечают, что недопустимым доказательством будет, если экспертиза назначена в период следствия, но заключение выполнено, когда производство завершено и заключение приобщено, когда следствие в установленном порядке было приостановлено. Заключение эксперта признается недопустимым и в случаях назначения и производства экспертизы после возвращения судом уголовного дела прокурору в соответствии со ст. 237 УПК РФ, так как в число процессуальных действий, которые могут быть выполнены для устранения нарушений, предусмотренных ст. 237 УПК РФ, не входят действия по собиранию и проверке доказательств¹⁰. В п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 5 марта 2004 г. № 1 «О практике применения судами норм Уголовно-процессуального кодекса РФ», разъяснено, что возвращение дела прокурору по основаниям,

предусмотренным п. 1–5 ч. 1 ст. 237 УПК РФ, не предусматривает производства следственных действий, связанных с исполнением неполноты произведенного предварительного следствия¹¹.

Известные ученые-криминалисты Н. П. Майлис и А. М. Зинин отмечали, оценивая складывающуюся следственную и судебную практику, что в ряде случаев наблюдается тенденция к завышению доказательственного значения заключения эксперта. При этом выводы проведенного исследования могли оказаться ошибочными как по объективным, так и по субъективным причинам. В первом случае, например, из-за неверных исходных данных и представления эксперту неподлинных объектов исследования; во втором – в связи с недостаточной квалификацией эксперта и недостаточной надежностью методики исследования¹².

В связи с этим интересный пример приводят уже упомянутые авторы В. Н. Исаенко и Е. В. Павлова в своей монографии, посвященной вопросам оценки заключения эксперта. По одному из изученных авторами уголовных дел обвинение во многом основывалось на результатах автотехнической экспертизы. Для ее производства эксперту следователем был предоставлен протокол осмотра места происшествия. Суд признал его недопустимым доказательством, поскольку в нем место наезда на потерпевшего было указано со слов свидетеля. В кассационном постановлении президиум указал, что суд первой инстанции сделал вывод о виновности С. на основании заключения судебной автотехнической экспертизы, в основу которого было положено доказательство, признанное этим же судом недопустимым¹³.

На наш взгляд, оценка заключения эксперта по критерию относимости не представляется проблемной. В связи с этим А. Р. Белкин пишет: «...если выяв-

ляемые обстоятельства прямо или опосредованно связаны с предметом доказывания, причем любой формой связи (причинно-следственной, временной, тождества-различия, пространственной и др.), то это значит, они являются относящимися к делу»¹⁴. Мы разделяем мнение В. А. Прорвича, который, касаясь такого свойства заключения эксперта, как относимость, отмечал: «...следует иметь в виду, что заключение эксперта не может не относиться к расследуемому делу. Ведь судебная экспертиза назначается следователем, расследующим данное дело, объектом исследований является часть материалов дела, и вопросы, поставленные перед экспертом, также связаны с теми задачами, которые решаются при расследовании дела. То есть заключение эксперта фактически интегрируется в состав материалов дела с момента назначения судебной экспертизы»¹⁵.

Безусловно, сложность для следователя представляет оценка заключения эксперта по такому критерию, как достоверность (научность).

Для того чтобы оценить полноту и обоснованность выводов эксперта, необходимо иметь представление о современных возможностях экспертизы, эффективности тех или иных методов экспертной деятельности, т. е. успешность оценки зависит от того, насколько полно следователь владеет специальными знаниями теории и практики судебно-экспертной деятельности. Без этого практически невозможно сделать выводы о научной обоснованности заключения и результатов экспертизы, допустимости методик, правильности их выбора, последовательности этапов исследования, его полноте и всесторонности, соответствии выводов эксперта промежуточным результатам исследования.

Интересно мнение И. Н. Якимова о том, что должно приниматься во вни-

мание при оценке достоверности заключения судебного эксперта: «Условиями правильности мнения экспертов, гарантирующими достоверность произведенной ими экспертизы, являются: 1) личность эксперта, занимаемое им положение, его научный стаж и научные труды в области его специальности; 2) его профессиональный опыт; 3) его незаинтересованность в исходе дела, самостоятельность, отсутствие посторонних на него влияний (со стороны производившего расследование и заинтересованных лиц)»¹⁶. Как видим, автор решающее значение придает личности, профессиональному опыту и независимости эксперта.

В настоящее время учеными и практикующими криминалистами предлагаются различные подходы и пути решения данной проблемы. Предлагается изменить действующее законодательство, которое устанавливает, что заключение эксперта оценивается не по общим правилам, установленным и для других доказательств. По сути в данном случае речь идет о придании заключению эксперта особого доказательственного статуса¹⁷. Другая точка зрения подразумевает придать обязательный характер оценке заключения специалистом соответствующего профиля¹⁸.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» предусматривается, что для оказания помощи в оценке заключения эксперта по ходатайству стороны и по инициативе суда может привлекаться специалист, который свои разъяснения по этому поводу дает в форме устных показаний или письменного заключения. При этом специалисту может быть предложено оценить примененную экспертом методику, пригодность и достаточность объектов для исследования, полноту и качество образцов для сравнительного

исследования. Е. Р. Россинская отмечает, что если специалист привлекается для оценки заключения судебного эксперта, то он может высказать суждение о достаточности объектов и образцов для сравнительного исследования и их качестве; о методах, используемых при производстве экспертизы, и оборудовании, с помощью которого реализованы эти методы; научной обоснованности экспертной методики, ее допустимости в данном конкретном случае; об обоснованности выводов экспертов, взаимосвязи и взаимообусловленности выводов и исследовательской части экспертного заключения¹⁹.

А. М. Зинин, исследуя проблему участия специалиста в процессуальных действиях, также уделял внимание вопросу оценки заключения эксперта специалистом. При этом он отмечал, что при оценке учитываются элементы формального характера и элементы, касающиеся существа заключения. К первым относятся выяснение соблюдения установленного процессуальным законом порядка назначения и проведения экспертизы, правильности оформления заключения, выяснения вопросов отвода эксперту. Ко второй группе элементов указанный автор относит допустимость исследуемых объектов, обоснованность выводов, их правильность и определение доказательственного значения полученных фактических данных²⁰. Следует согласиться с А. М. Зининым, что при оценке допустимости объектов, представленных на исследование, изучается их процессуальная доброкачественность. При этом оценивается не только процессуальный порядок получения следователем объектов, направляемых на экспертизу, но и надлежащее их хранение и упаковка после изъятия, исключающие возможность подмены объекта и сомнения в его подлинности. По нашему мнению, такая оценка специалистом доброкачественности объ-

ектов может быть не только зафиксирована в заключении специалиста, но и содержаться в тексте письменной консультации, полученной у лица, обладающего соответствующими специальными знаниями. Для выявления этих недостатков заключения в отдельных случаях предлагается следователю допросить специалиста как сведущего свидетеля²¹.

Таким образом, специалист поможет следователю (суду) оценить заключения эксперта в целом по научному критерию – соответствию проведенного исследования современному уровню развития науки и экспертологии.

Отдельными авторами для решения указанной проблемы предлагается проводить комплексную количественную оценку судебной экспертизы и использовать для этого балльную оценку уровня обоснованности, полноты и всесторонности исследования, позволяющую следователю обосновать решение о принятии заключения как достоверный элемент доказательственной базы по делу. При этом предлагается использовать 5-балльную шкалу оценки, причем окончательная комплексная оценка экспертизы осуществляется подсчетом суммы балльной оценки по установленным параметрам – уровень научной обоснованности методики, уровень полноты и всесторонности заключения, уровень квалификации эксперта, уровень доступности (понятности) для пользователя²². Такие исследования позволяют вооружить специалиста методикой оценки заключения, унифицировать ее процесс. Но это рекомендации, предназначенные не для следователя как субъекта оценочной деятельности, так как опять требуют специальных познаний в области судебной экспертизы вообще и конкретного ее вида, какими ни следователь, ни суд не располагает.

Важна и оценка доказательственного значения полученного следователем

(судом) заключения эксперта, т. е. принятие во внимание согласованности (соответствия) выводов другим доказательством по делу, правильная интерпретация полученных экспертом результатов. Так, А. Н. Петрухина обращает внимание на то, что заключение эксперта – специфическое доказательство и оценивается, кроме относимости, допустимости, достоверности и в совокупности достаточности, по доказательственной значимости. При этом автор считает, что наибольшую доказательственную ценность представляют собой выводы эксперта, устанавливающие факт совершения преступления конкретным лицом²³.

В заключение хотелось бы отметить, что вопросы оценки заключения эксперта как сведущего лица были в центре внимания ученых-процессуалистов и криминалистов еще при зарождении института судебной экспертизы в уголовном процессе.

Так, в проекте Устава уголовного судопроизводства было отмечено: заключение сведущих лиц признается доказательством, если: «1) сделанное наблюдение или испытание объяснено обстоятельно, 2) когда заключение подкреплено научными или практическими основаниями, имеющими значение несомненных истин, 3) когда заключение это согласно с достоверными обстоятельствами дела; 4) когда сведущие люди имеют все качества достоверных свидетелей... При разногласии между собой сведущих людей необходимо принимать в соображение степень сведений и искусства каждого из них, но в сомнительных случаях отдавать предпочтение тому мнению, которое более благоприятно для подсудимого»²⁴. Отметим, что с последним положением трудно согласиться. Представляется более соответствующим задачам правосудия установленное в настоящее время правило оценки заключений экспертов с противоположными выводами

следователем или судом в соответствии с внутренним убеждением и результатами анализа всей совокупности добытых доказательств, установленных обстоятельств происшедшего. К тому же в соответствии с нормами УПК РФ наличие нескольких заключений с несовпадающими выводами – основание для назначения повторной экспертизы.

Известным юристом XIX в. И. Я. Фойницким были предложены критерии, по которым суд должен оценивать заключение эксперта. Он писал: «Выводы эксперта, как и факты, на основании которых они сделаны, подлежат свободной оценке суда. Проверка экспертизы может основываться на авторитетности самого эксперта, на точности и ясности его экспертизы, подлинности и полноте материала исследования, на согласии между собой нескольких экспертов или нескольких экспертиз по тому же предмету, на согласии экспертизы с материалами дела и т. п.»²⁵. А известный судебный эксперт в области судебно-бухгалтерской экспертизы отмечал: «Следующие вопросы надо выяснить при оценке заключения:

- удовлетворяет ли экспертиза требованиям логического умозаключения;
- нет ли в фактах, принимаемых экспертом в основу выводов, взаимного противоречия и противоречия с другими фактами;
- не переходит ли эксперт за границы своей науки, предлагает ли суду научные и технические выводы или высказывает суждения о виновности подсудимого»²⁶.

П. Сергеич в статье «Искусство речи на суде» не без юмора предлагал при оценке заключения эксперта иметь в виду, что «эксперты могут быть: сведущие и добросовестные; добросовестные и несведущие; сведущие и недобросовестные; недобросовестные и несведущие»²⁷.

Интересна точка зрения на оценку экспертного заключения известно-

го советского ученого-криминалиста И. Н. Якимова. Он отмечал: «Оценка экспертизы, в смысле безусловного доверия к ней, основывается: 1) на соответствии результатов экспертизы нашим понятиям о природе и человеке; 2) на материальных доказательствах правильности ее результатов; 3) на согласии, существующем между отдельными частями экспертизы, и соответствии ее в целом всем уже установленным обстоятельствам дела и вещественным и иным по делу доказательствам»²⁸.

Таким образом, оценка заключения эксперта – это мыслительный логический процесс установления его допустимости, относимости и достоверности как признаков любого доказательства. Он требует комплексного подхода, при котором оценивается заключение по юридическому критерию – соответствие процессуальным нормам и нормативно-пра-

вовым требованиям назначения и производства экспертизы – и научно-практическому критерию (соответствие проведенного исследования уровню развития науки, установление полноты, обоснованности выводов и всего исследования в целом). В первом случае можно говорить о допустимости заключения, а во втором – сделать оценочный вывод о достоверности заключения. Особенность оценочной деятельности следователя в данном случае состоит в том, что для этого он может пригласить сведущее лицо – специалиста. Специалист, в свою очередь, решает поставленную задачу в процессуальной форме – дает заключение или показания в ходе допроса, или же – в непроцессуальной форме – дает письменную консультацию. Кроме того, сам следователь вправе при наличии установленных в законе оснований назначить дополнительную или повторную экспертизу.

¹ См.: Хмелева А. В. Особенности заключения судебного эксперта как доказательства и его оценка следователем // Воронежские криминалистические чтения. 2016. № 2 (19). С. 79–86.

² Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / отв. ред. П. А. Лупинская. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009. С. 361.

³ Аверьянова Т. В. Судебная экспертиза. М., 2007. С. 444.

⁴ См.: Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М., 2005. С. 57.

⁵ Белкин Р. С. Собрание, исследование и оценка доказательств. М., 1966. С. 66–67.

⁶ См.: Хмелева А. В. Указ. соч.

⁷ См.: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 15 сентября 2015 г. № 1827-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁸ См.: Орлов Ю. К. Заключение эксперта и его оценка по уголовным делам : учеб. пособие. М., 1995. С. 40.

⁹ См.: Орлов Ю. К. Судебная экспертиза как средство доказывания в уголовном судопроизводстве. М., 2005. С. 133.

¹⁰ См.: Исаенко В. Н., Павлова Е. В. Оценка и использование прокурором заключений экспертов в уголовном судопроизводстве : науч.-практ. пособие. М., 2017. С. 55.

¹¹ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 5.

¹² См.: Соколова О. А. Использование результатов экспертиз и исследований в раскрытии и расследовании преступлений // Рос. следователь. 2015. № 1. С. 7.

¹³ См.: Исаенко В. Н., Павлова Е. В. Указ. соч. С. 60.

¹⁴ Белкин А. Р. Законодательная регламентация судебной экспертизы // Материалы 6-й Междунар. науч.-практ. конф. «Теория и практика судебной экспертизы в

современных условиях», посвященной памяти профессора Ю. К. Орлова, г. Москва, 19–20 января 2017 г. М., 2017. С. 39–45.

¹⁵ Прорвич В. А. О внутренних и внешних факторах развития судебно-экономической экспертизы // Материалы 6-й Междунар. науч.-практ. конф. «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях», посвященной памяти профессора Ю. К. Орлова, г. Москва, 19–20 января 2017 г. М., 2017. С. 366.

¹⁶ Якимов И. Н., Михеев П. П. Искусство допроса. Практическое пособие для допрашивающих. М., 1928. С. 21.

¹⁷ См.: Криминалистическая экспертиза : возникновение, становление и тенденции развития. М., 1994. С. 224.

¹⁸ См.: Аверьянова Т. В. Судебная экспертиза. Курс общей теории. М., 2006. С. 468.

¹⁹ См.: Россинская Е. Р. Тактика привлечения специалиста при назначении судебной экспертизы и оценке ее результатов // Криминалистическая тактика : современное состояние и перспективы развития : сб. материалов 56-х криминалистических чтений : в 2 ч. М., 2015. Ч. 2. С. 162.

²⁰ См.: Зинин А. М. Участие специалиста в процессуальных действиях : учебник. М., 2011. С. 198–205.

²¹ См.: Зинин А. М. Взаимодействие специалиста и следователя (суда) при назначении экспертизы и оценке заключения эксперта // Материалы 6-й Междунар. науч.-практ. конф. «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях», посвященной памяти профессора Ю. К. Орлова, г. Москва, 19–20 января 2017 г. М., 2017. С. 157–161.

²² См.: Баранов П. Ю., Завдольева И. Г. Количественная оценка качества судебной экспертизы объектов недвижимости // Материалы науч.-практ. конф. «Проблемы классификации судебных экспертиз, сертификации и валидации методического обеспечения, стандартизации судебно-экспертной деятельности», Москва, 21 января 2016 г. М., 2016. С. 20–25.

²³ См.: Петрухина А. Н. Оценка заключения эксперта в уголовном судопроизводстве : монография. М., 2013. С. 151.

²⁴ Ст. 9 приложения к ст. 701 проекта Устава уголовного судопроизводства 1863 г. // Объяснительная записка к проекту новой редакции Устава уголовного судопроизводства. Т. 2. Дознание и предварительное следствие. СПб., 1900. С. 308.

²⁵ Фойницкий И. Я. Курс уголовного процесса. СПб., 1898. Т. 2. С. 330.

²⁶ Иванов С. Ф. Бухгалтерская экспертиза в судебной практике : пособие для юристов и бухгалтеров-экспертов. СПб., 1913. С. 59–60.

²⁷ Там же. С. 321.

²⁸ Якимов И. Н., Михеев П. П. Указ. соч.

*Московская академия Следственного
комитета Российской Федерации*

Хмелева А. В., кандидат юридических наук,
директор НИИ криминалистики

E-mail: Khmeleva.alla@mail.ru

*Moscow Academy of Investigation Committee
of the Russian Federation*

Khmeleva A. V., Candidate of Legal Sciences,
Director of the Institute of Forensic Science

E-mail: Khmeleva.alla@mail.ru

УДК 343.1

А. М. Багмет

Московская академия Следственного комитета Российской Федерации

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РЕЙДЕРСТВА

А н н о т а ц и я: в статье раскрыты основные элементы рейдерства: предмет рейдерства; подготовка к совершению рейдерства; совершение рейдерства; следообразование при совершении рейдерства; лица, совершающие рейдерство; лица, в отношении которых совершается рейдерство.

К л ю ч е в ы е с л о в а: рейдерство, рейдер, корпоративный захват, силовой захват предприятия.

CRIMINALISTIC CHARACTERISTIC RAIDING

Abstract: *the article deals with the basic elements of raiding: raiding; prepare to commit raiding; commission of raiding; sleedoobrazovanie when making raiding; perpetrators of raiding; persons in respect of whom committed raiding.*

Key words: *raids, raider, corporate capture, seizure of the enterprise.*

Поступила в редакцию 21 сентября 2017 г.

Успешное противодействие «рейдерству»¹ невозможно без знания криминалистической характеристики данного явления.

Принимая во внимание, что криминалистическая характеристика представляет собой отражение системы криминалистических черт, свойств, признаков преступления, отобразившихся в объективной действительности², на наш взгляд, к основным элементам криминалистической характеристики рейдерства можно отнести³:

- 1) предмет рейдерства;
- 2) подготовка к совершению рейдерства;
- 3) совершение рейдерства;
- 4) следообразование при совершении рейдерства;
- 5) лица, совершающие рейдерство;

6) лица, в отношении которых совершается рейдерство.

Предмет рейдерства. В качестве предмета рейдерства выступает предприятие как имущественный комплекс (ч. 1 ст. 132 ГК РФ).

При этом организационно-правовой формой предприятия как имущественного комплекса является акционерное общество⁴. В случае если рейдеры преследуют в качестве конечной цели рейдерства получение доминирующего положения в акционерном обществе для участия в получении значительной части дивидендов, предметом посягательства выступает право на получение прибыли, предоставляемое владельцам акций. По отношению к имуществу акционерного общества новые владельцы контрольного пакета акций обладают не вещно-правовыми, а обязательственными правами. Рейдеры приобретают не право собственности на имущество акционерного

общества, а право требования на получение прибыли, ликвидационной квоты.

Рейдерству подвергаются организации, занимающиеся производством или оказанием услуг в различных сферах. В последнее время отмечается наличие определенной «специализации» в среде рейдеров относительно предмета преступного посягательства.

Помимо зданий и сооружений, интерес для рейдеров представляют и другие виды имущества как составляющие имущественного комплекса организации: земельные участки, оборудование, инвентарь, сырье, продукция, права требования, а также права на обозначения, индивидуализирующие предприятие, его продукцию, работы и услуги (фирменное наименование, товарные знаки, знаки обслуживания) и другие исключительные права, выгодные контракты на выполнение государственных заказов и другое (ч. 2 ст. 132 ГК РФ).

В сферу интересов рейдеров входят⁵:

- торговая недвижимость – 25 %;
- офисная недвижимость – 20 %;
- площади под застройку – 15 %;
- земля сельскохозяйственного назначения – 15 %;
- складская недвижимость – 10 %;
- бизнес – 10 %;
- прочее – 5 %.

Подготовка к совершению рейдерства. После создания преступной группы идет поиск заказчика, который потом становится «добросовестным приобретателем», либо сначала выбирается «жертва», а затем ищут «приобретателя»⁶.

При поступлении заказа о потенциальной жертве поэтапно осуществляются:

1) сбор информации об объекте, учредителях, акционерах, руководителях, главном бухгалтере предприятия (при этом анализируются связи, контакты, круг общения, деловые и личностные характеристики, интересы) проводится с помощью:

- открытых источников;

- инсайда (внутренних источников);
- копий уставных документов, платежек;

- материалов аудиторских и налоговых проверок;

- распечаток телефонных переговоров руководства;

- результатов наружного наблюдения;

2) выявление признаков экономических нарушений, административных правонарушений, совершенных в ходе деятельности компании;

3) получение учредительных документов компании, данные реестра⁷ акционеров, документов о наиболее ликвидном имуществе (здании и т. п.).

При этом на атакуемый объект (в структуру, отвечающую за безопасность или финансы) может быть внедрен свой человек.

После обработки собранных данных формируются две экспертные оценки:

1) нижний порог рыночной стоимости актива.

Стоимость квадратного метра производственно-административных площадей умножается на количество «паспортных» метров согласно справке Бюро технической инвентаризации. К этой цифре приплюсовываются минимальная ставка аренды земли под объектом и нижний порог рыночной цены основных активов предприятия;

2) бюджет акции, включающий:

- нелегальное получение справок из органов, регистрирующих права собственности;

- покупка досье по налоговой и кредитной истории предприятия;

- затраты на добычу реестра акционеров;

- орграсходы (транспорт, связь, командировки, взятки и т. п.);

- покупка силового ресурса.

Бюджет атаки не должен превышать 10–15 % от нижнего порога стоимости объекта.

Перед собственно рейдом – комплексом действий по захвату компании или ее имущества, как правило, проводится рейдерская разведка. Рейд может инициироваться как самими рейдерами, так и по заказу заинтересованной стороны. В ходе рейдерской разведки изучается структура собственности компании, выясняются слабые места в управлении, собирается информация о легальности возникновения права собственности на имущество компании, выявляются потенциальные союзники в рейде: недовольные акционеры или владельцы долей в компании, обиженные, уволенные сотрудники, располагающие инсайдерской (внутренней) информацией о делах компании, желающие заработать чиновники и т. п. Также оценивается степень подготовленности руководителей и персонала компании к антирейду, т. е. к отпору, защите и возможному несимметричному ответу – активному применению административного ресурса и уголовного преследования по отношению к рейдеру.

На этом этапе оценивается и экономическая составляющая будущего рейда.

В случае принятия решения о проведении «захвата» осуществляются⁸:

- 1) изготовление печати общества;
- 2) смена органов управления в обществе путем составления «протокола собрания акционеров (участников)»;
- 3) «подписание» сфальсифицированного договора купли-продажи акций (долей);
- 4) заключение договора на ведение реестра акционеров, подготовка системы ведения реестра компании и передача ее новому реестродержателю;
- 5) подача в ФНС России документов о смене генерального директора в компании, об изменении состава участников общества, регистрация изменений в Едином государственном реестре юридических лиц (ЕГРЮЛ).

Совершение рейдерства. В первые годы передела собственности рейдеры часто применяли грубые методы: изготовление поддельных договоров купли-продажи акций, получение по ним контрольного пакета, избрание своего генерального директора, регистрация всех изменений, наем частного охранного предприятия и захват таким образом организации. В последние годы широко распространены операции с использованием регистраторов, ведущих реестры акционерных обществ, инструментов доверительного управления пакетами акций, с внесением ложных данных в реестры⁹.

Этапы осуществления рейдерства:

- 1) силовой захват предприятия;
- 2) открытие счета компании-цели в дружественном банке и уведомление ФНС России;
- 3) вывод активов общества путем продажи наиболее ликвидного имущества общества (здания и т. п.);
- 4) продажа акций (долей) в уставном капитале общества «добросовестным» приобретателям;
- 5) принятие решения о ликвидации общества, присоединении общества к другому обществу.

Способы достижения контроля над поглощаемым объектом собственности¹⁰:

- 1) корпоративные;
- 2) судебные;
- 3) административные;
- 4) силовые действия.

*При корпоративном захвате*¹¹:

- 1) скупка акций у миноритарных акционеров с целью консолидации более или менее крупного пакета акций поглощаемого общества; после достижения контроля на 10 % пакета акций поглощаемого общества и параллельно с осуществлением дальнейшей скупки акций для дестабилизации положения в поглощаемом обществе инициируется проведение внеочередных общих собраний акционеров, на которых предлагается рассмотреть вопросы

о смене руководства общества (директора, состава совета директоров и пр.);

2) выпуск дополнительных акций, распределяемых исключительно среди «своих» акционеров;

3) создание параллельных органов управления поглощаемым обществом;

4) манипуляции с реестром акционеров поглощаемого общества или создание второго или третьего реестра акционеров;

5) обременение имущества поглощаемого общества (например, обременение имущества по средствам залога, долгосрочной аренды с дальнейшей государственной регистрацией такого обременения и т. п.);

6) давление рейдера на реального собственника (например, путем заведения уголовного дела), вследствие чего собственник продаст актив по заниженной цене;

7) подделка рейдером учредительных документов общества и внесение таких изменений в базу ЕГРЮЛ налоговой инспекции, после чего он получает контроль над обществом/активом и «выводит» (продает) актив «добросовестному» приобретателю;

8) внесение изменений в реестр компании путем сговора рейдера непосредственно с депозитарием, ведущим реестр, либо вследствие изъятия реестра правоохранительными органами в рамках расследования уголовного дела, после чего рейдер получает контроль над обществом/активом и «выводит» (продает) актив «добросовестному» приобретателю;

9) получение рейдером реальной подписи директора общества мошенническим путем (либо с помощью прямого подкупа) на документе, который затем будет трансформирован в договор купли-продажи здания/общества;

10) формирование или покупка задолженности компании с искусственным

созданием в дальнейшем препятствий в ее выплате и логичная смена собственника через банкротство или санацию такой компании;

11) выдача кредита на жестких условиях под залог контрольного пакета акций с искусственным созданием в дальнейшем препятствий в выплате кредита (например, с помощью фискальных и правоохранительных органов) и логичная смена собственника;

12) распространение компрометирующей информации о компании на рынке в целях дестабилизации ее работы, катастрофического снижения ее капитализации, логичная смена собственника либо выведение самой ценной клиентуры;

13) подкуп генерального директора миноритарным акционером или сторонним инвестором с целью заключения с акционерным обществом сделок по распродаже наиболее ценного имущества общества, уступке прав, выдаче гарантий, поручительства и т. п., при этом генеральный директор не выполняет указания держателя контрольного пакета акций, не проводит собраний акционеров и отказывается передать свои полномочия новому генеральному директору;

14) подкуп генерального директора, представляющего интересы акционера, являющегося, в свою очередь, акционерным обществом (обществом с ограниченной ответственностью), при этом акционер продает контрольный пакет акций захватчику, в то время как его учредители даже не догадываются об этом, т. е. генеральный директор акционера действует в нарушение его интересов;

15) миноритарным акционером (захватчиком) проводится незаконное собрание акционеров, на котором в отсутствие кворума для принятия решения (в отсутствие держателя контрольного пакета акций) принимается незаконное решение о назначении генерального директора, об увеличении уставного капи-

тала (дополнительной эмиссии), в результате чего доля мажоритарного акционера становится менее 50 %, т. е. проводится незаконная эмиссия, и мелкие акционеры или сторонние инвесторы приобретают контрольный пакет акций помимо воли мажоритария;

16) реестродержателем (по договоренности с захватчиком) производится незаконное списание акций с лицевого счета владельца контрольного пакета, открытого в реестре акционеров;

17) захватчиком фальсифицируется договор, на основании которого акционер якобы произвел отчуждение акций в пользу третьего лица (захватчика) с последующим списанием акций со счета акционера в реестре;

18) захватчиком фальсифицируются документы, якобы подтверждающие задолженность владельца контрольного пакета акций перед третьим лицом (захватчиком);

19) захватчиком по договоренности с генеральным директором общества формируется фиктивная задолженность общества посредством, например, авалирования векселя третьего лица, т. е. общество берет на себя заведомо ничем не мотивированные (кроме умысла на захват предприятия третьим лицом) обязательства отвечать по обязательствам третьих лиц.

Судебные действия:

1) наложение арестов на акции, принадлежащие другим акционерам поглощаемого общества, его руководству;

2) наложение судебных запретов на участие тех или иных владельцев акций в общих собраниях акционеров;

3) судебные предписания в отношении регистратора, осуществляющего ведение реестра акционеров поглощаемого общества (указания на списание и зачисление акций, запрет подсчета голосов тех или иных акционеров или допуска их к участию в общем собрании акционеров,

указание передать реестр новому регистратору и пр.);

4) в рамках трудовых споров выдаются запреты на исполнение обязанностей руководителя поглощаемого общества, а также указания о допуске вновь созданных органов управления на территорию предприятия;

5) признание недействительными решений общих собраний акционеров или решений органов управления поглощаемого общества;

6) признание недействительными выпусков акций поглощаемого общества;

7) наложение судебных арестов на имущество и денежные средства на финансовых счетах поглощаемого общества.

Административные действия. К осуществлению плана недружественного поглощения, как правило, привлекаются отдельные коррумпированные представители государственных органов, имеющие властные полномочия (МВД, Минюст, органы, регулирующие ту или иную сферу деятельности поглощаемого общества, в том числе и лицензируемую). При поддержке этих органов агрессор получает обязательные для исполнения поглощаемым обществом предписания, проводятся выемки документов, в отношении регистратора поглощаемого общества выносятся предписания о передаче реестра и пр. Одновременно при содействии таких органов парализуются основные технологические процессы на производстве поглощаемого общества.

*Силовой захват*¹²: силовая смена руководства предприятия с использованием частных охранных предприятий, службы судебных приставов, сотрудников милиции.

Система следообразования складывается из идеальных и материальных следов, возникающих при совершении конкретных преступлений в рамках определенного рейдерства.

Лица, совершающие рейдерство.

Рейдерство могут совершать:

- миноритарные акционеры¹³ в сговоре с организацией-конкурентом;
- соучредители акционерного общества (действующие и бывшие);
- привилегированные акционеры;
- бывшие сотрудники организации (лица, занимавшие руководящие должности, а также рядовые сотрудники, знающие специфику работы организации в определенном секторе);
- реестродержатели (регистраторы¹⁴, трансфер-агенты¹⁵, депозитариусы¹⁶);
- «рейдеры» – лица, профессионально занимающиеся организацией и непосредственным осуществлением рейдерства.

Бывшие акционеры, соучредители акционерного общества, бывшие сотрудники организации располагают сведениями о специфике деятельности акционерного общества, механизме распределения его прибыли, способе воздействия на органы управления для принятия выгодных определенным лицам решений. Они совершают рейдерство, действуя как в группе лиц по предварительному сговору, так и самостоятельно.

Рейдерами могут быть как физические лица, каждый раз создающие новую «команду» для организации «корпоративного захвата», в которую входит постоянно действующее ядро специалистов, так и сплоченная постоянно действующая организация, состав которой на высшем и среднем уровнях практически не изменяется в промежутках между совершением очередных преступлений.

В организации и непосредственном осуществлении рейдерства участвует, как правило, группа лиц по предварительному сговору или организованная группа, профессионально занимающаяся провокацией корпоративных конфликтов с целью последующего хищения активов предприятия¹⁷.

Рейдерами могут создаваться так называемые «рейдинговые компании» – коммерческие структуры, для которых рейдерство является главным источником прибыли.

Структуру подобной организации рейдеров составляют три уровня:

- 1) высший (организаторы);
- 2) средний («черные юристы»);
- 3) низший (силовое звено).

Организаторы рейдерства, как правило, являются предпринимателями, имеющими частный бизнес с небольшим легальным оборотом. Это позволяет им вступать в различные ассоциации, контактировать с чиновниками, мотивируя это интересами бизнеса, не отражать в документах бухгалтерского учета и финансовой отчетности проведенные операции, не уплачивать налоги. Организаторы определяют тактику осуществления «корпоративного захвата» и «команду» для его осуществления.

В состав среднего звена входят «черные юристы» (юристы нападения), обладающие специальными знаниями в различных отраслях права. Они занимаются составлением подложных документов для возбуждения уголовных дел в отношении владельцев контрольного пакета акций хозяйственного общества, инициируют судебные разбирательства, проведение проверок. Во многих случаях они обладают значительными связями в правоохранительных органах, позволяющими им успешно разрешать возникающие конфликты с хозяйственным обществом.

В состав низшего звена входят силовые структуры, осуществляющие физическое воспрепятствование деятельности органов управления акционерного общества, проведению общего собрания акционеров, доступу руководителей на территорию предприятия. Силовые структуры, как правило, состоят из трех звеньев, включающих в себя организатора силовых захватов, сотрудников частного

охранного предприятия и наемников, среди которых могут находиться бывшие заключенные, спортсмены, бывшие сотрудники правоохранительных органов, а также «гастарбайтеры»¹⁸.

Нередко в качестве соучастника «корпоративного захвата» выступает реестродержатель (регистратор, трансфер-агент или депозитарий), поскольку он занимается ведением реестра акционеров и отражает в регистрационном журнале учета операций с ценными бумагами и реестре переход права собственности на акции.

Лица, в отношении которых совершается рейдерство. Следственно-судебная практика показывает, что рейдерство, как правило, совершается в отношении владельцев предприятий, которые¹⁹:

- совершают ошибки в поведении по отношению к акционерам;
- допускают нарушения законодательства;

- осуществляют неправильную кадровую политику;
- ведут черную бухгалтерию;
- допускают злоупотребления черной зарплатой;
- осуществляют неправильное оформление документов;
- устанавливают неконсолидированные акционерные структуры;
- допускают кредиторскую задолженность;
- проявляют принципиальное пренебрежение к материальному поощрению акционеров, систематически не выплачивая им дивидендов.

В заключение необходимо отметить, что криминалистическая характеристика рейдерства служит основой для разработки наиболее целенаправленных и эффективных методик раскрытия и расследования рассматриваемого общественно опасного деяния.

¹ Рейдеры (англ. *raider* – налетчик) – свободный охотник; военный корабль или вооруженное торговое судно, подводная лодка или самолет, ведущие самостоятельные боевые действия на морских коммуникациях с целью захвата и уничтожения судов противника; рейдерство – свободная охота; рейд (англ. *raid*) – внезапное, стремительное продвижение в глубь неприятельской территории для окружения вооруженных формирований противника и подрывных действий в его тылу // Новейший словарь иностранных слов и выражений. Минск, 2007. С. 691.

² См.: Шурухов Н. Г. Криминалистика : учебник. М., 2008. С. 24.

³ См. подробно: Багмет А. М., Бычков В. В. Основные элементы криминалистической характеристики рейдерства // Уголовное право. 2010. № 5. С. 104–109.

⁴ См.: Валласк Е. В. К вопросу об определении предмета преступления, характеризующего как корпоративный захват // Безопасность бизнеса. 2007. № 4.

⁵ См.: Савуляк Э. Как минимизировать риск захвата компании // Консультант. 2009. № 23. С. 22.

⁶ См.: Добровольский В. И. Защита корпоративной собственности в арбитражном суде. М., 2006. С. 158; Пименов Н. А. Проблемы рейдерства в России // Налоги. 2010. № 3. С. 17.

⁷ Реестр – совокупность данных, зафиксированных на бумажном носителе и (или) с использованием электронной базы данных, которая обеспечивает идентификацию зарегистрированных лиц, удостоверение прав на ценные бумаги, учитываемые на лицевых счетах зарегистрированных лиц, а также позволяет получать и направлять информацию зарегистрированным лицам // Об утверждении Положения о ведении реестра владельцев именных ценных бумаг : постановление ФКЦБ РФ от 2 октября 1997 г. № 27 (в ред. от 20.04.1998) // Вестник ФКЦБ России. 1997. № 7.

⁸ См.: *Добровольский В. И.* Указ. соч. С. 158.

⁹ См.: *Пименов Н. А.* Указ. соч. С. 17.

¹⁰ См.: *Корсак А. Б.* Противодействие рейдерству в системе антикоррупционных мер // *Безопасность бизнеса.* 2008. № 3 ; *Святкина Н. И.* Способы защиты права собственности при незаконных захватах недвижимости (рейдерстве) : проблемы правоприменения // *Право и экономика.* 2009. № 10. С. 60 ; *Добровольский В. И.* Указ. соч. С. 9–12.

¹¹ См.: *Савуляк Э.* Указ. соч.

¹² См.: *Мазуренко М. А.* Рейдерство в Краснодарском крае // *Общество и право.* 2009. № 4. С. 290.

¹³ Миноритарные акционеры – акционеры, обладающие небольшими пакетами акций.

¹⁴ Регистратор – юридическое лицо, ведущее реестр в акционерном обществе с числом акционеров более 50 держателем реестра общества // Часть 3 ст. 44 Федерального закона РФ от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // *Собр. законодательства Рос. Федерации.* 1996. № 1. Ст. 1.

¹⁵ Трансфер-агент – юридическое лицо, выполняющее функции по приему от зарегистрированных лиц или их уполномоченных представителей и передаче регистратору информации и документов, необходимых для исполнения операций в реестре, а также функции по приему от регистратора и передаче зарегистрированным лицам или их уполномоченным представителям информации и документов, полученных от регистратора // Об утверждении Положения о ведении реестра владельцев именных ценных бумаг : постановление ФКЦБ РФ от 2 октября 1997 г. № 27 // *Вестник ФКЦБ России.* 1997. № 7.

¹⁶ Депозитарий – юридическое лицо, оказывающее услуги по хранению сертификатов ценных бумаг и/или учету и переходу прав на ценные бумаги // Статья 7 Федерального закона РФ от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» // *Собр. законодательства Рос. Федерации.* 1996. № 17. Ст. 1918.

¹⁷ См.: *Валласк Е.* Субъект преступления, характеризуемого как «корпоративный захват» // *Законность.* 2006. № 8.

¹⁸ Гастарбайтер – рабочий-иммигрант // *Ожегов С. И.* Словарь русского языка / под ред. Л. И. Скворцова. М., 2007. С. 1241.

¹⁹ *Пименов Н. А.* Указ. соч. ; *Савуляк Э.* Указ. соч.

*Московская академия Следственного
комитета Российской Федерации*

Багмет А. М., кандидат юридических наук,
доцент, и.о. ректора

E-mail: akskrf@yandex.ru

Тел.: 8-968-719-77-77

*Moscow Academy of the Investigative Committee
of the Russian Federation*

Bagmet A. M., Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor, Acting Rector

E-mail: akskrf@yandex.ru

Tel.: 8-968-719-77-77

О НЕСКОЛЬКИХ ПРОБЛЕМАХ СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КРИМИНАЛИСТИКИ И ВОЗМОЖНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ

А н н о т а ц и я: в статье критически анализируются мнения о нахождении современной отечественной криминалистики в кризисном состоянии. Обосновывается позиция, что данная наука, в принципе своевременно разрешая возникающие – обусловленные потребностями и реалиями современной криминальной и правоприменительной практики – проблемы, последовательно развивается; определяются возможные направления совершенствования криминалистической теории и практики.

К л ю ч е в ы е с л о в а: криминалистическая дидактика, общая теория криминалистики, изучаемые криминалистикой закономерности, уголовно-релевантные следы.

ON SEVERAL PROBLEMS OF THE MODERN RUSSIAN CRIMINALISTICS AND POSSIBLE WAYS OF THEIR RESOLUTION

A b s t r a c t: in the article are critically analyzed the opinions about the crisis of modern Russian criminalistics. The author substantiates the position that this science, in principle, promptly solving emerging – driven by the needs and realities of modern criminal and law enforcement practices – problems, consistently developing; identifies possible areas of improvement of forensic theory and practice.

Key words: criminalistic didactics; General theory of criminalistics; patterns, which are studied by forensic science; criminal relevant traces.

Поступила в редакцию 4 сентября 2017 г.

В юридической литературе в последнее время все чаще звучат утверждения о кризисном состоянии отечественной криминалистики, ее нахождении «в бедственном положении» (А. С. Подшибякин), что современная криминалистика стоит «на перепутье с бесконечным разветвлением путей в непознанную действительность, в еще более жесткий по последствиям и процессам лабиринт» (Г. А. Зорин)¹.

«Явная неспособность современной отечественной криминалистики, – приводя многочисленные подобные высказывания, сделал категорический вывод В. Ю. Сокол, – убедительно отвечать на возникающие проблемы борьбы с преступностью (практики раскрытия и расследования преступлений) влечет утрату доверия к криминалистике не только стороны практических работников, но и общества в целом [...], свидетельствует о кризисе взаимоотношений криминалистики с обществом»².

Отдельными авторами (В. Ю. Соколом, Т. В. Шутемовой и др.), придерживающимися мнения о кризисном состоянии современной отечественной криминалистики, «к которой накопилось слишком много претензий»³, сделаны попытки составить перечень таковых.

Большая часть формулировок этих претензий, по нашему мнению, носит сугубо общий, противоречивый, несистемный и зачастую некий декларативный характер. К примеру, с одной стороны, к ним отнесен «уход от обсуждения (криминалистикой. – О. Б.) актуальных вопросов практического значения». Но с другой стороны, в то же время к криминалистике (заметим, тем же автором) предъявляются претензии в «недостатке современных обширных концептуальных построений» и в «отсутствии принципиальной интеллектуальной конкуренции в криминалистическом сообществе»⁴.

Нам же – сразу обозначим свою позицию – сложившаяся в настоящее время ситуация в криминалистике столь катастрофической не представляется.

Несомненно, состояние современного общества и его правовой системы, влияние научно-технического прогресса с логической неизбежностью обуславливают необходимость соответствующего дальнейшего развития и совершенствования «обслуживающих» государственные потребности наук, к которым относится и наука криминалистика. Но это – не кризис в точном значении этой философской и социологической категории, понимаемой как «переворот, пора переходного состояния, перелом, состояние, при котором существующие средства достижения целей становятся неадекватными, в результате чего возникают непредсказуемые ситуации. Кризис проявляет скрытые конфликты и диспропорции...»⁵.

Криминалистика – не в кризисе. Она в своем «нормальном» состоянии. Она, как и любая другая наука, не терпит застоя, находится в состоянии своего поступательного развития, постоянного осмысливания возникающих перед ней проблем, изыскания и разработки путей (средств, методов и т. д.) их рационального разрешения⁶.

При этом, что вполне естественно, проявляются различные (в том числе серьезные) «внутренние и внешние» проблемы. Их наличие, однако, не свидетельствует о кризисе соответствующей науки. Это, повторим, ее – в данном случае науки криминалистики – перманентно-постоянное состояние.

И с постулированной позиции хотелось бы высказать мнение о нескольких «претензиях» к криминалистике, свидетельствующих, на взгляд их авторов, о кризисе в этой науке.

Сразу позволим себе высказать несколько парадоксальную мысль о постулированном выше мнении «о кризисе взаимоотношений криминалистики с обществом», и в первую очередь о том, что в настоящее время «отмечается падение престижа профессии криминалиста» (В. Я. Колдин): это состояние объективно и во многом – с позиций общественных интересов – позитивно.

Дело в том, что криминалистика и «обслуживаемое» этой наукой уголовное судопроизводство имеют своим объектом достаточно узкий спектр известных (хотя и наиболее экстремальных) общественных отношений. Все же остальные общественные отношения есть объекты иных соответствующих отраслей права – гражданского, хозяйственного, налогового, таможенного и т. д., которые после перехода нашей страны к многоукладной рыночной экономике активно (и, как то представляется специалистам в них,

крайне противоречиво) развиваются. И потому, на наш взгляд, юридическим наукам (к которым, без сомнений, относится и криминалистика), помимо изучения проблем расследования преступлений и рассмотрения уголовных дел о них в суде борьбы с преступностью (хотя таковых множество), есть чем еще «заниматься». И, видимо, поэтому многие студенты юридических вузов выбирают для своего углубленного изучения не науки криминалистического цикла (уголовное право, уголовный процесс, криминалистика и др.), а другие более востребованные в настоящее время обществом специализации юридической деятельности – гражданско-правовую, международное право, право налоговое и т. п.

Но в то же время нельзя не сказать и о социальном факторе, также существенно влияющем на некое уменьшение интереса студентов к наукам уголовно-правовой специализации. Мы имеем здесь в виду то, что в большинстве юридических вузов (факультетах) значительное число профессоров, доцентов, преподающих эти учебные дисциплины, читающих по ним лекции, и преподавателей, ведущих по ним практические и семинарские занятия, своего опыта практической деятельности в уголовном судопроизводстве не имеют⁷.

Объяснение такой сложившейся ситуации достаточно простое, прагматичное...

Много лет назад (в 1973 г.), когда автор настоящей статьи – следователь прокуратуры с одиннадцатилетним стажем – сменил петлицы со звездами младшего советника юстиции (сейчас это майор юстиции) на гордую должность младшего научного сотрудника кафедры уголовного процесса и криминалистики Воронежского государственного университета, он потерял треть ежемесячной зарплаты.

Однако, если нынешний следователь – даже с небольшим опытом работы в современных (значительно более сложных) условиях – рискнет повторить такой «подвиг», то он потеряет не треть зарплаты, а как минимум на порядок больше. Именно в этом основная причина того, что сейчас зачастую криминалистике студентов обучают преподаватели, знающие, как расследовать преступления, в основном по монографиям, научным статьям и детективным телесериалам (сказанное всецело относится и к преподавателям других юридических дисциплин ярко выраженной прикладной направленности).

И это притом, что научно-технический прогресс, противоречивость многоукладного характера современной экономики с логической неизбежностью породили как новые способы совершения традиционных «общеуголовных» преступлений, так и новые виды преступлений, с которыми ранее следователи либо в принципе не встречались, либо встречались крайне редко.

Изучение же этих «криминальных» достижений, обучение студентов адекватным им новым методам и методикам их выявления и расследования требует от самих преподавателей криминалистики углубленного не только знания, но и «ощущения» передовой современной правоприменительной практики (что по изложенным выше причинам в настоящее время крайне проблематично). И в этой связи сложилась весьма тревожная ситуация: следователи (в первую очередь начинающие) не обладают знаниями и умениями для расследования многих современных преступлений (и их разновидностей); не владеют они ими потому, что тому их некому обучать⁸.

В этом же контексте нельзя не обратить внимание на еще одну причину

определенного «спада» (а он, в некоей степени действительно наблюдается) активности научных исследований насущных проблем современной криминалистики, который, несомненно, также влияет на качество современного преподавания этой науки.

Произошедшее некоторое время тому назад разделение специальности 12.00.09 на уголовный процесс, сохранивший тот же номер в номенклатуре ВАКа, и специальность 12.00.12, включившую в себя криминалистику, оперативно-розыскную деятельность и судебно-экспертную деятельность, оказалось чревато далеко идущими крайне негативными последствиями для обеих наук. В первую очередь с логической и очевидной неизбежностью сложившаяся в данной связи ситуация с подготовкой научных кадров привела к существенному сокращению подготовки диссертаций по каждой из этих специальностей. Действительно (как некогда заметил Станислав Лем), «можно ли назвать прогрессом науки ситуацию, когда специализация дробит любую деятельность – познавательную, созидательную, интеллектуальную, творческую, так что в любой специальности каждый все глубже вспахивает свою все уменьшающуюся делянку?»⁹

Изучение и преподавание уголовного процесса и криминалистики в отрыве друг от друга – как наук, так и учебных дисциплин – грубейшая методологическая ошибка¹⁰.

Лишь их системное рассмотрение обязывает к анализу процессуальных и криминалистических проблем в их взаимосвязи и взаимообусловленности, в том числе в части исследования информационных закономерностей, процессуальных и криминалистических методов, средств и способов доказывания, основанных на познании этих закономерностей. Обе эти

научные дисциплины обслуживают один объект – уголовное судопроизводство, направлены – каждая со своих позиций и в пределах предмета своего изучения – на его оптимизацию.

Разрешение выделенных проблем, а оно, несомненно, насущно необходимо в ближайшей перспективе, все же не предметная область науки криминалистики как таковой; это прерогатива «органов, соответствующую власть на то имеющих»...

Это то, что касается изучения криминалистики и обучения этой науке будущих правоприменителей, для которых она – «подводная» часть основ практической деятельности в области уголовного судопроизводства.

Из ряда составленных перечней недостатков современной отечественной криминалистики серьезного анализа, по нашему представлению, заслуживает «консерватизм и беспомощность классической общей теории криминалистики (Р. С. Белкин) перед существующими проблемами практики»¹¹.

Безусловно, ряд положений этой теории в современных условиях нуждается в дальнейшем их критическом анализе и возможной корректировке (к примеру, значимость для криминалистики, как то полагает автор, сформулировавший эту «претензию», теории отражения).

Но нет никаких сомнений в том, что именно Р. С. Белкин в сущности и создал криминалистику как самостоятельную научную дисциплину, самостоятельную науку.

Длительное время (начиная с Ганса Гросса) криминалистика рассматривалась как техническая (главным образом), прикладная относительно уголовного процесса наука¹².

Еще в 1967 г. известный отечественный криминалист А. Н. Васильев пола-

гал, что «лучше определить криминалистику как науку об использовании данных естественных и технических наук, в частности физики, химии, механики, биологии, как и психологии, логики, науки управления и других, в деятельности по расследованию и предупреждению преступлений, осуществляемой на основе уголовно-процессуального закона»¹³.

Но в том же году Р. С. Белкиным было впервые предложено (в статье, опубликованной совместно с его учеником Ю. И. Краснобаевым) принципиально новое, можно сказать, революционное представление о предмете криминалистики как науки в первую очередь о закономерностях, лежащих в сфере судебного исследования преступлений, которым эта деятельность подчиняется.

Действительно, чем занимается любая наука, претендующая на самостоятельный характер? Как замечал уже цитируемый ранее Станислав Лем, «изучать можно только то, что в структуре случайностей выявляет свою закономерность». Иными словами, любая наука занимается изучением закономерностей, которым подчиняется объект ее исследований. Эта посылка как будто является методологической аксиомой, но, будучи приложенной к криминалистике, вызвала научный бум.

В окончательном виде, по Р. С. Белкину, «криминалистика – наука о закономерностях механизма преступления, возникновения информации о преступлении и его участниках, собирания, исследования, оценки и использования доказательств и основанных на познании этих закономерностей специальных средств и методах судебного исследования и предотвращения преступлений»¹⁴.

Таким образом, в самом широком смысле криминалистика изучает три группы закономерностей:

- 1) совершения преступлений, значимых для их судебного исследования;
- 2) возникновения и существования информации о преступлениях;
- 3) самой деятельности по исследованию преступлений в рамках уголовного процесса.

Именно на этой основе, на основе изучения проявления выявленных и вновь выявляемых различных результатов этих закономерностей создаются специальные средства и методы раскрытия, расследования и судебного исследования преступных общественно-опасных деяний.

Данное видение предмета криминалистики в настоящее время вполне обоснованно разделяется большинством ученых. В то же время некоторые элементы, включенные Р. С. Белкиным в приведенное определение, вызывают у отдельных авторов критические комментарии. Так, к примеру, автору настоящей статьи – при всем петите перед личностью и творческим наследием Р. С. Белкина – представляется неточным его определение субъектного состава «потребителей» науки криминалистики и его мнение о разработке средств предотвращения преступлений как части предметной области криминалистики¹⁵.

Есть и другие предложения по изменению редакции и сущностного содержания сформулированного Р. С. Белкиным определения предмета криминалистики, в том числе и таких, которые представляются нам необоснованными.

Так, мы не думаем, что следует включить в предметную часть объекта криминалистики, иными словами – как предмета криминалистических исследований, изучение личности следователя (как то предлагается Г. А. Зориним, В. Ю. Соколом, О. В. Полстоваловым и рядом других авторов¹⁶).

Нет сомнений, что личность следователя подлежит углубленным исследо-

ваниям, прежде всего, с позиции криминалистической (судебной) психологии, которые проводились и ранее¹⁷, и проводятся в настоящее время¹⁸. Безусловно, психологические свойства и качества конкретного следователя во многом обуславливают саму пригодность субъекта к следственной работе и эффективность его правоприменительной деятельности. Это, несомненно, следует учитывать при назначении лица на соответствующую должность в правоприменительной системе. Однако создавать криминалистические средства и методы с учетом этого невозможно. Невозможно давать следователям рекомендации типа: «если ты экстраверт, то поступай так, а если интроверт, то...», «если ты холерик, то поступай так, а если меланхолик...» и т. п.

Но от всех приведенных выше и многих других предложений по определению предмета криминалистики сущность и количество (триада) выявленных Р. С. Белкиным закономерностей, которым – и результатам проявления которых подчиняется указанная выше деятельность, – во всяком случае, до нынешних пор остаются неизменными. Найти и занять «нишу» в созданной Р. С. Белкиным общей теории криминалистики путем включения в нее неких иных закономерностей, изучаемых этой наукой (что, видимо, в принципе не исключено), пока – даже в первом приближении! – никому не удается.

Кризиса современной криминалистики, в первую очередь ее общей теории, мы (повторим) не видим¹⁹, что отнюдь не означает необходимости ее дальнейшего поступательного развития и совершенствования.

При этом, как представляется, исходить следует из осознания того, что в результате совершения преступления как взаимодействия минимум двух объек-

тов (а чаще всего значительно больше их количества) происходит процесс отражения одного объекта взаимодействия на другом объекте (и наоборот), происходят соответствующие изменения этих объектов и на этих объектах. Эти изменения, обусловленные преступлением, находящиеся с ним в неких причинно-следственных связях, существуют объективно, вне зависимости от сознания воспринимающих их субъектов (следователя, дознавателя, очевидцев преступления и других свидетелей).

Но это еще не следы. Как на первый взгляд ни парадоксально это звучит, следы сами по себе не обозначены, не обособлены от окружающей среды, в нее они вплетены, они в этом качестве – в качестве следов – лишь осознаются соответствующим субъектом познания интересующего его объекта.

Увы, далеко не все, а лишь некоторые определенные части результатов объективно (это вновь особо подчеркну) возникшего отражения от преступления следователь воспринимает, осознает – на основе знания им всех достижений современной криминалистики – как информацию уголовно-релевантную, обусловленную механизмом совершения расследуемого преступления, типовым механизмом следообразования в результате его совершения. Ее он вычленяет из последствий и следствий преступления, осознает, что она является следом преступления.

Иными словами, следом является не каждое из неисчерпаемого количества всех самых разнообразных материальных изменений, связанных с преступлениями, а лишь те из них, которые на современном этапе развития криминалистики осознаются в этом качестве. Осознаются как следы, возникшие в результате преступной деятельности либо с ней связанные причинно, и – что главное – которые

мы в настоящее время умеем обнаруживать, фиксировать, изымать, исследовать и использовать в целях познания, реконструкции преступных событий.

Когда некая часть объективно возникшей в результате совершения преступления информации осознается как след преступления, то методы ее исследования постоянно количественно и качественно развиваются и совершенствуются.

К примеру, вот как в самом общем виде развивались методы криминалистической серологии (исследования следов крови).

Издавна выявляемые на одежде и теле потерпевшего и лица, совершившего насильственное преступление, пятна и мазки различной формы «бурого» цвета интерпретировались как следы крови; затем появились научно обоснованные методики не только установления того, что на этих объектах действительно есть кровь, но и того, является ли обнаруженная кровь кровью человека или животного (разработки этих методик в литературе связывают с именами французов Флоренса и Фрикона, немецкого судебно-медицинского эксперта Уленгута).

Врач Латтес разработал метод определения группы крови. Он позволял, в частности, исключить конкретное лицо из числа подозреваемых – когда группа его крови не соответствовала групповой принадлежности обнаруженной крови. В 1884 г. россиянин Ф. А. Чистович обосновал способы определения видовой принадлежности крови (произошла ли она в результате носового кровотечения, из других определенных областей человеческого тела и т. д.).

Наконец, во второй половине прошлого века возникли методы идентификации человека по следам крови – в результате проведения так называемых геномных (геономоскопических) экспертиз. Эти методы нашли самое широкое

распространение в современной следственной практике²⁰.

В контексте изучаемой проблемы о направлениях развития современной криминалистики главным является следующее: процесс осознания криминалистического значения все большей части объективно возникающей информации перманентно поступателен.

Характерным примером этому служит появление понятия виртуальных следов преступления, основанного на том, что особенности компьютерных технологий, все чаще используемых на различных стадиях преступной деятельности, вне зависимости от желания пользователя влекут возникновение уголовно-релевантной информации. А так как в настоящее время имеются научно обоснованные криминалистические методики обнаружения и исследования этой информации, она приобрела все необходимые качества следа, осознана в теории и практике как криминалистическая следовая информация.

Виртуальные следы, пишет В. А. Мещеряков, одним из первых обративший внимание на эти особенности, есть следы, сохраняющиеся «в памяти технических устройств, в электромагнитном поле, на носителях машиночитаемой информации, занимающей промежуточное положение между материальными и идеальными»²¹.

На этом постулате основаны все чаще используемые при расследовании преступлений особенности мобильной сотовой связи, позволяющие установить как факт связи двух абонентов между собой, так и с высокой степенью точности местонахождение конкретного мобильного телефона²².

Созданы оригинальные повышено практически значимые методические разработки по проведению диагностических и идентификационных исследований текстов переписки по электронной почте и социальным сетям²³.

Все это и предопределяет соответствующие направления развития средств криминалистической техники, использования получаемых «виртуальных» данных в тактике отдельных следственных действий²⁴, их адаптаций применительно к методикам расследования преступлений отдельных криминалистически определенных видов и категорий²⁵.

У нас нет сомнений, что дальнейшее развитие естественных, технических, других наук, науки криминалистики позволит со временем извлекать из «остаточных» результатов процесса отражения при совершении преступлений и другую неизвестную нам в настоящее время, уголовно-релевантную информа-

цию, обоснует результаты проявлений закономерности ее возникновения и существования, создаст научно обоснованные методики ее переработки. Тогда эта информация и будет осознаваться в качестве следов преступления, которые будут целенаправленно обнаруживаться, изыматься и исследоваться при расследовании преступлений. Эту информацию уже в качестве следов будет целенаправленно искать, изымать и исследовать следователь.

И касается это не только следов материальных, но и следов идеальных, виртуальных и других, существование которых в настоящее время автор данной статьи даже не может себе представить.

¹ Здесь и далее цитаты из работ отдельных ученых (если иное не оговорено) приводятся по работе: *Сокол В. Ю.* Кризис отечественной криминалистики. Краснодар, 2017.

² Там же. С. 21.

³ Там же. С. 22–23.

⁴ Там же.

⁵ URL: <http://wikisimple.ru/krizis/>

⁶ Об этом, в частности, свидетельствуют многочисленные публикации последних лет (в том числе и монографического характера), посвященные разработке методик расследования ранее не встречавшихся на практике видов и разновидностей преступлений. См., например, хотя бы, опубликованные в текущем году лишь одним издательством «Юрлитинформ» работы: *Боровских Р. Н.* Криминалистическая характеристика и принципы расследования преступлений в сфере страхования; *Ломшин А. М.* Методики расследования преступлений, создающих препятствия малому и среднему бизнесу; *Перов В. А.* Выявление, квалификация и организация расследования преступлений, совершенных с использованием криптовалюты; и др.

⁷ К примеру, из десяти членов кафедры криминалистики Воронежского государственного университета такой опыт имеют два преподавателя; убежден, что примерно подобное соотношение в принципе сохраняется и в других юридических вузах, входящих в систему Минобразования.

⁸ О некоторых актуальных проблемах преподавания криминалистики в современных условиях см.: *Комаров И. М.* Криминалистическая дидактика: прошлое, современное состояние и перспективы развития // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2017. № 4 (33).

⁹ *Лем С.* Рассказы о пилоте Пирксе. Фиаско. М., 2003.

¹⁰ Неслучайно то, что практически все периодические издания, специализирующиеся на проблемах криминалистики, непременно содержат и «чисто» уголовно-процессуальные разделы. См., напр.: «Библиотека криминалиста. Научный журнал», «Воронежские криминалистические чтения» и др.

- ¹¹ Сокол В. Ю. Указ. соч. С. 23.
- ¹² Ретроспектива определений предмета криминалистики и его сущности подробно приведена в работах Р. С. Белкина; использована она и в статье М. В. Жижиной и Е. П. Ищенко «История развития и современные представления об объекте и предмете криминалистики», и в ряде других статей, опубликованных в издании «Библиотека криминалиста. Научный журнал» (В. Н. Карагодина, А. М. Кустова, В. Ю. Шепитько и др.). См. также: *Эксархопуло А. А.* Криминалистика : проблемы теории. Уфа, 2017.
- ¹³ *Васильев А. Н.* Следственная тактика. М., 1976. С. 79.
- ¹⁴ *Белкин Р. С.* Курс криминалистики : в 3 т. Т. 1. М., 1997. С. 112.
- ¹⁵ *Баев О. Я.* Самоидентификация современной криминалистики (объект, предмет и субъектная система современной науки криминалистики) // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. Вып. 4 (5).
- ¹⁶ См.: *Сокол В. Ю.* Указ. соч. С. 202–224.
- ¹⁷ См., напр.: *Котов Д. П., Шиханцов Г. Г.* Психология следователя. Воронеж, 1976.
- ¹⁸ См., напр.: *Антонян Ю. М.* Психология преступника и расследования преступлений. М., 1996; *Чуфарский Ю. В.* Психология оперативно-розыскной и следственной деятельности. М., 2006.
- ¹⁹ Хотелось бы напомнить и В. Ю. Соколу, и другим ученым, придерживающимся позиции о «порочности» общей теории криминалистики Р. С. Белкина, о «ее несоответствии нуждам современной криминалистической практики», слова К. Бальмонта, которыми он в начале XX в. пытался урезонить футуристов, призывавших «сбросить Пушкина с корабля современности»: «Тише, тише совлекайте с древних идолов одежды / Слишком долго вы молились, не забудьте прошлый свет»...
- ²⁰ Об этом подробнее см.: *Торвальд Ю.* Криминалистика сегодня. Развитие судебной серологии. М., 1980; *Шамонова Т. Н.* Следы крови человека в криминалистическом учении о следах // Электронный каталог библиотеки юридического факультета СПбГУ.
- ²¹ См.: *Мещеряков В. А.* Преступления в сфере компьютерной информации. Воронеж, 2002. С. 102.
- ²² В настоящее время практически невозможно встретить ни одного уголовного дела как минимум о насильственных преступлениях, по которому не производился бы анализ биллинга сотовых телефонов его фигурантов.
- ²³ См., напр.: *Кукарникова Т. Э., Яковлев А. Н.* О возможности непроцессуального отождествления личности средствами новых информационных технологий // Воронежские криминалистические чтения. 2014. Вып. 16.
- ²⁴ См., напр.: *Мещеряков В. А., Яковлев А. Н.* «Электронная» составляющая осмотра места происшествия // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2015. Вып. 5 (22).
- ²⁵ Заметим в этой связи, что весьма перспективной нам представляется высказываемая отдельными учеными мысль о целесообразности создания «цифровой» криминалистики, всецело посвященной средствам и методам выявления и исследования следов этого вида. См.: *Мещеряков В. А.* Цифровая криминалистика // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. Вып. 4 (15).

Воронежский государственный университет

Баев О. Я., доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры криминалистики,
заслуженный деятель науки Российской
Федерации

E-mail: baev@law.vsu.ru
Тел.: 8 (473) 220-85-14

Voronezh State University

Baev O. Ya., Doctor of Legal Sciences, Professor,
Professor of the Criminalistics Department,
Honoured Science Worker
of Russian Federation

E-mail: baev@law.vsu.ru
Tel.: 8 (473) 220-85-14

М. В. Горский

Воронежский государственный университет

ПОСЛЕДНИЙ РАЗ О ПОНЯТИИ «СЛЕДСТВЕННЫХ ХИТРОСТЕЙ»

А н н о т а ц и я: в статье рассматриваются проблемы допустимости психологического воздействия на личность в уголовном судопроизводстве и допустимость применения «следственных хитростей» и «психологических ловушек». Автор предлагает именовать данные тактические приемы новым термином – стратегемы.

К л ю ч е в ы е с л о в а: психологическое воздействие, убеждение, принуждение, насилие, тактический прием, «следственные хитрости», «психологические ловушки», стратегемы, криминалистическая тактика.

THE LAST TIME ABOUT THE CONCEPT OF «INVESTIGATIVE RUSES»

A b s t r a c t: the article deals with the problems of the admissibility of psychological influence on the person in criminal proceedings and the admissibility of the use of «investigative ruses» and «psychological traps». The author proposes to name these tactics a new term – strategems.

Key words: psychological influence, convincing, coercion, violence, tactical technique, «investigative ruses», «psychological traps», strategems, criminalistic tactics.

Поступила в редакцию 28 сентября 2017 г.

Проблема поиска оптимальных средств расследования является наиболее актуальной в криминалистической тактике. Об этом свидетельствует большое количество научных работ, опубликованных в последние годы. Особое внимание уделяется таким вопросам, как понятие и признаки тактических приемов, критерии их допустимости, классификации тактических приемов¹. Наибольшие разногласия вызывает допустимость психологического воздействия (особенно насилия) на личность и допустимость применения тактических приемов, именуемых условно «следственными хитростями» и «психологическими ловушками». Останемся на этих проблемах подробнее.

В последнее время на страницах юридической печати стали публиковаться научные работы, в которых высказываются диаметрально противоположные мнения относительно понимания психологического принуждения. Так, например, в некоторых статьях психологическое принуждение совершенно бесосновательно относят к неправомерным способам воздействия. В. А. Бекетов и С. Л. Никонович отмечают, что «правоприменитель должен четко представлять себе ту грань, которая отделяет правомерные формы воздействия на личность в процессе раскрытия и расследования преступлений, от форм неправомерного воздействия, в частности – от физического и психического принуждения либо насилия»². При этом они смешивают между собой все

© Горский М. В., 2018

эти понятия. А. Г. Бедризов голословно указывает, что «однозначно мнение ученых о том, что недопустимо использовать психологическое принуждение, – метод, противоположный убеждению, выступающий ничем иным, как “психологическим насилием” над личностью»³. С данным мнением сложно согласиться, поскольку в науке высказываются и другие мнения.

В. Ю. Шепитько, отмечая важность разграничения понятий воздействия и насилия⁴, указывает, что воздействие отличается от последнего своей позитивной направленностью, характеризуется свободой выбора той или иной позиции и не содержит в своем составе элементов принуждения⁵.

По нашему мнению, с психологической и этической точек зрения следует разделять все три понятия: воздействие, принуждение и насилие. Воздействие является более общим, родовым понятием. К допустимым формам воздействия следует отнести убеждение, принуждение, основанное на нормах закона и морали, и внушение. Насилие – это негативная форма принуждения. О. Я. Баев отмечает, что «сущность метода принуждения противоположна убеждению. Она состоит в том, что стоящая перед воздействием цель (единая, как сказано, и для убеждения, и для принуждения) достигается (или делается попытка ее достижения) помимо свободного и осознанного желания допрашиваемого лица. Именно этот признак является наиболее существенным, отличающим принуждение от убеждения при допросе в конфликтной ситуации»⁶. Убеждение и принуждение широко применяются и в педагогике. Говоря о нравственном воспитании в уголовном судопроизводстве, Г. Ф. Горский, Л. Д. Кокорев, Д. П. Котов отмечали, что из выработанных педагогической наукой методов могут применяться убеждение,

приучение, поощрение, принуждение, а также такие способы и приемы воздействия, как пример и доверие⁷.

В этой связи достаточно любопытными представляются работы, в которых высказывается противоположное мнение о допустимости применения насилия при осуществлении производства по уголовному делу. В частности, А. Р. Белкин отмечает: «Чем иным, как не насилием над личностью, может считаться применение любой меры пресечения, вплоть до заключения под стражу, задержание, привод, принудительное освидетельствование или получение образцов крови для сравнительного исследования?»⁸ Далее автор указывает на возможные по закону формы психологического насилия (например, понуждение к даче показаний путем сообщения об ответственности за отказ давать показания).

Но по нашему мнению, в данной научной статье также смешиваются понятия насилия и принуждения (в том числе и государственного принуждения). Из общей теории государства и права всем хорошо известно, что принуждение является необходимым признаком, свойством государства, поскольку на него возложено выполнение главной задачи: защиты прав и законных интересов граждан. Система мер государственного принуждения в области уголовного судопроизводства обладает наиболее «грозной» спецификой по сравнению с иными ее видами, поскольку уголовно-процессуальные отношения возникли из-за совершенного преступления. Именно поэтому правом применять такие меры обладают только специально уполномоченные должностные лица соответствующих государственных органов в четко определенных законом случаях. А те меры государственного принуждения, которые связаны с ограничением кон-

ституционных прав граждан, возможно применять только по решению суда.

Также отметим, что допущение существования законных форм насилия в уголовном судопроизводстве, о которых говорит А. Р. Белкин, на наш взгляд, не улучшит и без того тяжелую ситуацию, связанную с применением незаконных методов и средств получения признавательных показаний, которая сложилась в настоящее время⁹.

Говоря о второй проблеме – допустимости применения тактических приемов, именуемых условно «следственными хитростями» и «психологическими ловушками», хотелось бы отметить следующее. Данная дискуссия ведется на протяжении более пятидесяти лет, приобретая все новых сторонников и противников применения данных тактических средств воздействия. Но если по поводу применения таких средств, как ложь, обман, игра на низменных свойствах и страстях, использование невежества, суеверия и предрассудков и т. п., большинство ученых выступает против их применения, то почему же относительно «следственных хитростей» высказываются разные точки зрения? По нашему мнению, причина разногласий кроется в неоднозначном понимании самого термина «хитрость».

Как отмечал Р. С. Белкин, «сейчас трудно сказать, кто первым употребил в нашей литературе термины “следственная хитрость” и “психологические ловушки”, но уже в 1964 г. во время дискуссии по некоторым проблемам криминалистической тактики И. Д. Перлов возражал против термина “следственная хитрость” и говорил, что допрос нужно вести “умно, а не хитро”»¹⁰. Один из ярых противников применения данной группы тактических приемов М. С. Строгович писал: «Солгать можно прямо, словами, а можно это же сделать более сложным спосо-

бом, – таким образом, что слова и предложения сами по себе ложными не являются, но они так построены и даны в таком контексте, сказаны таким тоном и с такой мимикой, что тот, кому они высказаны, ложь примет за правду, а правду за ложь. А это есть обман, ложь, которая от того, что она подана в особо хитроумной форме, не делается допустимой; наоборот, она приобретает особо нетерпимый, незаконный и аморальный характер. И вообще вся концепция “следственных хитростей” и “психологических ловушек” самым решительным образом противоречит принципам и задачам советского уголовного судопроизводства»¹¹.

Г. Ф. Горский и Д. П. Котов отмечали, что не следует под хитростью понимать обман и ложь, которые наносят невосполнимый ущерб следствию, подрывают авторитет правоохранительных органов, сводят на нет их воспитательное воздействие¹². Действительно, какое моральное право порицать поступки лица, совершившего, например, хищение путем обмана (мошенничество), будет иметь следователь и суд, если в ходе производства по делу применялись приемы, основанные на обмане и лжи? Под «хитростью» Г. Ф. Горский, Д. П. Котов понимают изобретательность, высокое умение следователя в оценке и использовании (маневрировании) информацией. Здесь хотелось бы отметить, что, по нашему мнению, не следует считать обманом сокрытие, утаивание следователем информации о ходе расследования, поскольку тайна предварительного расследования гарантируется законом¹³.

Такая противоположность мнений возникла из-за того, что в русском языке слова «хитрость», «хитрый» употребляются в разных значениях – как в положительном, так и отрицательном плане. Так, в Толковом словаре русско-

го языка В. И. Даля «хитрый» упоминается в двух значениях: 1) искусный, мудреный, изобретательный, замысловатый, затейливый; 2) злостный, лукавый, коварный. «Хитрость» тоже понимается в нескольких значениях: 1) ремесло, мастерство, умение, искусство, художество; 2) умственная ловкость, изворотливость, тонкость и острота соображений, умение достигать своей цели, нередко обманом; 3) лукавство, коварство¹⁴. В Толковом словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой слово «хитрый» тоже упоминается в нескольких значениях, причем на первом месте стоят негативные значения этого слова: 1) изворотливый, скрывающий свои истинные намерения, идущий обманными путями; 2) лукавый, обнаруживающий какой-нибудь скрытый умысел, намерение; 3) изобретательный, искусный в чем-нибудь; 4) замысловатый, мудреный¹⁵.

Но почему же, понимая всю эту неоднозначность значения слова «хитрость», отмечая неудачность терминов «следственные хитрости» и «психологические ловушки» (условность употребления данных понятий подтверждает их написание в кавычках), криминалисты продолжают их использовать при обсуждении проблем криминалистической тактики? По нашему мнению, ученым пока не удалось придумать удачное наименование, которое бы исключало негативную составляющую смыслового значения термина и которое получило бы всеобщее распространение.

Попытки предложить более удачный термин были еще в первые годы данной научной дискуссии. Так, в 1974 г. Р. С. Белкин в учебнике «Криминалистика» употребил термин «тактическая комбинация» для обозначения тех тактических приемов допроса, которые именовались «психологическими ловушками»

или «следственными хитростями». Но чуть позже (в этом же году¹⁶) под влиянием идей А. В. Дулова о «тактических операциях» Р. С. Белкин расширил понятие тактической комбинации, включив в него сочетание не только тактических приемов, но и следственных действий¹⁷. Поэтому термин «тактическая комбинация» так и не смог заменить понятие «следственные хитрости», а в большинстве работ по криминалистической тактике термины «тактическая операция» и «тактическая комбинация» стали употребляться как синонимы.

Для обозначения данной группы тактических приемов предлагались и другие названия: и психологические реагенты¹⁸, и психологические (эмоциональные) эксперименты, и просто психологические приемы, и др. Но данные слова оказались неудачными, запутывающими. Как правильно отмечает А. Г. Филиппов, «мы в принципе не против любого термина – лишь бы было понятно, о чем идет речь. Но термин “психологический реагент” (в свое время проф. А. Р. Ратинов заметил, что он заимствован из химии, видимо, потому, что в юриспруденции подходящего слова не нашлось) как раз и непонятен. Он не отражает сущности приема, запутывает читателя»¹⁹.

Действительно, в юридической науке не нашлось подходящего термина для определения данной группы тактических приемов, так как криминалистика – достаточно специфическая юридическая наука. Не подошли и термины из психологии, так как тактические приемы основаны не только на психологических закономерностях. Поэтому, по нашему мнению, искать подходящий термин следует в «тактических» науках, а именно в военной тактике, поскольку криминалистика заимствовала наименование раздела «тактика» именно из военной науки.

В военной тактике для обозначения различных «военных хитростей» с античных времен используется термин «стратегемы».

Слово «стратегема» греческого происхождения, его можно встретить во многих работах по военной тактике и стратегии, начиная с античного периода. Но первое самостоятельное произведение, посвященное стратегемам, дошедшее до наших дней, написал римский общественный и политический деятель, полководец, писатель Секст Юлий Фронтин (приблизительно 40–103 гг. н. э.). «Многочисленные войны греков, римлян и других народов древнего мира породили военную науку, в рамках которой разрабатывались различные вопросы стратегии, тактики, военной психологии и т. п. К концу I в. н. э. многие римляне изучали военное дело, ведь большинство государственных деятелей занимало и военные должности. Среди них оказался и сам Фронтин, очень тщательно изучивший военное дело. Однако его внимание привлекли не стратегия, т. е. правильно замысленная и обдуманная операция, а военные хитрости – стратегемы, т. е. то, что приходит на ум уже в ходе самой кампании»²⁰.

Его труд «Стратегемы» (Strategemata) по своей сути представляет научно-практическое пособие для полководцев по применению военных хитростей в тех или иных условиях. Сам Секст Фронтин обращает внимание читателей, что его заслуга заключается не в том, что он придумал все эти стратегемы, а в том, что он проработал большое количество источников по военной тактике и стратегии, выбрал из них именно военные хитрости, систематизировал их для удобства применения. Сам автор указывает в предисловии к книге: «Мы усердно приложим старания к тому, чтобы по требова-

нию момента нужный материал оказался под рукой. Обозрев все виды военных хитростей, я составил как бы план распределения их по типам. А чтобы изложение было возможно более четким применительно к разнообразию фактов, я их распределил по трем книгам. В первой будут даны примеры, подходящие к тому моменту, когда сражение еще не завязалось, во второй – примеры, относящиеся к сражению и достигнутому в результате миру; третья книга будет содержать *στρατηγήματα* (греч. – стратегемы), при наложении и снятии осады. Затем я к каждому роду фактов отнес соответствующие виды»²¹. К слову сказать, все это напоминает подготовительный, рабочий и заключительный этап криминалистической тактики.

Секст Фронтин дает четкое определение стратегемам – искусные деяния (в некоторых переводах – ловкость) полководцев, которые греки охватывают одним названием – *στρατηγήματα*. Цель своей работы он видел в том, что полководцы получают в свое распоряжение **образцы** продуманности и прозорливости, которыми будет питаться их собственная способность самим придумывать и создавать подобные военные планы; кроме того, сравнение с уже проверенным опытом позволит не бояться последствий новых замыслов²².

Анализ приведенных Фронтинем стратегем, которых в работе насчитывается около четырехсот, позволяет сделать вывод о том, что многие из них основаны не только на чисто тактических знаниях, но и на знаниях о психологии, рефлексии, педагогике, этике, анализе и использовании информации и др. (например, стратегемы, позволяющие добиться таких задач: как скрыть свои планы; как выбраться из самых трудных позиций; как сдержать несвоевременный

порыв к битве; как рассеять страх, внушенный солдатам неблагоприятными предзнаменованиями; как скрыть свои неудачи; о неожиданном штурме; как ворваться с той стороны, откуда вас не ждут и др.).

О стратегемах в военной науке писали и другие. Свой труд, состоящий из восьми томов, посвятил стратегемам такой грекоязычный ученый, как Полиэн, живший в Риме во II в. н. э.²³ Не угасал интерес к этой теме и в Средние века, а книга Фронтинна многократно переиздавалась на различных языках.

С учетом вышеизложенного хотелось бы отметить, что термин «стратегемы» вполне уместно применить и в кри-

миналистической тактике для обозначения так называемых «следственных хитростей» и «психологических ловушек». Уж если ученые-криминалисты заимствовали наименование целого раздела из военных наук, то совершенно логичным является использование понятийного аппарата данной отрасли научного знания.

Использование термина *криминалистические стратегемы* исключит негативное понимание данной группы тактических приемов (как некоего лукавства, коварства и т. п.) и сосредоточит внимание ученых на допустимости конкретных стратегем и условий их применения в конкретных следственных ситуациях.

¹ См., напр.: *Князьков А. С.* Концептуальные положения тактического приема. Томск, 2012. 190 с.; *Его же.* Классификации тактических приемов как «проблемное поле» криминалистической тактики // Вестник Томск. гос. ун-та. Сер.: Право. 2012. № 3 (5). С. 39–57.

² *Бекетов В. А., Никонович С. Л.* Критерии разграничения «завуалированных видов» психологического принуждения с тактическими приемами при допросе // Таврический научный обозреватель. 2016. № 3 (8). С. 78.

³ *Бедризов А. Г.* Проблемы допустимости тактических приемов, используемых при допросе свидетелей // Вестник Балт. федер. ун-та им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2014. № 9. С. 124.

⁴ К сожалению, в статье не раскрывается отличие насилия от принуждения.

⁵ См.: *Шепитько В. Ю.* Воздействие в уголовном судопроизводстве: проблема правомерности и допустимости // Воронежские криминалистические чтения. 2013. Вып. 15. С. 329.

⁶ *Баев О. Я.* Тактика следственных действий: учеб. пособие. Воронеж, 2012. С. 270.

⁷ См.: *Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Котов Д. П.* Судебная этика: некоторые проблемы нравственных начал советского уголовного процесса. Воронеж, 1973. С. 190.

⁸ *Белкин А. Р.* Допустимость насилия в уголовном судопроизводстве России // Криминалист первопечатный. 2012. № 5. С. 53.

⁹ Конкретные социологические данные о применении незаконных методов принуждения к даче показаний см.: *Баев О. Я.* Методические основы и типовые программы расследования принуждения к даче показаний: науч.-практ. пособие. М., 2013. С. 6; *Шепитько В. Ю.* Допустимость психологического воздействия в следственной деятельности и средства криминалистической тактики // Воронежские криминалистические чтения. 2010. Вып. 12. С. 370.

¹⁰ *Белкин Р. С.* Курс криминалистики: в 3 т. Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. М., 1997. С. 203.

¹¹ Проблемы судебной этики / под ред. М. С. Строговича. М. 1974. С. 20.

¹² См.: *Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Котов Д. П.* Указ. соч. С. 100.

¹³ Подробнее об этом см.: Горский М. В. О вкладе профессора Г. Ф. Горского в становление и развитие науки судебная этика // Проблемы предупреждения и расследования преступлений : прошлое и настоящее. Профессору Геннадию Федоровичу Горскому посвящается / под ред. В. А. Панюшкина. Воронеж, 2014. С. 599–605.

¹⁴ См.: Даль В. И. Толковый словарь русского языка : иллюстрированное издание. М., 2016. С. 829.

¹⁵ См.: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1995. С. 850.

¹⁶ См.: Белкин Р. С. Проблемы определения последовательности следственных действий // Проблемы совершенствования следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий в аспекте ликвидации преступности в СССР. Алма-Ата. 1974. С. 16.

¹⁷ См.: Белкин Р. С. Курс криминалистики : в 3 т. Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. С. 203.

¹⁸ О термине «психологический реагент» см., напр.: Образцов В. А., Богомолова С. Н. Криминалистическая психология : методы, рекомендации, практика раскрытия преступлений. М., 2002. 446 с.

¹⁹ Филиппов А. Г. Заметки на полях (о термине «психологический реагент» в статье Ю. Г. Журавлева) // Вестник криминалистики / отв. ред. А. Г. Филиппов. Вып. 2 (30). М., 2009. С. 61.

²⁰ Новиков А. А. Секст Юлий Фронтин : эпоха, жизнь, идеи // Фронтин Секст Юлий. Военные хитрости : стратегемы. СПб., 1996. С. 14.

²¹ Фронтин Секст Юлий. Военные хитрости : стратегемы. СПб., 1996. С. 27.

²² См.: Там же. С. 26.

²³ Полиэн. Стратегемы / пер. с греч. под общ. ред. А. К. Нефедкина. СПб., 2002. 608 с.

Воронежский государственный университет

Горский М. В., кандидат юридических наук,
доцент кафедры криминалистики

E-mail: law-max-vsu@mail.ru

Тел.: 8 (473) 220-85-14

Voronezh State University

Gorsky M. V., Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Criminalistics Department

E-mail: law-max-vsu@mail.ru

Tel.: 8 (473) 220-85-14

О РОССИЙСКОЙ АНТИКРИМИНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ И ЕЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ

Аннотация: в статье анализируется современное состояние преступности в РФ, в том числе организованной и транснациональной, проводится мысль о необходимости разработки антикриминальной государственной политики объединенными усилиями представителей наук уголовного права, уголовного процесса, криминалистики и др. Заострено внимание на тех вопросах, которые должна решать криминалистическая политика, создание и развитие которой крайне актуально.

Ключевые слова: организованная, транснациональная преступность, борьба с ней; политическая воля; антикриминальная, уголовно-правовая, уголовно-процессуальная, криминалистическая политика; назревшие проблемы.

ON RUSSIAN ANTI-CRIMINAL POLICY AND ITS CRIMINALISTIC COMPONENTS

Abstract: the article analyzes the current state of crime in the Russian Federation, including organized and transnational, the idea of the need to develop an anti-criminal state policy by the combined efforts of representatives of the sciences of criminal law, criminal procedure, criminalistics, etc. is emphasized. on those issues that must be addressed by forensic policy, the creation and development of which is extremely important.

Key words: organized, transnational crime, combating it; political will; anti-criminal, criminal-legal, criminal-procedural, forensic policy; urgent problems.

Поступила в редакцию 20 сентября 2017 г.

С началом проведения социально-правовых реформ Российская Федерация вошла в новую фазу государственного развития, которая характеризуется ростом и усложнением структуры преступности, понижением уровня жизни малоимущих граждан, деформацией нравственных ценностей вплоть до их полной утраты. И, вопреки этому, в России до сих пор не выработаны на государственном уровне стратегия и тактика борьбы с преступностью (антикриминальная политика), не сформулированы цели, задачи и средства активного противодействия

распространению новых общественно опасных явлений, не сформированы оптимальные подходы к правоприменительной практике, продолжает оставаться крайне нестабильным и внутренне противоречивым действующее уголовное и уголовно-процессуальное законодательство.

Кроме того, в целом ряде российских регионов вполне очевидно сращивание представителей местной власти, правоохранительных органов и организованного криминалитета. За годы реформирования экономики организованная преступность проникла в живой организм российского общества, превратилась в

разветвленную систему, подчинившую себе многие важные сферы его жизнедеятельности. Организованная преступность постепенно, исподволь стала неотъемлемой, привычной и неизбежной частью современного российского общества. Произошло размывание границ нравственного, законного и аморального, незаконного, криминального¹.

Еще в самый разгар реформ А. Я. Сухарев, А. И. Алексеев и М. П. Журавлев констатировали, что «нынешняя криминальная ситуация в России – качественно новый феномен как по масштабам преступных проявлений, так и по степени их разрушительного влияния на жизнедеятельность общества, права и свободы граждан», акцентировали внимание на том, что «усиливается организованность, профессионализм, вооруженность, техническая оснащенность преступности, она приобретает более дерзкие, изощренные формы. Повседневной реальностью стали убийства по найму, захват заложников, террористические акты, бандитские нападения, взрывы, поджоги и другие, наиболее опасные криминальные проявления». И далее: «Сложившееся неудовлетворительное состояние борьбы с преступностью может привести страну к необратимым разрушительным последствиям... Преступность стала реальной угрозой национальной безопасности России и справедливо оценивается общественным мнением как одна из острейших проблем жизни страны»².

Их обеспокоенность складывающейся криминальной ситуацией была обоснованной. Ведь еще в конце 1980-х гг. в СССР, а позднее в Российской Федерации тенденция консолидации национальной организованной преступности с международной стала для правоохранительных органов вполне очевидной. Этот опасный процесс породил новые формы криминальной активности, сформировал

российскую ветвь транснациональной преступности. Последняя угрожает нормальному социально-экономическому развитию России не только потому, что масштабы ее алчных поползновений постоянно растут.

Транснациональная преступность характеризуется большим разнообразием своих проявлений, имеет стратегической целью не только гарантированное удовлетворение корыстных интересов и стабильное получение финансовой прибыли. Она старается влиять на политические, социальные и экономические процессы, происходящие в российском обществе, действуя незаконными или полузаконными методами, активно использует различия в законодательстве разных государств.

Транснациональная преступность реализует свою криминальную активность с использованием различных коррупционных средств, а также актов насилия и запугивания своих противников. Этим занимаются организованные транснациональные структуры, использующие механизмы межгосударственной торговли и современных средств телекоммуникации. Транснациональная криминальная деятельность постоянно видоизменяется и совершенствуется, так как использует последние достижения науки и техники, новые информационные технологии, процессы глобализации и миграции из наиболее нестабильных и опасных регионов земного шара, а то и руководит ими.

Криминальную деятельность можно считать транснациональной тогда, когда она включает в себя незаконные операции, направленные на перемещение через государственные границы как материальных, так и нематериальных объектов. Под транснациональными деликтами предложено понимать охваченные единым преступным умыслом уголовно наказуемые деяния различной криминальной ориентации, совершаемые с

целью реализации преступных намерений на территории двух или более государств.

Транснациональная криминальная деятельность уже активно осуществляется в киберпространстве – в социотехнической системе Интернет, включающей блоки информации, охраняемые законодательством разных государств и могущие быть использованными в качестве объектов дистанционного совершения самых различных преступных посягательств³.

Транснациональный преступный бизнес весьма разнообразен: терроризм, наркотрафик, контрабанда и сбыт оружия, незаконные промыслы и контрабандные поставки товаров за границу (древесины, ценных пород рыбы, редкоземельных и цветных металлов, сырья, энергоносителей), торговля людьми и краденными автомобилями, перекачка валютных средств за границу, легализация доходов, добытых преступным путем, и их инвестиции в недвижимость, легальный бизнес и др.

В 1995 г. на IX Конгрессе ООН по предотвращению преступлений и обращению с правонарушителями была представлена такая классификация транснациональных преступлений: 1) отмывание денег, 2) терроризм, 3) кража произведений искусства и предметов культуры, 4) кража интеллектуальной собственности, 5) незаконная торговля оружием, 6) угон самолетов, 7) морское пиратство, 8) захват наземного транспорта, 9) мошенничество со страховкой, 10) компьютерная преступность, 11) экологическая преступность, 12) торговля людьми, 13) торговля человеческими органами, 14) незаконная торговля наркотиками, 15) ложное банкротство, 16) проникновение в легальный бизнес, 17) коррупция и подкуп общественных и партийных деятелей, выборных лиц. Транснациональ-

ными могут быть и другие преступления, например, нарушение авторских и смежных прав в киберпространстве.

Российская Федерация предприняла некоторые, к сожалению, явно недостаточные меры для повышения общего профессионального уровня отправления уголовного судопроизводства, систем правоохранительных органов и систем по оказанию помощи потерпевшим посредством таких мер, как подготовка кадров, выделение ресурсов, заключение соглашений с другими государствами об оказании технической помощи и содействия вовлечению всех элементов своего общества в деятельность по борьбе с транснациональной преступностью и ее предупреждению⁴.

С учетом вышеизложенного российская антикриминальная политика должна охватывать все направления и стороны борьбы с обычной и транснациональной преступностью. Нынешнее состояние этой борьбы оставляет желать много лучшего. Антикриминальная политика не может быть всесторонне изучена и сформирована усилиями представителей какой-то одной науки криминального цикла, традиционно – уголовного права. Ведь еще в 1970 г. А. А. Герцензон отмечал, что уголовная политика реализуется в процессе применения на практике как специальных мер (криминалистических, уголовно-правовых, уголовно-процессуальных, исправительно-трудовых, криминологических), так и мер социального характера (экономических, идеологических и т. д.)⁵. И спустя почти полвека его мысль звучит очень злободневно.

Совершенно прав был и В. Н. Кудрявцев, полагая, что глубокое изучение проблем уголовной политики невозможно без широкого междисциплинарного подхода; оно может быть успешным только при сотрудничестве ученых различных специальностей. И хотя мысль

эту он высказал почти 40 лет назад, она отнюдь не потеряла своей актуальности, скорее, наоборот⁶.

Если традиционно применяемый термин «уголовная политика» понимать буквально, то следует признать, что это политика, направленная в первую очередь против уголовников – людей, совершающих тяжкие и особо опасные преступления. Как сегодня обстоят дела на этом важном направлении реализации государственно-властных полномочий? Ю. В. Голик констатирует: «Сегодня уголовная политика как целенаправленная деятельность государства по обузданию преступности отсутствует. Не надо подыскивать слова и говорить, что она “плохо выражена”, “не отчетливо обозначена” и т. п. Ее просто нет. Есть конвульсивные дергания на отдельные указания “сверху” и не более того. Это привело к печальным последствиям. По сути дела мы являемся свидетелями того, как на наших глазах умерщвляется уголовное право. Причем это умерщвление происходит при полном попустительстве и даже при активном участии властей»⁷.

В литературе справедливо указывается, что в настоящее время государственная политика борьбы с преступностью не отвечает состоянию и тенденциям развития последней. Тенденции современной российской преступности настолько неблагоприятны, что она создает реальную угрозу национальной безопасности страны⁸, а кризис уголовной политики достиг такой глубины, что она постепенно теряет способность по-настоящему выполнять свое общественное предназначение, свою основную роль в рамках актуальной социальной политики государства⁹.

Однако «решение практических задач по декриминализации жизни общества требует, прежде всего, политической воли, которая должна сформироваться, окрепнуть и проявить себя в высших

эшелонах власти»¹⁰. С. С. Босхолов тоже констатирует, что «успех в противодействии организованной преступности возможен только при наличии политической воли высшего руководства страны»¹¹. И В. Е. Эминов считает, что «главная задача – убедить руководство страны осуществлять борьбу с организованной преступностью не иначе, как на уровне общенационального проекта с соответствующим организационным, социально-правовым и социально-экономическим обеспечением»¹².

Такое единодушие во взглядах отнюдь не случайно. Нельзя не согласиться с мнением, что «парадокс общественных отношений заключается в том, что политики в ажиотаже, вызванном политическими амбициями, не видят (и не хотят видеть), что стимулируют преступность...». И далее: «Мы поставили в причинной цепи преступности политические интересы и конфликты (отношения) на второе место, однако нередко именно они определяют и экономические, и социальные отношения: их негативные стороны, влияющие на преступность, в ряде случаев являются первичными»¹³.

В литературе верно акцентировано, что нынешний кризис российской антикриминальной политики имеет сложную природу, включающую множество объективных и субъективных компонентов... Его причины, однако, «во многом определены преобладанием радикально-либерального подхода в проведении судебной реформы и последующих реформ уголовно-процессуального и уголовного законодательства»¹⁴.

Антикриминальная политика Российской Федерации, которую должно формировать и проводить высшее руководство страны, обуславливается внутренним и международным законодательством, а также состоянием и тенденциями развития преступности. Странные метаморфо-

зы уголовной статистики, показывающей, когда это очень нужно властям, что преступность снижается, объективного исследователя в заблуждение не введут, ибо нынешняя уголовная политика направлена скорее не против российского организованного криминалитета, а за его антиобщественные интересы. Имеется в виду, конечно же, не насильственная преступность, а экономическая, обирающая население страны с помощью «вполне законных» тарифов, расценок, сборов, пошлин, розничных цен¹⁵.

На этом общем фоне более чем странной (или закономерной?) представляется ликвидация федеральной и региональной служб по борьбе с организованной преступностью. «Есть основания предполагать, что и эта акция носила заказной характер, в которой принимали участие не только коррумпированные чиновники из высшей политической и экономической элиты, но и видные авторитеты криминального мира. Трудно найти в истории современной России более показательный пример сращивания власти с организованной преступностью»¹⁶.

Все вышеизложенное и побудило посмотреть на современную уголовную (к сожалению, пока еще не антикриминальную) политику глазами криминалиста – функционера прикладной юридической науки, гораздо меньше других наук криминального цикла лезущей в дебри научной и псевдонаучной схоластики. Если очень многие представители уголовного и уголовно-процессуального права, криминологии не считают себя даже косвенными участниками борьбы с преступностью, то криминалисты в своем абсолютном большинстве ощущают себя стоящими на ее переднем крае. Поскольку предмет криминологии, как, впрочем, и вышепоименованных наук, охватывает преступность, криминалисты не могут оставаться равнодушными к ее сегодняшнему

состоянию и завтрашним отнюдь не радужным перспективам¹⁷.

Представляется небезупречной позиция, согласно которой «уголовная политика – это комплекс различных мероприятий, основных направлений, средств и форм воздействия на преступность посредством властных полномочий государства, закрепленных, прежде всего, уголовным, уголовно-процессуальным и уголовно-исполнительным законодательством, т. е. отраслями законодательства, сущностью которых является кара или угроза ее применения. Таким образом, одним из основных инструментов воздействия общества на преступность традиционно считается уголовное наказание как наиболее действенный инструмент принуждения личности к правомерному поведению»¹⁸.

Видится неполной и точка зрения В. Ю. Сокола, что уголовная политика представляет собой систему, состоящую из взаимосвязанных и относительно самостоятельных элементов: уголовно-правовой, уголовно-процессуальной, пенитенциарной, оперативно-розыскной, криминологической и криминологической политики. В то же время разработка криминологической стратегической проблематики позволит четче определить место, роль и значение криминологической составляющей в уголовной политике государства¹⁹.

Конечно, уголовно-правовая и уголовно-процессуальная составляющие антикриминальной политики обладают приоритетом по отношению к ее криминологической составляющей, ибо определяют круг преступных деяний, меры уголовно-правового воздействия за их совершение, порядок и условия привлечения к уголовной ответственности, другие общие вопросы. И тем не менее нельзя недооценивать специфические возможности криминологической по-

литики в деле повышения эффективности борьбы с преступностью. Поэтому назрела острая потребность в разработке теории криминалистической политики, которая нужна не только криминалистике, но прежде всего практике борьбы с преступностью²⁰. Очень правильная мысль! Однако возникает закономерный вопрос: как может наука, находящаяся, по мнению цитируемого автора, в столь плачевном состоянии, заниматься разработкой теоретических основ криминалистической политики?²¹

Мы полагаем, что антикриминальная политика, чтобы выполнять свою государственную функцию, должна складываться из таких составляющих, как уголовно-правовая политика, уголовно-процессуальная политика, криминологическая политика, криминалистическая политика, административно-правовая политика, оперативно-розыскная политика, судебная политика, уголовно-исполнительная политика. Все эти структурные составляющие должны быть тщательно проработаны и хорошо скоординированы между собой, а главное – четко направлены своим острием на обуздание преступности, минимизацию ее проявлений, максимальную защиту законопослушных граждан страны и организаций от преступных посягательств не только насильственного, но и экономического характера.

В литературе можно встретить такое определение криминалистической политики. «Криминалистическая политика – уголовная политика в сфере формирования взглядов на цели, приемы, способы и средства расследования (обнаружения, собирания, фиксации, исследования доказательств) и их реализации в деятельности органов раскрытия, расследования и суда в рамках действующего уголовно-процессуального законодательства»²².

Представляется несомненным, что криминалистическая политика должна

ориентировать правоохранительные органы страны на активное использование в повседневной работе современных научно-технических средств, тактических приемов и методических рекомендаций, а также специальных знаний, постоянное совершенствование следственной, экспертной и судебной деятельности. Приведенное же выше определение имеет слишком общий характер, не отражает ее сущность и не позволяет отграничить криминалистическую политику от уголовно-процессуальной политики. Оптимальное определение криминалистической политики еще ждет своего автора.

Криминалистический анализ действующего уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного законодательства, а также законов и подзаконных нормативных правовых актов, регулирующих криминологическую (профилактическую), оперативно-розыскную и криминалистическую деятельность, однозначно свидетельствует о том, что нужного единства, кооперации, сплоченности здесь нет и, похоже, не предвидится, как (в меньшей степени) и между правоохранительными ведомствами страны, реформирование которых продолжается, в частности, путем ликвидации ФСКН методом его «сливания» в МВД России. От комментариев воздержимся, чтобы не повторять те, которые приведены выше по поводу ликвидации УБОП.

Предпринимаемые попытки якобы совершенствования действующих УК, УПК и УИК РФ, как правовой основы борьбы с преступностью, оставляют впечатление довольно хаотических метаний из одной крайности в другую. Как тут не вспомнить высказывание одного из бывших руководителей ФСБ России, что законодательная деятельность может представлять угрозу национальной безопасности страны. Едва ли он ошибался, формулируя столь мрачный взгляд

на перманентную активность российских законодателей.

Если обрисовать создавшееся положение, применив системно-деятельностный подход, то приходится с горечью констатировать, что УК РФ после предпринятой законодательной правки окончательно потерял качество системности, стал коррупциогенным правовым актом. УПК РФ, претерпев великое множество поправок и дополнений, так и не стал соответствовать российским уголовным реалиям. Он, по своей сути, даже менее демократичен, чем УПК РСФСР (отказ от объективной истины, сделки о признании вины, досудебные соглашения о сотрудничестве, сокращенное производство и др.).

Не лучше положение и с другими нормативными актами. «С момента принятия УК и УИК РФ прошло всего 10 лет, но эти законы претерпели колоссальные изменения, особенно УК РФ. Причем многие нормы менялись в ту или иную сторону неоднократно, что не говорит в пользу наличия какой-либо продуманной, рассчитанной на многие годы политики в области борьбы с преступностью и обращения с правонарушителями. Балом правят ситуативность, исключительно низкая юридическая компетентность, корпоративность в продвижении и закреплении в законе узковедомственных или групповых интересов, нежелание многих депутатов Государственной Думы кропотливо работать над законопроектами»²³.

Как обоснованно считает Э. Ф. Побегайло, «гуманизм по отношению к преступнику в обязательном порядке должен сочетаться с эффективными мерами, направленными на защиту общества от преступных посягательств. Это приоритетная задача уголовной политики»²⁴. Выполняется ли она? Нет, как и многие другие.

С криминалистических позиций нельзя не поддержать точку зрения, согласно которой следует переосмыслить

некоторые аспекты доктрины прав и свобод человека и гражданина. «Необходимо перейти от доктрины индивидуализма и установления гарантий для отдельного индивида к доктрине приоритета обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, т. е. обеспечения прав большинства населения, всего Российского государства, без чего невозможно гарантировать права каждого отдельного человека. Только такой подход, реализованный на законодательном уровне и повсеместно внедренный в правоохранительную практику, позволит добиться позитивных сдвигов в сфере борьбы с преступностью»²⁵.

Такой подход резко противоречит традициям российской криминалистики, ориентировавшей правоохранительные органы на установление объективной истины в отечественном уголовном судопроизводстве. Поэтому налицо противоречие между реальными возможностями криминалистической деятельности и формами ее уголовно-процессуальной регламентации. Значит, необходимо их согласование путем устранения противоречий между уголовно-процессуальной и криминалистической политикой²⁶. Сделать это после «развода» криминалистики с уголовным процессом будет еще труднее.

Нельзя не отметить, что в постсоветский период уголовно-процессуальная политика резко сменила вектор своего развития. Вместо идеологически непримиримой борьбы с преступностью приоритеты нынешней уголовно-процессуальной политики сместились в сторону либерализации и гуманизации мер преодоления преступности. Произошло переключение внимания с форм и способов выявления, раскрытия, расследования преступлений и судебного разбирательства уголовных дел в целях защиты общества от преступных посягательств на

обеспечение прав главным образом лиц, их совершающих.

При этом замалчивается абсолютно абсурдная практика, когда многие сотни тысяч жертв нераскрытых краж, грабежей, разбоев, мошенничества и др. вообще не признаются потерпевшими и лишаются права на возмещение причиненного им вреда, не говоря уже о наказании преступников. Все это подталкивает к выводу, что большинство либеральных и псевдогуманных жестов российской власти осуществляется за счет грубого и безнаказанного попрания прав и законных интересов потерпевших (жертв). И это при том, что государство не выполнило своих гарантированных Конституцией обязанностей по обеспечению безопасности законопослушного гражданина, вследствие чего у потерпевшего возникает законное право требовать у государства восстановления нарушенного преступлением права, возмещения причиненного вреда и наказания виновного. Случайно ли, что в Конституции РФ защите прав лица, совершившего преступление, посвящено пять статей (47–50, 54), а потерпевшего – только одна ст. 52²⁷.

Особенность криминалистической политики как специального раздела антикриминальной политики в сфере борьбы с преступностью состоит в том, что она неразрывными узами связана с практикой и гораздо менее – с законотворчеством. Ее содержание составляют задачи и перспективы современной криминалистической, в том числе экспертной, деятельности, а также главные направления совершенствования, разработки, внедрения и практического использования арсенала криминалистических средств, приемов и методов раскрытия и расследования преступлений.

Заслуживает однозначной поддержки точка зрения, согласно которой «борьба с преступностью не только не следует

отменять, но ее надо наращивать, видоизменяя формы и методы такой борьбы. При этом термин “борьба” вовсе не означает, что ее формы и методы не могут быть гуманными... Никакого уровня социального контроля над преступностью в условиях глобализации не существует. Можно говорить только о последнем уровне, когда преступность начинает побеждать общество, которое не в состоянии с ней бороться. В этом случае криминальные элементы вплетаются в общество, захватывают рычаги управления, начинают диктовать свои правила поведения, и возникает хаос, в результате которого меняются люди, возглавляющие преступные организации, меняются люди, возглавляющие организации, которые с ними борются. При таких условиях встает вопрос о смене власти... Только реальная борьба с преступностью дает шанс человечеству на выживание»²⁸.

Подводя итог, следует заключить, что современное состояние уголовной политики во многом объясняется тем, что в стране до сих пор не выработана ее научная концепция, включающая в себя криминалистическую составляющую. Это и порождает ряд проблем, в особенности в законодательном, нормативном регулировании борьбы с преступностью, в координации системы уголовного судопроизводства, а также в правоприменительной, особенно следственной, практике. Поэтому руководству страны нужно проявить политическую волю и наконец-то организовать бескомпромиссную борьбу с преступностью, в первую очередь с организованным и транснациональным криминалом, учтя многочисленные наработки в данном направлении ученых криминального цикла, в особенности криминалистов, подходящих к решению насущных проблем с позиций здравого смысла и нужд правоприменительной практики.

¹ См. подробнее: *Романова Л. И.* Проблемы уголовно-правовой политики борьбы с преступностью в России // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. Хабаровск, 2012. № 4 (36). С. 45–48.

² Основы государственной политики борьбы с преступностью в России. Теоретическая модель // Российский криминологический взгляд. 2013. № 3 (35). С. 151, 159.

³ См.: *Ищенко П. П., Ищенко Е. П.* Эволюция организованной преступности в цифровую эпоху // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2016. № 6 (29). С. 222–231.

⁴ См. подробнее: *Хижняк Д. С.* О проекте стратегии противодействия транснациональной криминальной деятельности в Российской Федерации // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2016. № 6 (29). С. 17–30.

⁵ См.: *Герцензон А. А.* Уголовное право и социология. М., 1970. С. 179.

⁶ См.: *Кудрявцев В. Н.* Эффективность закона как средства осуществления уголовной политики // Основные направления борьбы с преступностью. М., 1975. С. 46.

⁷ *Голык Ю. В.* Остановить умерщвление уголовного права! // Современная уголовная политика : поиск оптимальной модели : материалы VII Российского конгресса уголовного права (31 мая – 1 июня 2012 г.). М., 2012. С. 359–365.

⁸ См.: *Мельниченко А. Б.* Противодействие преступности – важное направление реализации уголовной политики в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Современные проблемы уголовной политики : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 т. Краснодар, 2011. Т. II. С. 29.

⁹ См.: *Бабаев М. М.* Криминологические основы российской уголовной политики // Современная уголовная политика : поиск оптимальной модели : материалы VII Российского конгресса уголовного права (31 мая – 1 июня 2012 г.). М., 2012. С. 318–340.

¹⁰ *Овчинский А. С., Чеботарева С. О.* Матрица преступности / под ред. В. С. Овчинского. М., 2006. С. 13–14.

¹¹ *Босхолов С. С.* Основы уголовной политики : конституционный, криминологический, уголовно-правовой и информационный аспекты. 2-е изд., перераб. М., 2004. С. 50.

¹² *Эминов В. Е.* Концепция борьбы с организованной преступностью в России. М., 2007. С. 9.

¹³ *Кудрявцев В. Н., Эминов В. Е.* Причины преступности в России : криминологический анализ. М., 2006. С. 65–66.

¹⁴ *Улаева Н. Л.* Кризис российской уголовной политики // Современные проблемы уголовной политики : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 т. Краснодар, 2011. Т. II. С. 170–171.

¹⁵ См. подробнее: *Журавлев С. Ю.* Типология механизма преступной деятельности экономической направленности и базовая методика расследования преступлений : монография. Н. Новгород, 2013. С. 40–55.

¹⁶ *Босхолов С. С.* Актуальные проблемы уголовной политики в сфере противодействия коррупции // Пролог. Журнал о праве. Иркутск, 2013. № 1. С. 40–41.

¹⁷ См.: *Ищенко Е. П.* Современная уголовная политика глазами криминалиста // О криминалистике и не только : избранные труды. М., 2016. С. 199–206.

¹⁸ *Яковлев В. В.* Современные проблемы формирования уголовной политики в сфере применения уголовных наказаний // Современные проблемы уголовной политики : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 т. Краснодар, 2011. Т. II. С. 229.

¹⁹ См.: *Сокол В. Ю.* Уголовная политика и криминалистика // Современные проблемы уголовной политики : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 т. Краснодар, 2011. Т. II. С. 299–308.

²⁰ См.: Сокол В. Ю. Понятие и значение криминалистической политики // Современные проблемы уголовной политики : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 т. Краснодар, 2012. Т. II. С. 271–281.

²¹ См.: Сокол В. Ю. Кризис отечественной криминалистики : монография. Краснодар, 2017.

²² Попченков Э. Н., Кузнецов В. А. К вопросу о понятии, сущности, месте, роли и значении оперативно-розыскной политики в структуре уголовной политики Российской Федерации // Современные проблемы уголовной политики : материалы Всерос. науч.-практ. конф. : в 2 т. Краснодар, 2010. Т. II. С. 220.

²³ Зубков А. И., Зубкова В. И. Современные проблемы уголовной и уголовно-исполнительной политики России // Уголовная и уголовно-исполнительная политика современной России : проблемы формирования и реализации : сб. доп. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Вологда, 2007. С. 15.

²⁴ Побегайло Э. Ф. О неоднозначности подхода к проблеме гуманизма в современной уголовной политике // Современные проблемы уголовной политики : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 т. Краснодар, 2011. Т. I. С. 64–65.

²⁵ Мельниченко А. Б. Указ. соч. С. 33.

²⁶ См.: Сокол В. Ю. Понятие и значение криминалистической политики. С. 275–277.

²⁷ См.: Винокуров С. И. Приоритетный вектор современной уголовной политики : защита прав потерпевшего // Современная уголовная политика : поиск оптимальной модели : материалы VII Российского конгресса уголовного права (31 мая – 1 июня 2012 г.). М., 2012. С. 31–36.

²⁸ Мацкевич И. М. Модернизация уголовной политики (к постановке проблемы) // Современные проблемы уголовной политики : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 т. Краснодар, 2012. Т. I. С. 11–12.

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

Ищенко Е. П., доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминалистики, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный деятель науки России

E-mail: kriminalistmsal@list.ru
Тел.: 8 (495) 244-88-88 (доб. 644)

Moscow State Law University named after O. E. Kutafin

Ishchenko E. P., Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Department of Criminology, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Worker of Science

E-mail: kriminalistmsal@list.ru
Tel.: 8 (495) 244-88-88 (ext. 644)

И. М. Комаров, Е. И. Ян

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

**СИТУАЦИОННЫЙ ПОДХОД И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ
ДЛЯ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

Аннотация: в статье рассмотрен широкий спектр вопросов, связанных с возникновением в криминалистике представлений о следственных ситуациях и ситуационном подходе к расследованию преступлений, его значении для этого вида правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: следственные ситуации, ситуационный подход, расследование преступлений.

**THE SITUATIONAL APPROACH AND ITS IMPORTANCE
FOR THE INVESTIGATION OF CRIMES**

Abstract: the article considers a wide range of issues related to the emergence of criminalistics representations of investigative situations and the situational approach to crime investigation, its importance for this kind of enforcement.

Key words: investigative situation, situational approach, investigation of crimes.

Поступила в редакцию 2 октября 2017 г.

Криминалистам хорошо известен тот факт, что в научно-практический оборот понятие «следственная ситуация» было введено А. Н. Колесниченко¹, который понимал ее как положение расследования, характеризующее наличие доказательств и иного информационного материала.

В связи с научно-практической значимостью эта идея была положительно воспринята криминалистами как учеными, так и практиками. В настоящее время можно с полной ответственностью утверждать наличие в системе знания, образующего общую теорию криминалистики, сформировавшейся и гармонично развивающейся теории следственных ситуаций.

Основная функция науки – объяснять явления и процессы, которые требуют этого для целей научной и прикладной реализации в том или ином виде социальной деятельности людей.

Изучение криминалистами явления следственной ситуации способствовало тому, что в последние десятилетия прошедшего столетия возникла необходимость более детального научно-прикладного рассмотрения вопроса о ситуационном подходе в уголовном судопроизводстве², в первую очередь в аспекте *метода познания* в процессе криминалистического мышления субъектов правоприменительной деятельности.

Было предложено широко толковать это понятие относительно особенностей объекта криминалистики как науки, т. е. распространить действие этого метода и на познание преступной деятельности как части криминалистического объекта познания. Преступление, согласно этой позиции, следовало рассматривать как совокупность динамично развивающихся криминальных ситуаций³.

Справедливости ради отметим, что не всеми криминалистами такое расширительное толкование ситуационного

подхода было воспринято как безупречное. Так, например, Л. Я. Драпкин в этой связи отмечал, что распространение ситуационного подхода на «группу криминальных ситуаций вызывает возражение, поскольку они носят самостоятельный антикриминалистический характер»⁴. Этот известный специалист полагал, что понятие криминальных ситуаций в основном совпадает с понятием криминалистической характеристики преступлений, которое имеет четкую структуру и более богатое содержание за счет конкретных структурных элементов.

По нашему мнению, для теории криминалистики и практики криминалистического правоприменения распространение действия ситуационного подхода на криминальные ситуации никак не мешает использовать данные криминалистической характеристики преступлений в качестве информационной базы для выдвижения типичных версий расследования преступлений, совершенных в условиях неочевидности, так как другого назначения этой категории в методике расследования преступлений мы не видим.

Полагаем, что Т. С. Волчецкая как соавтор идеи о распространении ситуационного подхода на криминальные ситуации права в том, что «криминальные ситуации, составляющие криминальное событие, отражаются как в материальных следах, остающихся на месте происшествия, так и в следах идеальных – мысленных образах события преступления в сознании участников криминального события (подозреваемого, преступника, свидетелей-очевидцев)»⁵.

Практика свидетельствует, что восприятие таких следов помогает провести мысленную реконструкцию этапов преступного события в процессе его расследования⁶, т. е. лучше понять криминальную ситуацию, а это первый шаг к оптимальной организации планирования

расследования преступления и его практической реализации.

Методологическое значение широкого толкования ситуационного подхода основано на возможностях научной разработки различных криминалистических рекомендаций, связанных с особенностями расследования отдельных видов и групп преступлений, обусловленных единым объектом преступного посягательства.

Вместе с тем криминалистическая методология оперирует определенными понятиями, которые способствуют правильному построению как научных теоретических криминалистических исследований, так и соответствующих практических рекомендаций.

На этом основании следует определиться с системой понятий ситуационного подхода.

Криминалисты, и это уже традиция, большей частью дают определения понятий, основываясь на характеристике конкретного явления, и спорят с оппонентами относительно объема того или иного определенного понятия. Этот стиль мышления принят и в определении понятия ситуационного подхода. Однако, как мы полагаем, более ценной в научно-практическом исследовании является методология определения сущности в понятии объекта познания и определения этого же объекта на уровне явления, т. е. прикладном уровне.

Такой подход позволяет более точно с диалектических позиций познать и рассмотреть объект исследования, в данном контексте это ситуационный подход в расследовании преступления, для его теоретического криминалистического исследования и практического назначения в процессе уголовного судопроизводства. Здесь речь идет о языке криминалистики, который должен быть одинаково понятен и однозначно использован как уче-

ными-криминалистами, так и криминалистами-практиками.

В основе реализации ситуационного подхода лежит криминалистическая деятельность дознавателя, следователя, оперативного сотрудника, государственного обвинителя, судьи, которая посредством анализа исследует познаваемое событие во взаимосвязи и динамике составляющих его криминальных ситуаций и ситуаций расследования. Причем в основе этого анализа лежит не только алгоритм познания, присущий любому методу, но и суть – криминалистическое мышление, т. е. профессиональное владение указанными выше субъектами «навыками специфического поисково-познавательного мышления, которое обеспечивает тщательное, продуманное, осознанное и эффективное использование всех средств, приемов и знаний в процессе криминалистической деятельности по расследованию преступлений»⁷.

Правильно подмечено, что «современное криминалистическое мышление должно обладать и свойствами прогностического характера, которое еще называют свойством “опережающего отражения”, позволяющим предвидеть все возможные следственные действия, которые необходимо будет провести для закрепления могущих быть выявленными и установленными доказательными фактами»⁸.

Одним из назначений ситуационного подхода⁹ в криминалистике является разработка алгоритмов решения сложных следственных ситуационных задач, которые могут быть связаны с проблемами организационно-управленческого характера и основаны на ошибках в следственном планировании (принятие ошибочных решений, отсутствие контроля за их выполнением, нарушение связей в системе управления и пр.); проблемами тактико-психологического характера, обусловленными конфликтным взаимодей-

ствием участников уголовного процесса; трудностями поисково-познавательного характера, когда расследование не располагает данными об обстоятельствах, подлежащих доказыванию, и источниках получения информации о них.

Это только некоторые направления криминалистической деятельности, где возможности ситуационного подхода могут принести искомый результат.

Не вызывает возражений мнение о том, что «криминалистика изучает не только закономерности, но и некоторые типовые и даже индивидуальные объекты»¹⁰, так как это наука прикладного назначения и ее задача – объяснение явления и обоснование рекомендаций для познавательной деятельности соответствующими субъектами. Приведенный выше тезис хорошо коррелирует с традиционными подходами к познанию того или иного явления на основе так называемой диалектической триады – общего, особенного и единичного, что отражается в каждом отдельном явлении. Фактически же элементы триады есть стороны отдельного и вне отдельных явлений реально не существуют. В этой связи уместно вспомнить мудрость Аристотеля. Отдельные явления он связывал с «первой сущностью», в связи с чем отмечал – «сущность есть первое со всех точек зрения – и по понятию, и по познанию, и по времени. Из всех других определений ни одно не может существовать отдельно: только она одна и способна на это»¹¹. Этот подход вполне можно эксплицировать на явления и объекты, изучаемые криминалистикой; более того, каждое преступление можно рассматривать отдельным явлением для научного исследования и практического расследования. Его индивидуальность обусловлена структурно-единичными элементами, которые каждый раз реализуются в неповторимых ситуациях, что объясняет

невозможность полной формализации сложных ситуаций и «разработки жестких алгоритмов их разрешения»¹².

Между тем в криминалистике достаточно широко представлены практические рекомендации, в основе которых лежат обобщения элементов общего и особенного отдельных видов и групп преступлений, что позволяет на основе ситуационного подхода и общенаучного метода моделирования в его криминалистической интерпретации разрабатывать оригинальные научные рекомендации. В своем «научном завещании» Р. С. Белкин отмечал, что в криминалистике утвердился «ситуационный подход к реализации в практике разрабатываемых ею рекомендаций»¹³. Фактически это означает возможность «приложимости» сложной конкретной ситуации расследования и типовой сложной следственной ситуации как теоретической модели с целью организации и планирования расследования на основе известных типовых криминалистических рекомендаций, динамика совершенствования которых в практическом плане связана с ориентирующей криминалистически значимой информацией, поступающей к следователю по уголовному делу, а в научном плане – к актуализации проблемы и ее теоретическому объяснению.

В современной криминалистике ситуационный подход можно считать ведущей методологической концепцией. Однако такого обоснования недостаточно для того, чтобы предложить теоретическое определение понятия ситуационного подхода.

Обозначив ситуационный подход в качестве методологической концепции, с учетом того, что она «пронизывает» всю систему криминалистики и является на этом основании ведущей системообразующей концепцией, т. е. парадигмой¹⁴, мы считаем ее более адекватной в отражении реальностей по криминалистическо-

му познанию преступной деятельности, планирования, организации, а следовательно, и реализации криминалистических рекомендаций, связанных с расследованием преступлений, в том числе и посредством комплексных криминалистических средств (тактические комбинации, тактические операции и пр.). Это обстоятельство никоим образом не отрицает иные теоретические концепции, обоснованные в криминалистике и реализуемые посредством криминалистической деятельности.

На основе приведенного выше обоснования мы предлагаем следующее теоретическое определение ситуационного подхода. На наш взгляд, это *методологическая концепция, структура которой на основе интегрированных положений теорий вероятностей, ситуационного моделирования, версионного анализа, рефлексивного мышления, криминалистической диагностики и других форм синтезированного знания обеспечивает разрешение стоящих перед криминалистикой теоретических и практических проблем для целей эффективного правоприменения.*

Методологический смысл любого криминалистического понятия состоит в том, что оно является инструментом анализа преступной и криминалистической деятельности и используется «с целью выбора наиболее эффективных средств, приемов и методов расследования». Эта мысль В. Я. Колдина хорошо подчеркивает назначение системы терминов и понятий криминалистики, что само по себе позволяет рассматривать прикладное назначение ситуационного подхода в качестве инструмента принятия решений, в первую очередь по планированию, в структуре криминалистической деятельности по расследованию преступлений и их судебному рассмотрению.

В практике расследования преступления (судебного рассмотрения) ситуаци-

онный подход реализуется тогда, когда процесс расследования требует принятия от следователя соответствующего решения, поэтому достаточно часто он связывается с тактическим решением¹⁵, а оно должно быть реализовано посредством оптимальных средств в системе обособленной планово-организационной деятельности соответствующих субъектов. Это положение хорошо интерпретируется следующим тезисом: «ситуация – это критическая масса накопленной информации, не согласующаяся с программой, по которой осуществляется деятельность, и требующая ее пересмотра (дополнения, корректировки, построения новой информационной модели)»¹⁶.

На наш взгляд, в современных условиях расследования преступлений при известном нам уровне преступности, которая уже давно достигла критических значений, актуальной становится разработка типовых ситуационно обусловленных алгоритмов следственной деятельности, относимой к расследованию отдельных видов и групп преступлений.

На этом основании вполне уместной становится возможность использования в практической реализации системного подхода, наряду с традиционными, рекомендаций логистики как «искусства рассуждения и выполнения расчетов, разумной организации, планирования четкой последовательности действий»¹⁷. Разумеется, все эти рекомендации должны быть интегрированы в предмет криминалистики и ее разделы, отвечающие за планирование и организацию расследования.

Данные логистики в практике реализуются посредством *логистического анализа, принципы реализации которого близки криминалистическому анализу*, а именно: научность, системный подход, динамичность, выделение приоритетных направлений, комплексность, полнота и достоверность информационной базы

и т. п., однако отличаются от него структурой методологии. Эта структура предусматривает большую детализацию управленческих элементов анализа и своим содержанием может быть интегрирована в криминалистическое моделирование при реализации ситуационного подхода, что позволит получить более объективную и динамичную картину преступной деятельности, а на ее основе спланировать и организовать деятельность по расследованию преступления. О значении логистического анализа для расследования, например, мошенничеств и преступлений, совершенных в сфере экономической деятельности, отмечается: «метод криминалистической логистики, привнеся понятие управления потоками, позволяет моделировать преступную деятельность и, как следствие, деятельность по расследованию преступлений, в зависимости от факторов, воздействующих на систему в каждый момент ее существования, не теряя связи с ранее существовавшим ее состоянием и прогнозируя изменение и развитие системы в будущем»¹⁸.

Очевидно некоторое преимущество метода криминалистической логистики перед другими криминалистическими методами планирования и организации расследования преступлений – это приоритет управлению информационными потоками, которые включают в свое содержание преимущественно сведения о материальных и идеальных следах преступления. На этой основе он выступает как интегральный метод управления расследованием, тесно связанный с криминалистической ситуалогией, планированием, версионным анализом и другими положениями криминалистики.

В соответствии с тем, что теоретическое определение понятия ситуационного подхода является базовым для его прикладного определения, на наш взгляд, ситуационный подход в понима-

нии следователей, оперативных сотрудников, государственных обвинителей, судей и других участников уголовного процесса, которые в силу своей заинтересованности могут воспользоваться им для реализации своих прав и выполнения обязанностей, может быть определен в качестве *интегративного метода системы криминалистического мышления, реализация которого в правоприменительной криминалистической деятельности способствует корреляции криминальной ситуации к ситуациям расследования преступления с целью планирования и организации его расследования (судебного расследования) на основе оптимально выбранных средств, способов и приемов, способных обеспечить достижение целей уголовного судопроизводства.*

Деятельность по расследованию преступлений посредством использования различных тактических средств в части их планирования и организации в значительной степени эффективно реализуется на основе использования следователем ресурсов ситуационного подхода. В системе методики расследования преступлений наряду с криминалистической характеристикой преступлений отдельным блоком обозначена криминалистическая характеристика его расследования. Ее структура содержит ряд элементов, где основными являются тактические средства и следственная ситуация.

Рассматривая вопросы ситуационного подхода и его значение для планирования, организации и проведения расследования, нельзя обойти вниманием связь тактических средств с тактическим решением и следственными ситуациями.

Прикладное назначение любой криминалистической методики расследования преступлений в первую очередь ассоциируется с ее типовыми особенностями, которые отражают материальные и формальные составы преступлений,

предусмотренные действующим уголовным законодательством. Поэтому типовая криминалистическая характеристика расследования является системой знаний о том, как выявлять и расследовать «неочевидные» преступления в ходе предварительного расследования. В содержание этой типовой характеристики в качестве средств доказывания входят тактические средства, планирование и организация которых, как было отмечено выше, связаны с криминалистической характеристикой преступлений в качестве соответствующей информационной базы. Однако наряду с ней постоянным элементом системы предварительного расследования преступлений являются и следственные ситуации. Они – в сущности информационная категория и на этом основании важный источник данных, чье содержание должно быть также отражено в планировании, организации и проведении расследования. Установление отношений и связей между ними позволит ответить на вопрос о механизме взаимодействия и значении следственных ситуаций для расследования.

Анализ содержания следственных ситуаций свидетельствует о том, что они тесным образом связаны с криминалистическим моделированием и прогнозированием, которые, в свою очередь, таким же тесным образом связаны с планированием и организацией расследования преступлений, а следовательно, и с тактическими средствами решения следственных тактических задач.

По-существу следственная ситуация, по верному замечанию В. В. Степанова, «представляет собой часть жизни участников уголовно-правовых отношений»¹⁹, и в этой связи уместно высказывание Н. Гартмана о том, что вся инициатива человека не только ситуационно определена, но и ситуационно оформлена, и он обязан действовать в ситуации на основе

собственного свободного выбора, в связи чем ситуация выступает в качестве принуждения к принятию решения, свобода же состоит в выборе решения²⁰.

В этой связи следственная ситуация так же, как и ситуационный подход, на что мы уже обращали внимание, связана с принятием управленческого решения следователем, в том числе и тактического решения, а оно является доминантой планирования и организации предварительного расследования.

На основе того, что криминалистическое моделирование и прогнозирование тесно связаны с криминалистическим планированием и организацией расследования, уместно замечание Т. С. Волчецкой: «Принятие решения по управлению ситуацией можно рассматривать как цель и конечный результат ситуационного моделирования»²¹. Поэтому любая следственная ситуация информативна, а проблема заключается в том, чтобы ее выявить и реализовать в интересах расследования. Полагаем, лучшим инструментом такой реализации и является ситуационный подход в расследовании.

Выше была отмечена связь следственной ситуации, ситуационного подхода и управленческого решения, в том числе тактического решения следователя, т. е. информация следственной ситуации на основе методологии ситуационного подхода трансформируется следователем в его решение, которое через систему планирования и организации реализуется в расследовании посредством тактических средств. «Между процессом принятия тактического решения и организацией расследования преступления, – писал С. И. Цветков, – существуют устойчивые прямые и обратные связи»²². В криминалистической литературе на это обстоятельство уже неоднократно обращалось внимание, а именно, что процедура принятия управленческих ре-

шений имеет соответствующую логическую структуру, основанную на первичном и выводном знании в планировании и реализации решения. Это актуально в первую очередь для комплексных тактических средств (тактических операций и пр.) с их системной структурой, когда результаты реализации первого элемента содержания (например, следственного действия) дают основания для его оценки, планирования и реализации следующего элемента (следующего следственного действия) и так до достижения конечной цели используемого тактического средства. В этой процедуре принятия и реализации решений хорошо просматривается действие динамичного принципа планирования расследования.

В соответствии с нашими оценками сущности рассматриваемого вопроса, видимо, будет правильным рассматривать управленческое решение следователя несколько шире, чем тактическое решение, так как оно практически всегда затрагивает как процессуальные, тактические, так и организационно-технические аспекты планирования и организации следственно-тактических мероприятий. Однако принятие решения не следует рассматривать как единовременный акт. Это процесс, и в ситуациях расследования²³ он носит характер рационального процесса, основанного на уголовно-процессуальных и криминалистических причинно-следственных связях. Упрощенно это может быть выражено следующим линейным алгоритмом криминалистического мышления следователя: *анализ ситуации расследования с целью выделения ориентирующей криминалистически значимой информации, ее актуализированное выделение и установка цели, определение вариантов криминалистического поведения и оценка вероятных результатов последствий их реализации, избрание оптимального алгоритма действий, их пла-*

нирование и организация в системе принятых тактических средств.

Принятие решений на основе процесса иррационального выбора альтернатив с целью достижения посредством тактических средств желаемого следствию результата возможно как частный случай для ситуаций тактического риска.

Предложенный выше линейный алгоритм рационального криминалистического мышления следователя есть упрощенный вариант тактического алгоритма планирования тактических средств для расследования преступлений. Системно-структурный подход к рассмотрению криминалистического планирования и организации расследования свидетельствует о том, что все криминалистические, в том числе и тактические, алгоритмы имеют свои особенности, методику построения и пределы применения. Это своеобразные ситуационно обусловленные устоявшиеся мыслительные ориентиры следователя, которые помогают ему рефлексировать возникновение проблемных ситуаций с целью их последующего преодоления, выстраивать свою линию поведения относительно нейтрализации конфликтных ситуаций, способствуют эффективному логическому и образному мышлению и при всем этом не требуют от него совершения для этого определенных действий. Однако несмотря на то, что мы считаем тактические алгоритмы «устоявшимися мыслительными ориентирами следователя» для планирования и реализации следственной деятельности, рассматривать их в качестве безусловных предписаний неправильно – они, по верному определению А. С. Шаталова, всего лишь рекомендации «о наиболее рациональном объеме и последовательности тех или иных действий субъектов расследования в типичной следственной ситуации, выполнение которых может привести к достижению

стоящих перед ними целей и к решению соответствующих задач»²⁴.

Разумеется, невозможно спланировать организацию расследования преступления одновременно со дня возбуждения уголовного дела и направления его прокурору для изучения и утверждения обвинительного заключения. Этот процесс ситуационно обусловлен и может быть рассчитан исключительно на оценку известной доказательственной и ориентирующей криминалистически значимой информации, а также типичную следственную ситуацию, этой информации соответствующую. Изменение объема указанной информации и, возможно, ситуации расследования потребует корректировку последней на основе другой типовой следственной ситуации. То есть изменение следственных задач требует изменения тактического алгоритма. Поэтому планирование тактических средств и их организация носят условный характер, так как содержание указанных средств может измениться точно так же, как может измениться ситуация расследования. Это потребует корректировки плана, изменения организационных установок и т. п. В практике расследования преступлений собственно так и происходит. Однако такие обстоятельства не исключают, а, наоборот, предполагают возможности типизации в планировании и организации расследования на основе тактического алгоритма, чье содержание можно воспринимать как универсальное для всех возможных ситуаций расследования по причине того, что это содержание имеет важное свойство многовариантности решений, где конечный результат всегда связан с конкретными данными, отраженными в элементах указанного содержания. Вероятно, такой вывод покажется несколько сложным для понимания, однако суть его проста: если конкретные обстоятельства рассле-

дуемого преступления отразить в системе элементов тактического алгоритма, то возможно планировать решение задач тактическим средством.

На наш взгляд, такой тактический алгоритм планирования может включать следующие элементы: 1) определение задачи тактического средства; 2) анализ известной доказательственной и ориентирующей криминалистически значимой информации; 3) дифференциация основной задачи тактического средства на подзадачи – систему целей, которые предполагается достичь посредством реализации элементов содержания тактического средства; 4) выбор процессуальных средств и криминалистических способов системы тактического средства; 5) получение дополнительной ориентирующей криминалистически значимой информации посредством взаимодействия с оперативными службами правоохранительных органов; 6) получение дополнительной ориентирующей криминалистически значимой информации посредством данных информационно-поисковых систем и пр.; 7) рассмотрение вопроса о необходимости организационно-технического взаимодействия с иными подразделениями в организации и реализации тактического средства; 8) построение системы реализации тактического средства для типовой следственной ситуации с целью последующей практической реализации в ситуациях расследования.

Предложенный тактический алгоритм носит весьма условный характер, однако, обладая свойствами особенно-го явления по классификации диалектической триады, о чем уже упоминалось выше, он в полной мере с определенными дополнениями и изъятиями элементов своего содержания вполне может быть использован в практике планирования и организации расследования преступлений.

В соответствии с изложенным закономерными являются следующие выводы.

Криминальные ситуации и их отображения в материальных и идеальных следах преступления, во всяком случае на первоначальном этапе расследования преступления, могут рассматриваться в качестве элемента информационной базы для мысленной реконструкции следователем этапов преступного события, что по существу является начальным этапом планирования и организации расследования преступлений.

Определения криминалистических понятий представляют собой основополагающие знания, чье содержание способствует развитию как теоретических основ, так и практических криминалистических рекомендаций для их реализации в правоприменительной практике. Соответствующие определения ситуационного подхода по своему содержанию могут быть полезны обоснованию теоретических криминалистических концепций и практике расследования преступлений, где в связи со сложностью расследования требуется нестандартное криминалистическое мышление для принятия тактических решений с целью собирания доказательств посредством использования тактических средств.

Тактические решения являются криминалистической доминантой планирования и организации расследования, однако их содержание следует рассматривать несколько в более широком аспекте, так как оно затрагивает как процессуальные, тактические, так и организационно-технические особенности планирования и организации расследования.

В этой связи наряду с традиционной методологией планирования и организации расследования следует использовать возможности метода криминалистической логистики. Он основан на приоритете управлению информацион-

ными потоками, которые включают в свое содержание преимущественно сведения о материальных и идеальных следах преступления. На этой основе этот метод выступает как интегральный ме-

тод управления расследованием и тесно связан с криминалистической ситуалогией, планированием, версионным анализом и другими положениями криминалистики.

¹ См.: *Колесниченко А. Н.* Научные и правовые основы методики расследования отдельных видов преступлений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Харьков, 1977. С. 10.

² Теория следственных ситуаций, по нашему мнению, имеет пределы своей практической реализации как на стадии досудебного производства по уголовному делу, так и его судебного разбирательства. Этот факт подтверждают исследования, фундаментальными из которых можно считать работы: *Драпкин Л. Я.* Основы криминалистической теории следственных ситуаций : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1987 ; *Гавло В. К.* Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. Томск, 1985.

³ См.: *Волчецкая Т. С.* Криминалистическая ситуалогия : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997.

⁴ *Драпкин Л. Я.* Ситуационный подход – локальная парадигма современной криминалистики // Ситуационный подход в криминалистической науке и правоприменительной деятельности : материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Актуальные проблемы использования ситуационного подхода в юридической науке и правоприменительной деятельности» / под ред. Т. С. Волчецкой ; БФУ им. И. Канта. Калининград, 2012. С. 26–27.

⁵ *Волчецкая Т. С.* Генезис, современные тенденции и перспективы развития криминалистической ситуалогии на современном этапе // Ситуационный подход в криминалистической науке и правоприменительной деятельности : материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Актуальные проблемы использования ситуационного подхода в юридической науке и правоприменительной деятельности» / под ред. Т. С. Волчецкой ; БФУ им. И. Канта. Калининград, 2012. С. 16.

⁶ Создать динамическую модель в виде развернутой во времени и в пространстве картины происшедшего события.

⁷ *Яблоков Н. П.* Ситуационный подход как один из методов научного познания в криминалистическом мышлении субъектов криминалистической деятельности // Ситуационный подход в криминалистической науке и правоприменительной деятельности : материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Актуальные проблемы использования ситуационного подхода в юридической науке и правоприменительной деятельности» / под ред. Т. С. Волчецкой ; БФУ им. И. Канта. Калининград, 2012. С. 20.

⁸ *Сидоров А. В., Рубис А. С.* Основы формирования криминалистической теории доказывания. Минск, 2005. С. 59.

⁹ Ситуационный подход как метод используется не только в криминалистике, но и в менеджменте, педагогике, психологии и других видах деятельности.

¹⁰ *Селиванов Н. А., Танасевич В. Г., Эйсман А. А. и др.* Советская криминалистика. Теоретические проблемы. М., 1978. С. 8–9.

¹¹ *Аристотель.* Метафизика. Л., 1934. С. 113.

¹² *Драпкин Л. Я.* Ситуационный подход – локальная парадигма современной криминалистики. С. 28.

- ¹³ Белкин Р. С. Криминалистика : проблемы сегодняшнего дня. М., 2001. С. 16.
- ¹⁴ См.: Кун Т. Структуры научных революций. М., 1977. С. 11–19.
- ¹⁵ См.: Макаров И. В. Теория выбора и принятия решений. М., 1982; Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве. Их виды, содержание и формы. М., 1976; Волчецкая Т. С., Ермаков В. А., Исмаилов Л. Ю. и др. Особенности принятия тактических решений при расследовании преступлений, совершенных организованными преступными группами / под ред. С. И. Цветкова. М., 1996; Копылов И. А. Следственная ситуация и тактическое решение. Волгоград, 1988.
- ¹⁶ Колдин В. Я. К вопросу о методологической функции ситуационного подхода // Ситуационный подход в криминалистической науке и правоприменительной деятельности : материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Актуальные проблемы использования ситуационного подхода в юридической науке и правоприменительной деятельности» / под ред. Т. С. Волчецкой; БФУ им. И. Канта. Калининград, 2012. С. 31.
- ¹⁷ URL: <http://www.fill2001.narod.ru/OpredLogist.htm>
- ¹⁸ Веселков К. В. Метод криминалистической логистики в правоприменительной деятельности как проявление ситуационного подхода // Ситуационный подход в криминалистической науке и правоприменительной деятельности : материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Актуальные проблемы использования ситуационного подхода в юридической науке и правоприменительной деятельности» / под ред. Т. С. Волчецкой; БФУ им. И. Канта. Калининград, 2012. С. 75.
- ¹⁹ Степанов В. В., Хаметов Р. Б. Криминалистические ситуации и их использование при принятии решений в ходе расследования преступлений // Ситуационный подход в криминалистической науке и правоприменительной деятельности : материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Актуальные проблемы использования ситуационного подхода в юридической науке и правоприменительной деятельности» / под ред. Т. С. Волчецкой; БФУ им. И. Канта. Калининград, 2012. С. 93.
- ²⁰ См.: Hartmann N. Zur Grundlegung der Ontologie. Berlin, 1941. S. 45.
- ²¹ Волчецкая Т. С. Современные проблемы моделирования в криминалистике и следственной практике : учеб. пособие. Калининград, 1997. С. 35.
- ²² Цветков С. И. Криминалистическая теория тактических решений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1992. С. 7.
- ²³ Мы согласны с О. Я. Баевым и разделяем понятия «следственная ситуация» и «ситуация расследования». Первое понятие мы связываем с криминалистической категорией, второе – с прикладным аспектом расследования преступлений.
- ²⁴ Шаталов А. С. Криминалистические алгоритмы и программы. Теория. Проблемы. Прикладные аспекты. М., 2000. С. 129.

Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова

Комаров И. М., доктор юридических наук,
профессор кафедры криминалистики

E-mail: mgu.ikomarov@mail.ru
Тел.: 8 (495) 939-29-03

Ян Е. И., кандидат юридических наук,
доцент кафедры криминалистики

E-mail: mgu.ikomarov@mail.ru
Тел.: 8 (495) 939-29-03

Moscow State University
named after M. V. Lomonosov

Komarov I. M., Doctor of Legal Sciences,
Professor of the Criminalistics Department

E-mail: mgu.ikomarov@mail.ru
Tel.: 8 (495) 939-29-03

Jan E. I., Candidate of Legal Sciences, Associate
Professor of the Criminalistics Department

E-mail: mgu.ikomarov@mail.ru
Tel.: 8 (495) 939-29-03

Е. Л. Комбарова

Центральный филиал Российского государственного университета правосудия

СУД КАК СУБЪЕКТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ТАКТИКИ

Аннотация: в статье исследуется проблема отнесения суда к субъектам криминалистической тактики, анализируются процессуальные и гносеологические особенности судебной деятельности. Исследованы различные подходы к анализу сущности категории «криминалистическая тактика», и сделан вывод о том, что суд является субъектом, реализующим тактико-криминалистические рекомендации.

Ключевые слова: суд, криминалистическая тактика, объективная истина, доказывание, активность суда, уголовно-процессуальные функции, правосудие.

THE COURT AS THE SUBJECT OF CRIMINALISTIC TACTICS

Abstract: the article examines the issue of attribution of the court to the subjects of criminalistic tactics, analyzed the procedural and epistemological features of judicial activity. Studied various approaches to the analysis of essence of the category «criminalistic tactics» and concluded that the court is the entity that implements tactical and forensic recommendations.

Key words: courts, forensic tactics, objective truth, proof, activity of the court of criminal procedural functions, justice.

Поступила в редакцию 27 сентября 2017 г.

Использование судом криминалистических рекомендаций обусловлено спецификой деятельности данного участника уголовного судопроизводства, являющегося самостоятельным полноценным субъектом доказывания, а также особенностями условий судебного разбирательства, отличными от предварительного расследования.

Данные обстоятельства предопределяют безусловную необходимость решения вопроса о научной систематизации рекомендаций криминалистики, адресованных суду, определения их места в структуре данной науки, поскольку нельзя использовать криминалистические знания, являясь, соответственно, субъектом криминалистики, безотносительно

структурной составляющей этой научной отрасли, абстрагированно от ее системы. **Субъект, реализующий криминалистические рекомендации, не может находиться вне системы криминалистики.**

Вместе с тем, среди ученых отсутствует единство мнений о наиболее целесообразной систематизации криминалистических рекомендаций, адресованных суду. Одни ученые разрабатывают *тактико-криминалистические приемы и методы* судебной деятельности¹; другие считают, что деятельность суда является реализацией *не только тактики, но и методики* судебного следствия². По мнению отдельных авторов, криминалистические рекомендации суду должны быть опосредованы *исключительно* в рамках криминалистической методики³, и в на-

стоящее время можно наблюдать процесс активного формирования методик судебного разбирательства уголовных дел различных категорий⁴.

В рамках настоящей статьи мы исследуем аргументы сторонников и противников причисления суда к субъектам *криминалистической тактики* и сформулируем свои выводы по данной проблеме.

Вопрос определения круга субъектов, осуществляющих тактико-криминалистическую деятельность в сфере уголовного судопроизводства, является остро дискуссионным. Отсутствие единства научных взглядов на проблему анализа возможности отнесения суда к субъектам криминалистической тактики обусловлено, на наш взгляд, следующими основными причинами: 1) неоднозначностью подхода к определению сущности тактики как криминалистической категории; 2) неоднородностью представлений о роли суда в современном состязательном уголовном судопроизводстве (а равно различными воззрениями на сущность реализации института состязательности в уголовном процессе в целом); 3) различием научных позиций относительно целеполагания и функций участников уголовного судопроизводства.

Многие ученые полагают, что независимость суда, его пассивность при исследовании доказательств, обусловленные господством важнейшего принципа уголовного процесса – принципа состязательности, исключают возможность реализации судом каких-либо тактических рекомендаций. Высказываются мнения о том, что, собирая доказательства, судья неизбежно формирует доказательственную базу сторон обвинения и защиты⁵, между тем как суд не обязан доказывать ни вину, ни невиновность подсудимого⁶.

Трактовка уголовного обвинения как иска, подлежащего доказыванию в рамках материально-правового спора сто-

рон обвинения и защиты, обусловленная переносом гражданско-правовой концепции спора сторон на сферу уголовного судопроизводства, вызвала неверное, на наш взгляд, понимание сущности и целей уголовного судопроизводства, в силу которого объективная истина, по мнению ряда ученых, уже не является целью состязательного уголовного процесса, а суд не может выступать в роли активного исследователя доказательств⁷.

Позиция сторонников пассивной роли суда в уголовном процессе подвергается обоснованной, на наш взгляд, критике. Мы полностью солидарны с мнением авторов, считающих, что «суд в уголовном процессе, где решаются судьбы людей и отстаиваются важнейшие государственные и общественные интересы, вряд ли будет правильным приравнять к арбитру в спортивной игре... безразличному к исходу этой игры»⁸.

Познание в уголовном процессе, как и любое познание, как верно замечает А. А. Брестер, подчиняется общим гносеологическим закономерностям. Основой же современного научного познания является *диалектика*, сущность которой определяют категории *всесторонности, полноты и объективности*⁹. Игнорирование данных категорий делает любое познание безрезультативным и бессмысленным.

Д. А. Мезинов справедливо отмечает, что «обязанность объективного, полного и всестороннего исследования обстоятельств дела остается и должна быть у суда в любом типе процесса и должна неотъемлемо включаться в содержание функции разрешения уголовного дела, возлагаемой на суд в состязательном процессе. Непризнание же за судом этой обязанности означает, что суд вправе исследовать обстоятельства дела «неполно», «необъективно», «не всесторонне», т. е. частично, субъективно (пристрастно), односторонне (в пользу одной из сторон)»¹⁰.

Даже в упрощенных процессуальных формах производств и при применении компромиссных процедур обязанность познания достоверных обстоятельств дела (в частности, установления виновности лица в совершении преступления) остается неизменной.

Соответственно, вряд ли можно отрицать ориентированность суда на достоверное установление фактов и обстоятельств происшедшего события. Однако дискуссионным является вопрос о степени активности суда в процессе доказывания.

Сторонники пассивной деятельности суда в сфере уголовного судопроизводства полагают, что суд, по своей инициативе собирая доказательства, впадает в обвинительный уклон и потому в дальнейшем не может быть беспристрастен при разрешении дела по существу. У приверженцев подобных взглядов активное уголовно-процессуальное познание обстоятельств дела, осуществляемое судом, прочно ассоциируется с розыскным типом процесса, и прежде всего с работой формирующего доказательства следователя – субъекта, осуществляющего *уголовное преследование* и, как известно, отнесенного действующим УПК РФ к *стороне обвинения*.

Однако, обратившись к анализу специфики следственной деятельности, прежде всего отметим, что среди ученых нет единства взглядов по вопросу определения количества и сущностного содержания функций следователя в сфере уголовного судопроизводства.

Одни ученые считают, что в уголовном процессе следователь выполняет функцию *уголовного преследования*, так как вся деятельность следователя имеет конечную цель – обвинение (естественно, обвинение законное и обоснованное); деятельность адвоката-защитника на стадии предварительного расследования направлена именно на защиту от уго-

ловного преследования, в ином случае непонятно, от чего же защитник должен защищать доверителя. При этом особо подчеркивается, что обвинительная направленность и обвинительный уклон – не тождественные понятия¹¹.

Вместе с тем, далеко не все исследователи считают следователя реализатором функции уголовного преследования, полагая, что его основная функция – *расследование* уголовного дела. И в советский период, и в настоящее время можно встретить ряд исследований, посвященных анализу особенностей реализации следователем именно функции расследования¹². Ученые полагают, что реализация следователем функции расследования, а не уголовного преследования позволит избежать обвинительного уклона и односторонности в исследовании обстоятельств дела.

Отдельные авторы отмечают наличие в деятельности следователя сразу двух функций: уголовного преследования и расследования, тесно взаимосвязанных и реализуемых практически одновременно¹³.

Иные ученые наделяют следователя сразу несколькими различными функциями, полагая, что следователь одновременно выполняет функции уголовного преследования (обвинения), защиты и разрешения дела¹⁴.

Некоторыми авторами выделяется значительно большее количество реализуемых функций следователя: 1) рассмотрение заявлений и сообщений о преступлении; 2) исследование обстоятельств дела; 3) обвинение в совершении преступления; 4) ограждение граждан от неосновательного обвинения в совершении преступления; 5) обеспечение возмещения материального ущерба и ряд иных следственных функций¹⁵.

Совершенно справедливо критике подвергается одновременное сосредото-

чение в лице следователя диаметрально противоположных функций: обвинения и защиты, поскольку очевидно, что столь разная, сущностно противоположная деятельность не может быть сосредоточена в рамках компетенции одного лица, ибо противоречит законам логики и психологии¹⁶.

Не без оснований ставится под сомнение и обоснованность концепции о реализации следователем функции *расследования* (исследования обстоятельств дела): отмечается ее неконкретность ввиду отсутствия четко выраженного целеполагания, неясности конечной цели деятельности, связанной с расследованием преступлений¹⁷. Действительно, по сути, расследование – это не цель, а деятельность следователя, реализуемая во имя достижения определенной цели. При этом саму цель (или же цели) следователя из содержания данной функции определить довольно сложно.

Но является ли *целью* следственной деятельности *уголовное преследование*? Убеждены, что нет.

Следователь (равно как и дознаватель, и прокурор) является субъектом, осуществляющим уголовно-процессуальное доказывание. В то же время, как известно, УПК РФ к числу субъектов доказывания отнесен и суд.

Субъекты, осуществляющие какую-либо общую деятельность, в частности, деятельность, направленную на познание обстоятельств происшедшего события и осуществляемую полно, объективно и всесторонне, должны ставить перед собой общую стратегическую конечную цель. Могут иметь (и зачастую имеют) существенную специфику методы и средства достижения этой цели, находя свое выражение в особенностях процессуальной регламентации деятельности данных субъектов, однако итоговая цель должна быть общей, иначе эта деятель-

ность лишается смысла и становится нерезультативной.

Если признать уголовное преследование именно целью субъектов доказывания, выступающих на стороне обвинения, то очевидно нарушение законов логики, поскольку суд, также являющийся субъектом доказывания, не может иметь своей целью уголовное преследование.

Мы полагаем, что уголовное преследование не является целью следователя как субъекта доказывания. Вместе с тем функцией таковое, несомненно, является, ибо это наиболее очевидно направление следственной деятельности, представляющее собой метод, способ достижения цели, стоящей перед следователем.

Поясним, что существуют разные подходы к определению сущности функций: 1) функции отождествляются с целями деятельности; 2) функции рассматриваются как основные направления какой-либо деятельности, представляя собой способы, методы реализации цели.

В данном случае более обоснованным является второй подход к трактовке уголовно-процессуальной функции, где функции трактуются как способы реализации цели, направления деятельности, обусловленные задачами субъекта.

Уголовное преследование, бесспорно, является функцией следователя, функцией приоритетной, но не единственной. Также к числу функций следователя, на наш взгляд, следует отнести функцию предупреждения преступлений, а также функцию возмещения материального ущерба, причиненного противоправным деянием. Данные направления деятельности следователя различны и нуждаются в самостоятельном обособлении.

Однако какова же цель субъектов доказывания, реализуемая ими в рамках своих разнородных функций?

Все субъекты доказывания осуществляют свою деятельность, будучи объеди-

нены единой общей гносеологической целью доказывания – установлением достоверных обстоятельств, входящих в предмет доказывания в соответствии со ст. 73 УПК РФ, т. е. в качестве цели познания дознавателя, следователя, государственного обвинителя и суда выступает та самая «объективная истина».

Именно установление достоверных обстоятельств события (объективной истины) является конечной целью деятельности столь разных субъектов уголовного процесса, осуществляющих специфические функции во имя достижения данной цели. *И следователь, и прокурор, и суд, каждый в рамках своей функции и в пределах представленных им законом полномочий, являются субъектами, познающими истину.*

Вся работа следователя направлена на познание истинного характера обстоятельств, являющихся предметом доказывания. Формулирование обвинительного тезиса и реализация, таким образом, функции уголовного преследования обусловлены *логическим следствием объективного, всестороннего и полного исследования фактов и обстоятельств, ибо уголовное преследование – не цель, а задача следователя, способ реализации его цели – познания объективной истины.*

Следователь *познает истину*, а в определенных случаях и *устанавливает* ее, являясь субъектом, выносящим итоговое решение по делу, например, постановление о прекращении уголовного дела по тем или иным основаниям (при условии отсутствия обжалования данного акта).

Деятельность государственного обвинителя также обусловлена целью познания достоверных обстоятельств события. Он оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению и впра-

ве изменить обвинение или же отказать от него в соответствии уже со своим представлением о характере и степени достоверности установленных фактов и обстоятельств.

И наконец, суд, осуществляя уголовно-процессуальную деятельность, также, безусловно, познает истину, реализуя свою функцию правосудия (разрешения дела по существу) и уже констатирует (презюмирует) так называемую истину «для всех».

Таким образом, и работа следователя, и деятельность суда в сфере уголовного судопроизводства обусловлены *единой целью* – познанием достоверных обстоятельств события – и реализуются посредством использования *общего универсального метода исследования – полноты, всесторонности и объективности познания.*

Однако имеются и существенные отличия доказывания данных участников уголовного процесса, обусловленные различием реализуемых ими функций – уголовного преследования и правосудия.

Ученые выделяют такие разновидности доказывания, как доказывание-познание и доказывание-обоснование. Ю. К. Орлов называет их уровнями доказывания¹⁸, С. А. Шейфер именует доказыванием в широком и узком смысле слова¹⁹.

Эти уровни (разновидности) доказывания тесно переплетаются между собой, однако хронология их воплощения в деятельности участников процесса, а также объем реализации данных уровней доказывания неодинаков.

Процесс познания информации, ее удостоверение и обоснование верности своих суждений неизменно сопровождает доказательственную деятельность, однако он приобретает специфические очертания, будучи обусловлен специфической деятельностью участников уголовного судопроизводства.

Как нами говорилось ранее, доказывание следователя, государственного обвинителя и суда обусловлено общей целью достоверного установления обстоятельств происшедшего события (познанием объективной истины), потому един способ исследования – *объективность, всесторонность и полнота познания обстоятельств события*, представляющий собой **метод установления объективной истины**.

В то же время деятельность следователя до появления процессуальной фигуры обвиняемого (и соответственно, до предъявления обвинения) представляет собой преимущественно *доказывание-познание* (с элементами доказывания-обоснования, осуществляемого для аргументации обоснованности принятия следователем процессуальных решений). При наличии соответствующих оснований следователь формирует и обосновывает тезис о виновности лица в совершении преступления либо при неустановлении правонарушителя процесс доказывания-познания продолжается.

Доказывание же государственного обвинителя представляет собой преимущественно *доказывание-обоснование обвинения* лица (лиц) в совершении преступления.

Деятельность суда как субъекта доказывания представляет собой **доказывание-познание, не связанное с обоснованием какого-либо тезиса относительно виновности или невиновности подсудимого**. Выясняя сведения о преступлении, суд *не формирует доказательства защиты или обвинения, а устанавливает факты и обстоятельства*, связанные с происшедшим событием, осуществляя тем самым *процесс познания*, без которого невозможно постановление достоверного и справедливого судебного решения, реализация защиты прав граждан.

Отдельные элементы реализации судом такого уровня доказательственной деятельности, как **доказывание-обоснование**, имеют место исключительно в рамках обоснования решений о необходимости производства того или иного процессуального действия в целях достоверного познания обстоятельств события.

В ходе судебного следствия сведения о фактах и обстоятельствах преступления, поступающие со стороны обвинения и защиты, выражаемые в соответствующих суждениях государственного обвинителя и защитника, подлежат проверке и оценке судом, в том числе и посредством собирания новых доказательств.

Установленные в процессе уголовного-процессуального познания сведения о фактах и обстоятельствах становятся **доказательствами обвинения или доказательствами защиты** в процессе их *использования соответствующими сторонами, осуществляющими оперирование определенными сведениями в обоснование своей позиции по делу*.

При этом один и тот же факт, существование которого установлено и не оспаривается, может трактоваться сторонами обвинения и защиты диаметрально противоположно, что обуславливает возможность фигурирования в уголовном деле одного и того же факта с различной интерпретацией государственного обвинителя и защитника и в качестве доказательства защиты, и в качестве доказательства обвинения.

Задача суда – установить наличие соответствующего факта, оценить правильность суждения о нем и в конечном итоге сформировать вывод о достоверности исследуемого доказательства. Оценить, при необходимости устанавливая новые факты и обстоятельства и, соответственно, формируя новые доказательства, ибо в ином

случае невозможно вынесение объективного судебного решения.

Суд, осуществляя *доказывание-познание* обстоятельств исследуемого дела (и лишь по итогам судебного разбирательства реализуя *доказывание-обоснование* при вынесении судебного решения), никоим образом не осуществляет обвинительную или защитную деятельность, а исполняет *свою собственную функцию – функцию правосудия*.

Активная деятельность суда не противоречит принципу состязательности уголовного судопроизводства.

Отметим, что и дореволюционные, и советские процессуалисты выделяли три основных составляющих института состязательности: 1) разделение функций обвинения, защиты и разрешения дела по существу; 2) процессуальное равноправие сторон; 3) *активная роль суда* в уголовном процессе в целях установления объективной истины²⁰.

Активность суда в ходе исследования доказательств никогда не противопоставлялась состязательности, а считалась ее неотъемлемым элементом, позволяя в сочетании с активностью сторон осуществить полное и всестороннее уголовно-процессуальное познание в целях установления достоверных обстоятельств события и постановления справедливого и обоснованного процессуального решения²¹.

Потому не думаем, что принцип состязательности препятствует активности суда. Он лишь служит ее естественным ограничителем, позволяя сторонам – участникам процесса – аргументированно обозначать свои позиции по делу и в равной степени давая возможность суду осуществлять познание обстоятельств события, в том числе и путем формирования новых доказательств в целях установления объективной истины.

Бесспорно, состязательность накладывает определенный отпечаток на ха-

рактер и степень активности суда, потому необходимо определение *пределов* судебной активности.

Т. Н. Карабанова, систематизируя мнения ученых о пределах активности судебной деятельности в состязательном уголовном процессе, пришла к выводу, что в целом совокупность мнений о пределах активности суда можно отразить в двух позициях: 1) тезис о наличии субсидиарной (*вспомогательной*) активности суда, необходимой для установления фактического равенства сторон; 2) позиция, направленная на обоснование тезиса о существовании *восполнительной* активности, обусловленной возможностью активного самостоятельного судебного исследования доказательств в случае нереализации полномочий по исследованию доказательств сторонами²².

Концепция активности суда, направленной на обеспечение фактического равенства сторон в уголовном процессе, видится нам несостоятельной. В частности, мы категорически не согласны с позицией И. Оруджова, выделяющего такие основные направления активности суда в процессе доказывания, как: 1) создание процессуальных гарантий сторонам в доказывании; 2) устранение неравенства процессуальных возможностей сторон в ходе предварительного расследования²³.

Мы убеждены, что создание процессуальных гарантий сторонам с целью устранения неравенства их возможностей в доказывании *является прерогативой законодателя, но никак не суда*.

Что касается так называемой «восполнительной» активности, то нельзя не учитывать, что любая деятельность обусловлена *целеполаганием*. Целью суда является установление максимально возможной степени достоверности происшедшего события, являющегося предметом рассмотрения. *И именно для достижения данной цели, а не по ка-*

ким-то другим причинам (никак не для устранения недостатков процессуальной регламентации деятельности следователя или сторон обвинения и защиты и не для восполнения пробелов доказывания, реализуемого сторонами), суд вправе по собственной инициативе осуществлять все возможные процессуальные действия, принимать различные процессуальные решения, необходимые для достижения объективной истины (достоверного установления обстоятельств происшедшего события).

Укажем критерии, определяющие пределы активности суда в состязательном уголовном процессе:

1) активность суда не должна определять движение уголовного дела.

На этот критерий совершенно верно, еще в реалиях действия УПК РСФСР, указывали А. В. Смирнов и К. Б. Калининский²⁴, поскольку в ином случае, очевидно, состязательный процесс неизбежно превратится в розыскной, где судья из беспристрастного исследователя превращается в обвинителя.

Потому совершенно обоснованно вести речь только об *ограниченной активности суда, не заменяющей, а дополняющей активность сторон*;

2) судебная активность не может быть обусловлена целями восполнения недостатков предварительного расследования, доказательственной деятельности сторон обвинения и защиты либо целью устранения пробелов процессуальной регламентации деятельности участников уголовного процесса.

Целеполагание суда обусловлено основным назначением доказывания – установлением объективной истины. Поэтому суду должно быть предоставлено право осуществлять любые судебные действия, *если необходимость их производства про-*

диктована исключительно целью установления достоверных обстоятельств происшедшего события при исследовании доказательств в случае возникших у суда сомнений;

3) пределы активности суда ограничены таким фактором, как проблематичность или же невозможность осуществления судебных действий следственного характера по объективным причинам (например, опознание лица в суде и т. п.).

Теперь перейдем к краткому анализу криминалистической и гносеологической составляющих судебной деятельности.

Анализируя научные определения понятия «криминалистическая тактика», можно выделить *два основных подхода* к определению данной категории, которые, в свою очередь, предопределяют сферу криминалистических рекомендаций и субъектов, применяющих тактико-криминалистические приемы в своей профессиональной деятельности.

В рамках первого подхода под криминалистической тактикой понимается система рекомендаций, направленных на осуществление организации и планирования деятельности участников процесса, определение наиболее эффективных способов их действий, выбор максимально целесообразных линий поведения субъектов доказывания в различных ситуациях²⁵.

Приверженцы *второго подхода* к определению сущности криминалистической тактики трактуют тактику не только как совокупность наиболее эффективных действий и выбор целесообразных линий поведения, реализуемых субъектами уголовного процесса в рамках своих процессуальных функций. Авторы указывают на необходимость учета *специфических условий* реализации своей деятельности участниками уголовного судопроизводства и полагают, что

тактика имеет место лишь при наличии *противодействия интересам субъекта*²⁶.

Анализируя два различных подхода к определению сущности криминалистической тактики, укажем, что нам в большей степени импонирует понимание тактики как деятельности, предопределяемой необходимостью предупреждать и преодолевать непосредственное или опосредованное противодействие интересам субъекта тактики, поскольку в данном случае более точно отражена сущность тактики и ее отличие от других криминалистических категорий (прежде всего, от криминалистической методики).

Мы считаем, что в рамках как первого, так и второго вышеуказанных подходов к определению сущности криминалистической тактики суд *является субъектом, реализующим тактико-криминалистические рекомендации*, по следующим основаниям.

Как нами говорилось ранее, основная гносеологическая цель суда, как и остальных субъектов доказывания, представляющих органы государственной власти (дознателя, следователя, прокурора), – познание достоверных обстоятельств происшедшего события, именуемых объективной истиной.

Деятельность же *адвоката-защитника* в уголовном процессе имеет существенную специфику, обусловленную его односторонней функцией защиты интересов доверителя. Защитник не вправе каким-либо образом ухудшать положение своего подзащитного или же отказаться от принятой на себя защиты, а потому он не является субъектом, чье целеполагание предопределено необходимостью установления истины.

Функция защиты обуславливает важнейшие особенности уголовно-процессуального познания обстоятельств дела адвокатом-защитником. Их суть очень точ-

но отражена адвокатом Э. Д. Синайским: «Адвокат – очень своеобразная фигура. Он отличается от всех людей. Почему? Потому что люди обычно идут от фактов к выводам: суд, прокурор, следователь – они выясняют все обстоятельства дела и приходят к обоснованному выводу. А как мыслит адвокат? Он идет от желаемого вывода к фактам... Он подводит все факты, которые выявляет в материалах дела, именно к этому желаемому выводу... Это его специфический образ мышления и действия, оправданный законом, потому что в законе сказано, что адвокат выявляет все обстоятельства, опровергающие обвинение и говорящие в пользу его подзащитного... Поэтому, идя к определенному желаемому выводу, он и ищет аргументы в его пользу... По существу, к адвокату могут быть предъявлены только такие требования: прежде всего, добросовестно исполняя все те обязанности, которые на него возложены законом, не допускать никаких незаконных средств и методов, не вводить суд в заблуждение»²⁷.

Во многом деятельность защитника направлена на установление истины, однако выявление достоверных обстоятельств события защитником не может носить безусловный и всеобъемлющий характер в силу его односторонней функции.

Специфика процессуальной регламентации деятельности *адвоката-защитника* по сравнению с субъектами доказывания – государственным обвинителем и судом в уголовном процессе – является заведомой предпосылкой возникновения конфликтности в судебном разбирательстве, обусловленной различием гносеологической и процессуальной составляющих деятельности суда и адвоката-защитника.

Обратившись же к деятельности следователя (дознателя), государственно-го обвинителя и суда, нельзя не отметить,

что, несмотря на общее, единое гносеологическое целеполагание их процессуальной деятельности – установление достоверных обстоятельств события (объективной истины), данные субъекты в силу различного опыта, неодинаковой профессиональной компетентности, да и просто, наконец, индивидуальности каждой личности, имеют различные воззрения относительно объема и пределов доказывания при рассмотрении конкретного уголовного дела, поскольку оценивают доказательства на основе внутреннего убеждения и зачастую имеют неодинаковое представление о степени достоверности установленных фактов и обстоятельств.

Поэтому такой фактор, как оценка доказательств субъектами доказывания на основании внутреннего убеждения, весьма часто обуславливает необходимость достаточно активной деятельности суда для прояснения обстоятельств события в целях познания объективной истины.

Далее, анализируя особенности судебного разбирательства уголовных дел с позиций гносеологии, нельзя не учитывать, что общий порядок судебного разбирательства зачастую характеризуется наличием двух различных позиций сторон обвинения и защиты, по-разному, часто диаметрально противоположно трактующих факты и обстоятельства происшедшего события. Государственный обвинитель и защитник различно интерпретируют как событие в целом, так и отдельные его эпизоды, в разных ракурсах анализируя степень доказанности виновности в совершении преступления конкретных лиц, объем и форму их вины.

Основной же гносеологической целью разрешающего дело судьи является выявление максимально **достоверных** фактов и обстоятельств, являющихся предметом судебного исследования.

Потому первоочередная задача судьи – выявить, определить **правдивую** информацию.

Если суждения сторон противоположны, носителем достоверной информации будет являться только одна сторона, поскольку существуют основополагающие законы логики: закон «противоречия» и закон «исключенного третьего».

Данные законы гласят: **из двух противоположных высказываний только одно будет являться истинным.** Два суждения, одно из которых формулирует отрицание другого, не могут быть одновременно ложными и одновременно истинными.

При этом субъекты, оперирующие недостоверной информацией, равно как и причины, лежащие в основе вовлечения в процесс ложной информации, могут быть самыми разными. Недостоверную информацию могут предоставлять и государственный обвинитель, и защитник, и свидетели (как со стороны обвинения, так и со стороны защиты), и обвиняемые, и потерпевшие.

Вовлечение ложных сведений в сферу уголовно-процессуального познания может носить умышленный характер в силу реализации желания скрыть или исказить информацию с целью противодействия объективному судебному разбирательству либо совершаться невольно, непредумышленно (преимущественно, при интерпретации событий на основании недостоверной или неверно понятой информации).

При этом при наличии двух противоположных суждений истинным будет только одно. Если же имеют место не прямо противоположные, но во многом расходящиеся суждения, связанные с неоднозначной интерпретацией фактов и обстоятельств, то одни суждения будут являться более достоверными (прибли-

женными к истинным), другие же ложными либо ввиду прямого противодействия, либо непредумышленного воспрепятствования.

В любом случае, либо непреднамеренное воспрепятствование правосудию, либо прямое противодействие осуществлению такого **всегда присутствует при наличии двух противоположных суждений** (либо возможно комплексное сочетание этих двух форм «помех» судебной деятельности по установлению достоверных обстоятельств произошедшего события).

Таким образом, **при рассмотрении уголовного дела в суде в общем порядке всегда имеет место наличие препятствий реализации целей судебной деятельности – установлению достоверной информации о характере произошедшего события.**

Задача судьи – преодолеть умышленное либо непредумышленное воспрепятствование установлению достоверных сведений, всегда имеющее место

при наличии противоположных, различных суждений и интерпретаций фактов и обстоятельств исследуемого события. **Именно на преодоление данного воспрепятствования и направлена вся деятельность судьи в ходе судебного следствия.**

Чем же является данная деятельность, как не тактикой?

Суд – это главный субъект криминалистической тактики, субъект тактики в высшей степени, поскольку именно суд ставит решающую точку в споре сторон обвинения и защиты, презюмируя достоверность установленных фактов и обстоятельств.

Защита прав личности, интересов общества и государства как важнейшая цель судебной деятельности немыслима без достоверного установления фактических обстоятельств события, познания объективной истины, что прямо предопределяет необходимость реализации судом тактико-криминалистических и методических рекомендаций.

¹ См.: Кисленко С. Л. Тактика судебного следствия и ее место в системе криминалистики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002 ; Сычева О. А. Тактика судебного следствия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2009 ; и др.

² См.: Корчагин А. Ю. Организационно-тактические и методические основы криминалистического обеспечения судебного разбирательства уголовных дел : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007 ; Гавло В. К., Ким Д. В. Тактика и методика судебного следствия есть сфера приложения научного потенциала криминалистики // Актуальные вопросы криминалистического обеспечения уголовного судопроизводства : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск, 2010.

³ См.: Гавло В. К., Жегалов Е. А. Тактика и методика судебного следствия // Известия Алтайского государственного университета. 2004 ; Зеленский В. Д., Корчагин А. Ю. Общая характеристика криминалистического обеспечения судебного разбирательства уголовных дел // Криминалистические проблемы судебного разбирательства уголовных дел : материалы Всерос. науч.-практ. конф., 24–25 мая 2007 г. Краснодар, 2007.

⁴ См.: Гармаев Ю. П., Кириллова А. А. Криминалистическая методика судебного разбирательства по уголовным делам об убийствах (ч. 1 ст. 105 УК РФ) : теоретические основы и прикладные рекомендации. М., 2015 ; Ким Д. В., Ануфриева Е. А. О криминалистическом обеспечении судебного разбирательства по делам о коррупцион-

ных преступлениях, совершаемых сотрудниками ОВД // Известия Алтайского государственного университета. 2011. № 2-1 (70).

⁵ См., напр.: *Тумашов С. А.* Принцип состязательности сторон и его роль в обеспечении прав участников уголовного судопроизводства // Обеспечение прав и свобод личности в уголовном судопроизводстве. Волгоград, 2003. С. 73–74.

⁶ См.: *Лазарева В. А.* Доказывание в уголовном процессе : учеб.-практ. пособие. М., 2010.

⁷ См.: *Мизулина Е. Б.* Уголовный процесс : концепция самоограничения государств : дис. ... д-ра юрид. наук. Ярославль, 1991. С. 91–100 ; *Лазарева В. А.* Доказывание в уголовном процессе. М., 2009. С. 40 ; *Карякин Е. А.* Проблемы процессуального доказывания в российском уголовном судопроизводстве на основе принципа состязательности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Оренбург, 2002 ; и др.

⁸ *Мезинов Д. А.* Допустима ли активность суда в состязательном судебном следствии по уголовно-процессуальному кодексу РФ? // Ученые записки. Вып. 4 : сб. науч. трудов Западно-Сибирского филиала Российской академии правосудия (г. Томск). Томск, 2010.

⁹ См.: *Брестер А. А.* Цель уголовного процесса и ее значение для определения метода уголовно-процессуальной деятельности // Вестник Санкт-Петерб. ун-та. Сер. 4. Вып. 1. 2012. С. 81.

¹⁰ *Мезинов Д. А.* Указ. соч.

¹¹ См.: *Баев О. Я.* Следователь (основы теории и практики деятельности). М., 2017 ; *Тишкова Е. И.* Следователь как субъект уголовного преследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2003 ; и др.

¹² См.: *Азаров В. А., Ревенко Н. И., Кузембаева М. М.* Функции предварительного расследования в истории и практике уголовного процесса России. Омск, 2006 ; *Колодко В. В.* Уголовно-процессуальная функция расследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2013 ; *Берова Д. М.* К вопросу о процессуальной функции следователя в уголовном судопроизводстве // Общество и право. 2009. Вып. 3 (25).

¹³ См.: *Быков В. М.* Следователь как участник уголовного процесса со стороны обвинения // Законность. М., 2012. № 7 ; *Францифоров Ю. В., Ванин Д. В.* Функциональное назначение деятельности следователя и его полномочия в состязательном уголовном процессе. М., 2013.

¹⁴ См.: *Строгович М. С.* Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1. С. 226.

¹⁵ См.: *Гуляев А. П.* Следователь в уголовном процессе. М., 1981 ; *Ларин А. М.* Расследование по уголовному делу : процессуальные функции. М., 1986.

¹⁶ См.: *Гуськова А. П.* К вопросу об уголовно-процессуальной функции следователя // Вестник ОГУ. 2013. № 3. С. 61 ; *Баев О. Я.* Указ. соч. С. 35 ; и др.

¹⁷ См.: *Баев О. Я.* Указ. соч. С. 35.

¹⁸ См.: *Орлов Ю. К.* Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. М., 2009. С. 32–33.

¹⁹ См.: *Шейфер С. А.* Доказательства и доказывание по уголовным делам : проблемы теории и правового регулирования. М., 2014.

²⁰ См.: *Фойницкий И. Я.* Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1902. Т. 1 ; *Викторский С. И.* Русский уголовный процесс. М., 1912 ; *Алексеев Н. С., Даев В. Г., Кокорев Л. Д.* Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж, 1980 ; *Добровольская Т. Н.* Принципы советского уголовного процесса. М., 1971 ; *Якуб М. Я.* Демократические основы советского уголовно-процессуального права. М., 1960 ; *Полянский Н. Н.* Вопросы теории советского уголовного процесса. М., 1956 ; *Строго-*

вич М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1 ; Полянский Н. Н., Строгович М. С., Савицкий В. М., Мельников А. А. Проблемы судебного права. М., 1983.

²¹ См.: Полянский Н. Н. Вопросы теории советского уголовного процесса. М., 1956.

²² См.: Карбанова Т. Н. Роль суда в доказывании в уголовном процессе Российской Федерации // Вестник РУДН. Сер.: Юридические науки. 2007. № 1. С. 55–56.

²³ См.: Оруджов И. Асад оглы. О пределах активности суда в уголовном судопроизводстве // Евразийский юридический журнал. URL: https://www.eurasialaw.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=2395:2011-09-22-04-40-29&catid=238:2011-09-07-09-22-58

²⁴ См.: Смирнов А. В. Комментарий // Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. СПб., 1997. С. 209 ; Калиновский К. Б. Законность и типы уголовного процесса : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1999. С. 72.

²⁵ См.: Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Россинская Е. Р. Криминалистика : учебник для вузов / под ред Р. С. Белкина. 2 изд., перераб. и доп. М., 2004. С. 453 ; Возгрин И. А. Криминалистическая тактика : понятие и предмет исследования // Вестник Санкт-Петерб. ун-та МВД России. 1999. № 1. С. 47–50 ; Криминалистика : учебник для бакалавров / отв. ред. Е. П. Ищенко. М., 2015. С. 181 ; Яблоков Н. П. Криминалистика : учебник для вузов. М., 2014. С. 173 ; и др.

²⁶ См.: Баев О. Я. Понятие криминалистической тактики, ее научные основы и система // Баев О. Я. Избранные работы : в 2 т. Т. 1. Воронеж, 2011 ; Бахин В. П. Понятие, сущность и содержание криминалистической тактики. Киев, 1999 ; Гавло В. К., Жегалов Е. А. Тактика и методика судебного следствия // Известия Алтай. гос. ун-та. 2004. № 2.

²⁷ Синайский Э. Д. Об адвокатской этике. Лекция 13 января 1965 г. М., 2015. С. 46.

Центральный филиал Российского
государственного университета правосудия

Комбарова Е. Л., кандидат юридических
наук, доцент кафедры судебной экспертизы
и криминалистики

E-mail: kombarova.elena.80@mail.ru
Тел.: 8-950-768-77-80

Central Branch of the Russian State University
of Justice

Kombarova E. L., Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Judicial Examination
and Criminalistics Department

E-mail: kombarova.elena.80@mail.ru
Tel.: 8-950-768-77-80

В. А. Мещеряков, С. Н. Хорунжий

Воронежский государственный университет

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЧЕРКОВЫХ ОБЪЕКТОВ НА СОВРЕМЕННОМ УРОВНЕ РАЗВИТИЯ КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

А н н о т а ц и я: в статье предпринята попытка взглянуть на методологические основы современной почерковедческой экспертизы, показав необходимость минимизировать субъективную оценку лица, проводящего исследование. Внедрение современных информационных технологий, использование численных моделей графического описания почерка позволят повысить объективность получаемых результатов. Представлен образец простейшего технического устройства, воспроизводящего почерковый объект, и приведена оценка его стоимости. Обозначен вопрос о необходимости переоценки личной росписи как доказательства совершения лицом соответствующих юридически значимых действий.

К л ю ч е в ы е с л о в а: почерковедческая экспертиза, идентификация.

CURRENT PROBLEMS OF JUDICIAL INVESTIGATIONS HANDWRITING FACILITIES AT THE MODERN LEVEL OF DEVELOPMENT OF COMPUTER TECHNOLOGIES

A b s t r a c t: in article an attempt to look at methodological bases of modern handwriting examination is made, having shown need to minimize value judgment of the person conducting a research. Introduction of modern information technologies, use of numerical models of the graphic description of handwriting will allow to increase objectivity of the received results. The sample of the simplest technical device reproducing a handwriting object is presented and assessment of its cost is given. The question of need of reevaluation of personal painting as proofs of commission by the person of the corresponding legally significant actions is designated.

Key words: handwriting examination, identification.

Поступила в редакцию 4 сентября 2017 г.

В настоящее время в повседневной криминалистической деятельности, несмотря на бурное развитие компьютерных технологий и широкое внедрение биометрических способов идентификации личности, цифровой подписи для подтверждения юридических фактов, по-прежнему широко используются собственноручные подписи и рукописные тексты юридически значимых документов.

Вследствие этого в уголовном и гражданском процессе очень часто встречаются ситуации, когда в ходе судебного рассмотрения или предварительного следствия рассматриваются письменные документы и используются доказательства, основанные на заключении эксперта-почерковеда.

Анализ специальной литературы показал, что методические основы отечественной почерковедческой экспертизы заложены в 60–70-х гг. прошлого тыся-

челетия¹ и связаны с работами Л. А. Винберга, М. В. Шванковой, Е. Е. Добросоцкой, И. Л. Корнеевой, П. Г. Кулагина, Н. И. Шахтарина и ряда других. В настоящее время общая методика проведения почерковедческого исследования особых изменений не претерпела.

По имеющейся в доступной литературе информации в этот период была проведена большая работа по формированию эталонного банка образцов почерка (несколько тысяч экземпляров), на основе которых были определены общие и частные признаки почерка, получены оценки их частоты встречаемости и идентификационной значимости, а также сформированы основные подходы к проведению экспертного исследования, в основу которого был положен качественно-описательный метод².

В самом общем и укрупненном виде методика идентификационного почерковедческого исследования заключается в проведении экспертом следующей последовательности действий.

1. Раздельное изучение исследуемых объектов (подписей, рукописных записей) и образцов почерка проверяемых лиц, выделение общих и частных признаков.

2. Сравнительное исследование представленных материалов, в ходе которого по выделенным на первом этапе общим и частным признакам отмечаются все возникшие совпадения и различия. При оценке совпадений и различий эксперт исходит из существенности, устойчивости и значимости выявленных совпадающих и различающихся признаков, а также их общего количества.

3. Формирование вывода по итогам проведенного экспертного исследования.

При этом, используя одну и ту же методику проведения идентификационной почерковедческой экспертизы, разные эксперты могут выявить различное количество идентификационных призна-

ков, по-разному оценить выявленные совпадения и различия этих признаков. В результате по одному и тому же исследуемому объекту у различных экспертов могут получиться совершенно противоположные (иногда даже категоричные) выводы. Во многом это связано с тем, что используемые идентификационные признаки в большинстве своем носят качественный, субъективно-оценочный характер (например, «сильно выраженный», «слабо выраженный» и т. п.) и формируются на основе субъективной оценки эксперта.

Субъективизм также присутствует при оценке существенности, значимости и устойчивости выделяемых признаков. Даже в том случае, если признак имеет понятную количественную характеристику (например, размер почерка), то его, как правило, не используют при решении задачи идентификации в «чистом» цифровом виде (не измеряют геометрически в миллиметрах), а сводят к одному из качественных значений из принятого набора. Например, по размеру почерка может быть «крупным», «средним» или «мелким». При этом границы отнесения реального экземпляра почеркового объекта к одной из качественных характеристик не установлены четко, а сформулированы в виде числового диапазона. Например, размер почерка от 5 мм и более считается «крупным», а 3–5 мм признается «средним».

Наличие значительного субъективизма присутствует практически на всех этапах почерковедческого исследования. Так, на этапе раздельного исследования разные эксперты могут неоднозначно оценивать общие и частные признаки в исследуемых рукописных материалах. В качестве примера можно привести неоднозначную оценку таких признаков, как степень выработанности, координация движений и темп исполнения, преобладающая форма движений, связность.

В пограничных случаях одним экспертом степень выработанности может быть определена как средняя, а вторым как выше средней или высокая.

При оценке существенности, значимости и устойчивости выявленных признаков, установлении совпадений и различий эксперты ориентируются в основном на личный опыт, поскольку официальных (нормативно установленных) данных об идентификационной значимости частных признаков почерка практически не существует. Даже справочных материалов, подготовленных по данному вопросу в государственных судебно-экспертных учреждениях или авторскими коллективами наиболее авторитетных экспертов, крайне мало.

В целях повышения объективности и достоверности выводов эксперта-почерковеда дополнительно к основному качественно-описательному методу были разработаны и внедрены в практику некоторые количественные методы. Однако их применение на практике крайне ограничено в силу их трудоемкости, а порой и нежелания эксперта применять дополнительные усилия для подкрепления своего вывода.

Такое «вольное» отношение экспертов-почерковедов к использованию существующего методического подхода приводило к тому, что правоприменитель (следователь или судья) сталкивался с ситуацией, когда приходилось оценивать противоположные заключения различных экспертов, полученные на одном и том же исходном материале.

В качестве примера можно привести следующую позицию суда, «переоценившего» сформулированные ранее экспертные выводы: «расхождение выводов данного заключения с предыдущим... объясняется тем, что для дополнительной экспертизы судом представлены дополнительные свободные и эксперимен-

тальные образцы почерка и подписи..., в которых отобразились частные признаки почерка исполнителя, не проявившиеся в ранее представленных экспертам образцах почерка и подписи. С учетом того, что эксперты при производстве дополнительной экспертизы располагали большим количеством сравнительного материала, это позволило всесторонне проанализировать особенности письменно-двигательного навыка исполнителя. Эксперты также пришли к выводу о вариационности почерка, включая признаки намеренного искажения почерка как в исследуемых подписях, так и в представленных ранее образцах³.

Таким образом, суд также использует достаточно субъективные и слабо формализованные в юридическом смысле критерии: «частные признаки почерка», не проявившиеся ранее; «всесторонний анализ письменно-двигательного навыка», «вариационность почерка», включающая «признаки намеренного искажения».

Сложившееся положение не является каким-то уникальным для задач идентификации в криминалистике. Оно во многом предопределено технологическими и инструментальными возможностями прошлого столетия, когда вся подготовительная и измерительная работа выполнялась человеком вручную. Совершенно невозможно было представить в тот временной период, каким образом можно использовать несколько сотен или даже тысяч количественных признаков для получения практического результата в ходе экспертного исследования.

В связи с этим возникла необходимость компенсировать реально существовавшие технические и технологические трудности, а иногда и обусловленные ими допускаемые методические погрешности экспертного исследования, некоторым набором процессуальных мер. В частности, проведения повторной или допол-

нительной экспертизы, а в ряде случаев назначения комиссионной экспертизы. В этом случае задача правоприменителя еще более усложнялась, поскольку он рисковал получить в ответ на поставленный вопрос несколько заключений с выводами, противоречащими друг другу.

В результате для правоприменителя все фактически сводилось к выбору одного из двух допустимых законодательством вариантов поведения. При этом, как показывает практика, оба пути фактически являются тупиковыми.

Первый вариант – правоприменителю самостоятельно вникать в суть (методику) экспертного исследования, фактически становясь экспертом-почерковедом, и повторить уже выполненное экспертами исследование (или мысленно смоделировать этот процесс), подтверждая сделанные ими выводы или выявляя допущенные ошибки.

Второй вариант – по каким-то критериям выбрать из множества экспертов одного, заключение которого следует признать более обоснованным.

Следователь или судья не обладают необходимым набором знаний для того, чтобы детально оценить проведенные каждым из экспертов исследования. Если бы у них такие знания были, и они были бы доступны и очевидны для юристов (каковыми являются судья, следователь и дознаватель), то назначение экспертизы (как установленной процессуальным законодательством формы привлечения специальных знаний) не потребовалось бы вообще. Ввиду очевидного отсутствия таких знаний ни судья, ни иной профессиональный участник судопроизводства – юрист не смогут проверить качество проведенного экспертного исследования и выявить допущенные ошибки.

Предусмотренный действующим процессуальным законодательством для этого случая вариант – приглашение специ-

алиста, который смог бы дать необходимые пояснения правоприменителю, – еще больше запутывает дело, поскольку в решение вопроса вовлекается еще один участник, вносящий свое субъективное и зачастую менее весомое мнение, поскольку он не видит реальных образцов и не проводит реального экспертного исследования.

В связи с изложенным на практике чаще всего используют второй вариант разрешения возникшей ситуации.

Оценивание уровня подготовки эксперта чаще всего представляется более предпочтительным. Для этой задачи гораздо легче найти юридически значимые критерии оценки. Например, квалификацию эксперта измерить наличием дипломов об образовании, учеными званиями и степенями, стажем работы по специальности, местом работы, свидетельствами о прохождении переподготовки в уважаемом и аккредитованном учебном заведении и т. п.⁴

В результате, ничего не понимая в сути конкретной выполненной экспертной работы, правоприменители начинают слепо доверять личности эксперта, обладающего большим набором указанных юридически закрепленных признаков. Как следствие, правоприменитель начинает заведомо отдавать предпочтение одному из доказательств (заключению, подготовленному более титулованным экспертом), что прямо противоречит действующему процессуальному законодательству. Правоприменительная практика Верховного суда Российской Федерации и существовавшего ранее Высшего Арбитражного суда также не дает ответа на возникающие в связи с этим затруднения⁵.

Устранение всех изложенных проблем, как нам представляется, возможно благодаря модернизации методического обеспечения почерковедческих экспертиз за счет более активного применения математических методов обработки изобра-

жений и возможностей современной оптоэлектронной и компьютерной техники.

В настоящее время появился целый арсенал компьютерной и специальной оптоэлектронной техники, способной качественно изменить подходы к решению задач проведения почерковедческой экспертизы. Так, в частности, созданы фотокамеры со светочувствительными матрицами, насчитывающими более 40 Мп, позволяющие получать изображения текстовых документов очень высокого качества. В сочетании с качественной оптикой и многоспектральной подсветкой изображения такими фотокамерами можно получать изображения, позволяющие формировать соответствующие образцы, на основе которых могут решаться не только задачи почерковедческой экспертизы, но и задачи технико-криминалистического исследования документов.

В последние годы серьезное развитие получили математические методы анализа изображений (методы Фурье преобразований, вейвлет-анализа, сплайн-моделирования, методы теории искусственного интеллекта и нейронных сетей и целый ряд других), для удобной и эффективной работы с которыми созданы мощные программные инструменты (Photoshop, Matlab, 3D Max и др.).

Успехи данного направления иллюстрируются значительным количеством успешно реализованных коммерческих проектов, связанных с распознаванием (восприятие содержания) и идентификацией (установление принадлежности) почерка⁶, голоса⁷ и изображения⁸ (лица, пальцев, ладони рук и т. п.).

К сожалению, успехи в данном направлении не остались за пределами внимания криминального мира. Сегодня требуется весьма невысокий уровень образования и специальной подготовки для того, чтобы с помощью широко доступ-

ных современных аппаратных средств и распространенного специального программного обеспечения создавать очень качественные подделки почерковых объектов.

В качестве примера реальности таких возможностей с помощью «подручных средств» и минимального бюджета создано примитивное устройство на базе программируемого микроконтроллера Arduino Nano v3.0 и базового набора конструктора по робототехнике для детей возрастной категории «12+», позволяющее формировать почерковые объекты с использованием пишущего узла гелевой авторучки (рисунок). В данном устройстве воспроизводимая подпись представляется в виде массива координат опорных точек образующих подпись линий. Данные из этого массива последовательно считываются и используются для задания направления перемещения пишущего узла. Шаг использованных авиамодельных сервоприводов достаточно мал. Это в сочетании с естественной инерционностью прижатого весом трех обычных гаек М6 пишущего узла гелевой ручки создают естественную плавность формируемых движений.

Безусловно, получаемые с использованием данного примитивного устройства копии подписей легко распознаются экспертом самой низкой квалификации. Однако следует отметить, что бюджет данного устройства не превышает 500 рублей (самый дорогой элемент – батарейка «Крона»), и если его увеличить на один или два порядка (в основном для совершенствования механических компонент перемещения пишущего узла и использования прецизионных шаговых двигателей), то можно смело рассчитывать на получение очень качественных образцов подписей. Для примера, современные китайские фрезерные станки с числовым программным управ-

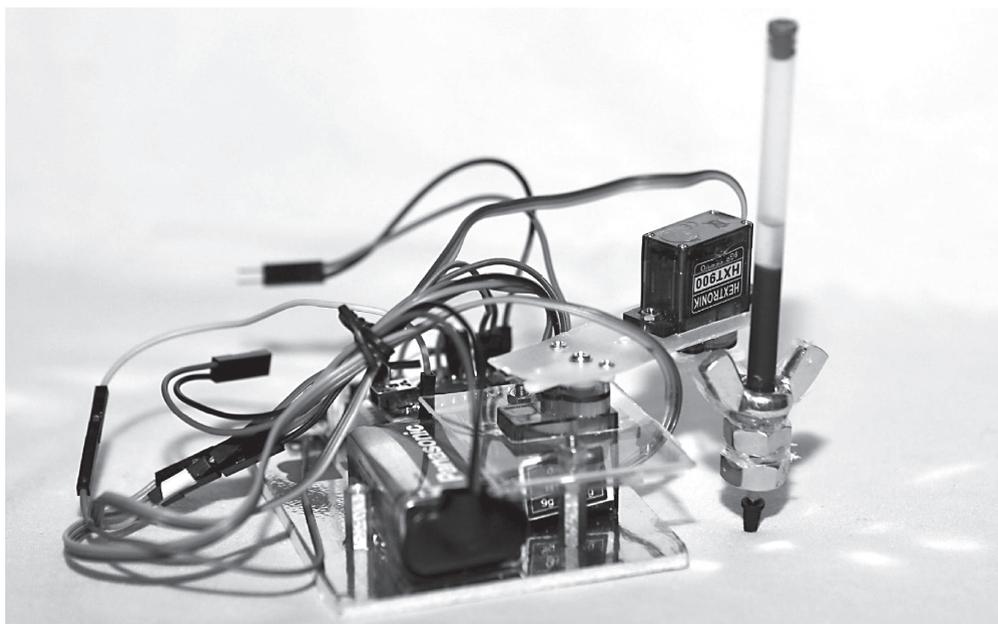

Рисунок. Внешний вид устройства создания почерковых объектов

лением стоимостью около 10 000 рублей реализуют практически весь арсенал необходимых возможностей, осуществляя перемещение не только по двум координатным осям. Они также позволяют изменять глубину обработки детали (в нашем случае это степень нажатия на пишущий узел). Стоимость настольных пятикоординатных фрезерных станков, обеспечивающих точность позиционирования инструмента (в нашем случае – пишущего узла ручки) до 0,01 мм, в настоящее время варьируется в диапазоне 100–150 тыс. рублей и легко доступна злоумышленникам.

При этом отметим, что соответствующее оборудование уже сравнительно давно и легально используется для воспроизведения почерка. Например, известны случаи дистанционного авторского подписания экземпляров книг своим поклонникам с помощью роботизированной руки. Автор произведе-

ния находился на одном континенте, а свои подписи читателям ставил на экземплярах книги в книжном магазине на другом континенте. При этом весь процесс транслировался по видеосвязи, и сомнений в авторстве получаемой подписи ни у кого не возникало⁹.

Таким образом, необходимость активного внедрения в теорию и методологию почерковедческих исследований математических методов и компьютерных технологий давно уже назрела.

Подводя итог изложенному выше, можно сделать следующие выводы.

1. Отсутствие четких алгоритмизированных методик проведения почерковедческой экспертизы, использующих числовые метрики, и использование исключительно (или в значительном количестве) качественных идентификационных признаков, определяемых на основе субъективной оценки эксперта, приводит к обоснованным сомнениям отно-

сительно их соответствия современному уровню технического развития и требованиям науки. Как следствие, возникает сомнение в эффективности их применения в юридической практике.

2. Достигнутый уровень развития информационных технологий и компьютерной техники позволяет воспроизводить любые образцы почерковых объектов с очень высоким качеством. Это ставит под сомнение возможность решения задач сколь-нибудь достоверного определения авторства текста и в первую очередь подписи только методами почерковедческой экспертизы. Для качественного решения идентификационных задач возникает объективная необходимость комплексного исследования представленного почеркового объекта с привлечением методов иных видов экспертиз (технико-криминалистической экспертизы документов, биологической экспертизы, одорологической экспертизы и ряда других). Отсюда вытекает необходимость установления более жестких требований по работе с почерковыми объектами и их носителями (упаковка, транспортировка, хранение, фотофиксация и т. п.) на месте происшествия и при проведении экспертного исследования.

3. Криминалистический анализ сложившейся в настоящее время ситуации с методами экспертного исследования и возможностями искусственного воспроизведения почерковых объектов указывает на необходимость пересмотра доминирующей роли собственноручной подписи человека как универсального средства фиксации его личного участия в юриди-

чески значимых действиях (подписании соответствующих юридических документов). Все это, в свою очередь, требует активной проработки вопроса о выборе современных и подходящих для каждого из юридически значимых действий средств аутентификации и идентификации человека, который их осуществляет.

4. Возникающие на практике трудности требуют нового подхода в вопросах квалификации волеизъявления лица – соотношения воли лица и «подлинности» его подписи: фактическое разделение идентификационных (в части графически достоверного исполнения подписи) и аутентификационных аспектов (субъекта/механизма, ее выполнившего) позволяет говорить о возможном экспертном признании подлинности произведенной подписи (идентичности с представленным образцом подписи автора) при одновременном исключении факта исполнения данной подписи конкретным физическим лицом (невозможности аутентификации данного субъекта). Последнее дает возможность, например, установить принадлежность поставленной в юридически значимом документе подписи конкретному лицу (средствами почерковедческой экспертизы), но исключить ее собственноручное исполнение (например, средствами технико-криминалистической экспертизы документов). Это в свою очередь позволит дезавуировать значение такой «подлинной» подписи в качестве действия, которое влечет возникновение, изменение или прекращение юридически значимых последствий.

¹ См.: Винберг Л. А., Шванкова М. В. Почерковедческая экспертиза. Волгоград, 1977; Судебно-почерковедческая экспертиза. М., 1971; Экспертная практика. М., 1975.

² См.: Корнеева И. Л. Общие и частные признаки почерка. М., 1975.

³ См.: Постановление ФАС Северо-Западного округа от 10 декабря 2010 г. по делу № А05-20161/2009.

⁴ См.: *Жижина М. В.* Проблема определения экспертного учреждения (эксперта) при назначении экспертизы в гражданском и арбитражном процессах // Информационно-аналитический журнал «Арбитражные споры». 2016. № 2. С. 113–121.

⁵ См.: О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе : постановление Пленума ВАС РФ от 4 апреля 2014 г. № 23.

⁶ См.: *Шморгун Е.* Почерк нейронной сети притворяется почерком человека. URL: <https://geektimes.ru/post/259230> (дата обращения: 01.09.2017).

⁷ См.: *Краснянская А.* Система распознавания речи Microsoft достигла человеческого уровня. URL: <https://geektimes.ru/post/281652/> (дата обращения: 01.09.2017).

⁸ См.: *Коломиец В.* Анализ существующих подходов к распознаванию лиц. URL: <https://habrahabr.ru/company/synesis/blog/238129/> (дата обращения: 01.09.2017).

⁹ См.: *Иванов Н. А.* Компьютерные технологии подделки рукописных почерка и подписей // Эксперт-криминалист. 2011. № 2. С. 5–7.

Воронежский государственный университет

Мещеряков В. А., доктор юридических наук,
профессор кафедры криминалистики

E-mail: digitprof@yandex.ru

Хорунжий С. Н., кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права и процесса

E-mail: snhor@mail.ru

Voronezh State University

Meshcheryakov V. A., Doctor of Legal Sciences,
Professor of the Department of Criminalistics

E-mail: digitprof@yandex.ru

Khorunzhiy S. N., Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department of Civil law
and Civil Process

E-mail: snhor@mail.ru

А. Л. Пошвин

Центральный филиал Российского государственного университета правосудия

ВОЗМОЖНОСТИ СУДЕБНО-ПОЧЕРКОВЕДЧЕСКИХ ДИАГНОСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

А н н о т а ц и я: статья содержит информацию о существующих методиках по установлению пола и возраста исполнителей рукописных текстов и их возможностях.

К л ю ч е в ы е с л о в а: почерковедческая экспертиза, рукописные тексты, методики исследования почерка, диагностика лица по почерку.

THE POSSIBILITIES OF DIAGNOSTIC JUDICIAL HANDWRITING STUDIES DURING THE PROCESS OF CRIMINAL CASES INVESTIGATION

Abstract: this article contains information on existing methods of age and sex establishing of handwritten texts performers, the possibilities and some results of their practical application in the Forensics Department of the Authority of Federal Drug Control Service of the Russian Federation in Voronezh region.

Key words: handwriting analysis, handwriting, handwriting methods of investigation, diagnosis person's handwriting.

Поступила в редакцию 19 сентября 2017 г.

В связи с тем, что результаты диагностических почерковедческих исследований на ранней стадии расследования уголовных дел позволяют получать объективные данные, которые заметно сужают круг потенциальных исполнителей исследуемых рукописей, в последнее время они приобрели большую актуальность и стали очень востребованы в деятельности правоохранительных органов.

Диагностика (от греч. *diagnostikos* – учение о методах и принципах распознавания) является особой формой познавательной деятельности человека, направленной на распознавание сущности и состояния объектов, явлений материального мира и возможности их практического исследования¹. Таким образом, диагностика позволяет распознать сходство

объекта с ранее известным, дифференцировать его от ему подобных и определить его свойства, качества, состояния и т. д.²

К задачам диагностических исследований почерка относится определение:

1) общефизических свойств личности исполнителя (например, пола, возраста и т. д.);

2) психофизиологических и патологических состояний личности в момент исполнения рукописи;

3) различных навыков писавшего: профессиональных, стенографических, чертежных и т. д.;

4) социально-демографических данных о личности (например, национальность, уровень образования и т. д.);

5) индивидуальных качеств личности (например, аккуратность, неряшливость и т. д.).

Все перечисленные задачи диагностических исследований направлены на

сужение круга предполагаемых исполнителей, т. е. на установление групповой принадлежности исполнителя рукописи, так как дают определенные сведения о писавшем и с каждой новой характеристикой позволяют уменьшать число предполагаемых исполнителей³.

Из всего спектра обозначенных диагностических задач наиболее востребованными практикой являются задачи установления пола и возраста исполнителя.

На практике наибольшее распространение получили методики установления по почерку пола исполнителя.

Так, в 1970 г. коллективом авторов ВНИИ МВД СССР впервые была предложена методика дифференциации рукописей на мужские и женские⁴. Разработка данного метода осуществлялась на 480 рукописях, выполненных высоковыработанным почерком, в процессе чего разработчики установили комплекс признаков, наиболее информативными из которых оказались 21. У каждого из признаков существует свой весовой коэффициент, являющийся количественным показателем его информативности в процессе установления пола исполнителя исследуемой рукописи. Десять признаков с коэффициентом в пределах от 1,3 до 2,43 наиболее распространены в почерках мужчин, а 11 признаков с коэффициентом в пределах от 0,35 до 0,82 чаще встречаются в рукописях женщин.

К достоинствам метода необходимо отнести несложность методики и высокий процент надежности, но обязательными условиями его применения являются обычность выполнения исследуемой рукописи, достаточный объем (не менее одной страницы стандартного листа бумаги) и высокая степень выработанности почерка⁵.

Необходимо остановиться на работе коллектива авторов ВНИИСЭ МЮ

СССР, которые в 1974 г. предложили метод распознавания по мало- и средневыработанному почерку возраста и пола исполнителя рукописи⁶. В основе данного метода лежит математический подход при обработке признаков путем оценки суммы их коэффициентов. Половая принадлежность данным методом выявляется после определения возраста исполнителя. Учитывая, что возможность распознавания пола находится в прямой зависимости от уровня образования пишущего, уверенно определить пол исполнителя рукописи можно начиная с возраста школьников 7-го класса. Для этих целей в соответствующей возрастной группе используются суммы коэффициентов и графики распределения этих сумм в каждой группе разнополых лиц⁷.

Сложность математических расчетов, трудоемкость освоения и применения данного метода предопределили его существенную модификацию, результатом которой стала методика установления пола исполнителя по средневыработанному почерку⁸.

Этот метод авторы подготовили на основе данных эксперимента по подсчету частот встречаемости признаков в почерках разных групп лиц, проведенного З. И. Кирсановым и А. П. Рогозиным.

Процесс исследования рукописей складывается из трех этапов. На первом этапе устанавливается пригодность рукописи для решения задачи, необходимыми условиями которой являются обычное выполнение рукописи, достаточный объем (не менее 1,5–2 страниц текста) и средняя или чуть выше средней степень выработанности почерка. На втором этапе выявляется информативность признаков. Для этого авторы метода разработали таблицу, состоящую из 41 признака и содержащую их графическое изображение, качественное описание и количественный показатель информативности.

На третьем этапе исследования оценивается выявленная совокупность признаков и формируется вывод. Данный метод заметно отличается от ранее разработанного меньшей сложностью и более высокой надежностью результатов⁹.

Практика применения почерковедными методик установления по почерку пола исполнителя показала высокую надежность получаемых результатов, а также простоту их освоения и применения. Однако при этом требуется значительный объем почеркового материала (1–2 страницы рукописного текста). На практике рукописные тексты большого объема встречаются крайне редко, поэтому применение данных методик не всегда возможно. Подтверждением тому служит тот факт, что экспертная методика дифференциации рукописей на мужские и женские применялась экспертами экспертно-криминалистической службы Управления ФСКН России по Воронежской области за последние три года всего один раз.

Чаще всего объектами указанных диагностических исследований, проводившихся экспертами службы, выступали краткие записи, состоящие из 3–10 слов и расположенные на почтовых конвертах и содержащихся в них вложениях.

В связи с ограниченностью в большинстве случаев объема почерковой информации в представляемых объектах для решения вопроса об установлении пола исполнителя применялась методика определения пола исполнителя кратких рукописных текстов.

Метод определения пола исполнителя кратких рукописных текстов с использованием почерковой информации в прописных и строчных буквах русского алфавита был предложен в 1990 г. авторским коллективом Всесоюзного научно-криминалистического центра МВД СССР во главе с А. Б. Левицким¹⁰.

В процессе разработки методики авторами были проведены исследования признаков почерка в прописных буквах русской скорописи, которые, ввиду особенностей своей конструкции, несут большую идентификационную и диагностическую информацию, чем строчные. Здесь необходимо добавить, что в выше-названных методиках установления пола исполнителя рукописей использовались лишь сведения о частоте встречаемости признаков почерка в строчных буквах русского алфавита, а исследования признаков в прописных буквах русской скорописи не проводились.

Анализ признаков с целью поиска критериев разграничения мужских и женских рукописей проводился авторами методики на 800 образцах с использованием ЭВМ.

В процессе апробации методики, проводившейся по 100 образцам рукописных текстов, были получены следующие результаты: ошибочный вывод – 1 %, отказ от решения вопроса – 12 %. Наряду с этим проводилась апробация методики на рукописях, выполненных на языках народов СССР, использующих в своей письменности кириллицу¹¹.

Данная методика включает в себя четыре основных этапа исследования:

- 1) установление пригодности объекта для решения задачи;
- 2) выделение признаков и определение их суммарной информативности;
- 3) выбор уровня доверия при принятии решения по отдельной букве и определение величины суммарной информативности букв;
- 4) принятие решения о поле исполнителя рукописи, оценка вероятности ошибки и вывод.

Условия применения методики:

- 1) текст должен быть выполнен почерком не ниже средней степени выработанности, независимо от его структурной сложности;

2) использование метода недопустимо, если рукопись выполнена намеренно измененным почерком или в необычных условиях;

3) наличие достаточного объема исследуемого текста. Он находится в зависимости от количества и информативности выделенных признаков: чем выше информативность, тем меньше требуется признаков (а значит, и самих письменных знаков) для решения вопроса и обоснования выводов.

После определения пригодности рукописи для исследования проводится выделение в прописных и строчных буквах частных признаков почерка согласно специальным таблицам, разработанным авторами данной методики. Далее соответствующие им значения информативности (вес признака) суммируются по каждой прописной букве в отдельности, а строчные – в целом. Если нет уверенности в отнесении выделенного признака к тому или иному табличному варианту, то этот признак не учитывается. Для удобства и наглядности подсчета суммарной информативности признаков рекомендуется заполнять таблицу. По значению суммарной информативности выделенной совокупности букв принимается решение о поле исполнителя рукописи¹².

По итогам практического применения данной методики начиная с 2005 г. по настоящее время можно отметить следующие положительные моменты.

Во-первых, указанная методика зарекомендовала себя как достаточно эффективная и надежная. Полученные результаты находили свое практическое подтверждение в ходе расследования уголовных дел, т. е. пол исполнителя устанавливался верно.

Во-вторых, ограничения на возможность использования методики оказались очень незначительными и позволили ее использовать почти во всех встре-

тившихся на практике случаях. Так, из числа проведенных в 2011 г. исследований только один раз экспертом был дан вывод о невозможности решения поставленного вопроса. В остальных же случаях эксперт приходил к выводу о поле исполнителя с высокой долей вероятности.

В-третьих, данная методика зарекомендовала себя достаточно несложной в освоении и применении экспертами. Так, в 2012 г. в ходе проведения обучения сотрудников ЭКП органов наркоконтроля на базе экспертно-криминалистической службы Управления ФСКН России по Воронежской области по специальности «Почерковедческая экспертиза» в рамках предусмотренной темы «Диагностические и ситуационные исследования почерка. Установление исполнителя рукописного текста» были проведены теоретические и практические занятия по применению данного метода. Результаты контроля на примере производства учебной почерковедческой экспертизы показали, что обучаемые весьма успешно освоили применение данной методики.

Не вызывает сложностей и оформление результатов экспертного заключения, которое составляется по общей схеме для всех почерковедческих экспертиз: вводная часть пишется как обычно, в исследовательской после описания общих признаков исследуемого почерка делается ссылка на используемую методику и перечисляются выявленные признаки с указанием значений информативности в табличной форме.

Теперь остановимся подробнее на существующих методиках определения возраста исполнителя рукописи.

Как уже отмечалось выше, З. И. Кирсановым и А. П. Рогозиным была предложена методика¹³, на первом этапе применения которой по почерку распознается возраст исполнителя рукописи. В сво-

ей работе авторы дифференцировали исполнителей на три возрастные группы:

- подростки до 15 лет;
- учащиеся 8–10 классов и взрослые до 24 лет, имеющие образование 5–8 классов, но малую практику письма;
- взрослые от 25 лет с малой практикой письма.

В процессе проведенного исследования с последующей оценкой полученной суммы коэффициентов признаков эксперт может прийти к выводу о принадлежности исполнителя к установленной возрастной группе со степенью надежности более 90 %, может высказать вероятное суждение о возрасте либо отказаться от решения поставленного вопроса по данной методике¹⁴.

В 1984 г. Т. А. Чепульченко и А. В. Смирнов в своей работе дифференцировали возраст исполнителя рукописи на пожилой или старческий и молодой или средний¹⁵.

Авторы методики выявили 17 признаков, с помощью которых можно дифференцировать почерк. Каждый признак получил свое описание и условную значимость, а также показатель частоты встречаемости в почерках лиц данной категории. Эти данные сведены в таблицу и являются неотъемлемой частью методики.

В процессе проведения исследования эксперт выявляет в рукописи необходимые признаки, описывает их вместе с коэффициентами значимости и суммирует показатели. Необходимые условия применения данного метода: достаточный объем исследуемой рукописи (560 знаков), обычность выполнения рукописи и высокая степень выработанности почерка¹⁶.

В экспертно-криминалистической службе Управления ФСКН России по Воронежской области начиная с 2006 г. практическое применение получила методика определения возраста исполнителя рукописных текстов, предложенная в

1995 г. авторским коллективом Экспертно-криминалистического центра МВД России во главе с А. Б. Левицким¹⁷. В данной работе в отличие от вышеописанных методик разработчики выделили шесть возрастных групп исполнителей: не более 19 лет, 20–24, 25–33, 34–37, 38–43, более 43 лет.

В качестве исходного набора признаков для описания рукописей авторы выбрали частные признаки почерка как прописных, так и строчных букв русской скорописи. Анализ признаков проводился на 690 образцах.

Методика прошла успешную апробацию на материалах почерковедческих экспертиз и исследований, проведенных в ЭКЦ МВД России, а также образцах рукописных текстов, выполненных мужчинами и женщинами.

Методика включает в себя пять этапов проведения исследования.

1. Установление пригодности объекта для решения задачи.
2. Выделение признаков почерка.
3. Определение суммарной информативности признаков по каждой букве.
4. Определение величины суммарной информативности всех выделенных букв.
5. Принятие решения о возрасте исполнителя рукописи. Оценка ошибки либо общий вывод.

Соблюдение требуемых условий и последовательности выполнения каждого этапа работы позволяет достаточно надежно и обоснованно решить поставленную задачу.

Условия применения методики:

1) рукописный текст должен быть выполнен почерком не ниже средней степени выработанности независимо от его структурной сложности;

2) рукопись должна быть выполнена в обычных условиях (если рукопись выполнена намеренно измененным почер-

ком или в необычных условиях, использование методики недопустимо);

3) необходимый объем исследуемого текста находится в зависимости от количества и информативности выделенных признаков: чем выше информативность, тем меньше требуется признаков (а значит, и самих письменных знаков) для решения вопроса и обоснования выводов. Оптимальное количество прописных букв, необходимых для принятия решения, – десять; если их меньше или они малоинформативны, вероятность решения вопроса снижается.

После определения пригодности рукописи для исследования проводится выделение в буквах частных признаков почерка, указанных в специальных таблицах, разработанных авторами методики. Для удобства и наглядности подсчета суммарной информативности признаков в буквах рекомендуется заполнять таблицу. Полученные значения суммируются, а далее принимается решение о возрасте исполнителя, оценивается вероятность ошибки и делается вывод.

Положительные моменты данной методики аналогичны тем, что были отмечены при рассмотрении методики определения пола исполнителя кратких рукописных текстов, разработанной этим же авторским коллективом. При этом все положительные моменты по результатам практического применения данной методики в деятельности экспертно-криминалистической службы подтвердились в полном объеме.

В качестве положительного примера можно привести случай из практики Управления ФСКН России по Воронежской области.

В ходе проведения оперативно-розыскного мероприятия (далее – ОРМ) «Контроль почтовых отправлений», а также последовавшего за ним ОРМ «Сбор образцов для сравнительного исследова-

ния» в служебном кабинете Управления Федеральной почтовой службы Воронежской области филиала ФГУП «Почта России» сотрудниками полиции был изъят почтовый конверт с вложением из листа бумаги формата А4 и свертка, содержащего вещество растительного происхождения (наркотическое средство JWH-210 – производное JWH-122). На конверте в графах отправителя и получателя были расположены соответствующие рукописные записи.

Проведенным почерковедческим исследованием с применением описанной выше методики определения пола исполнителя кратких рукописных текстов было установлено, что записи, расположенные на лицевой стороне почтового конверта, выполнены мужчиной. При этом степень надежности вывода превысила 95 %. По результатам проверки исследуемого рукописного текста по имеющимся почерковедческим учетам установить исполнителя записей не удалось. В ходе дальнейших оперативно-розыскных мероприятий, в том числе с использованием полученной почерковедческой информации о поле исполнителя, было установлено, что данный конверт был отправлен гр. Г., который был впоследствии задержан. Поиск отправителя был осложнен и тем фактом, что в графах отправителя почтового конверта был указан несуществующий адрес. Как пояснил впоследствии задержанный, зная о том, что незаконный оборот наркотиков на территории Российской Федерации запрещен, он в целях конспирации в графе «От кого» собственноручно написал вымышленный адрес и имя.

В ходе дальнейшего расследования уголовного дела у Г. были отобраны экспериментальные, а также изъяты свободные образцы почерка. Проведенной почерковедческой экспертизой было уста-

новлено, что рукописные записи на почтовом конверте выполнены им самим. Приговором Центрального районного суда г. Воронежа гр. Г. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 228-1 ч. 3 п. «г» УК РФ, и осужден на 4 года условно с испытательным сроком 2 года.

Автор статьи надеется, что представленная информация будет полезной для сотрудников экспертно-криминалистических подразделений, специализирующихся на исследовании почерка, и позволит им более квалифицированно и успешно решать поставленные перед ними задачи.

¹ См.: Почерковедение и почерковедческая экспертиза : курс лекций / под ред. В. В. Серегина. Волгоград, 2002.

² См.: *Серегин В. В., Шкоронат Е. А.* Диагностические исследования в почерковедческой экспертизе // Современные проблемы теории и практики криминалистического исследования документов. Волгоград, 2007. С. 69–70.

³ См.: Почерковедение и почерковедческая экспертиза.

⁴ См.: *Кулагин П. Г., Колонутова А. И.* Экспертная методика дифференциации рукописей на мужские и женские : пособие для экспертов-криминалистов. М., 1970.

⁵ См.: Там же.

⁶ См.: *Кирсанов З. И., Rogozin A. П.* Методика распознавания по почерку возраста и пола исполнителя рукописи. Вероятностно-статистические методы почерковедческих исследований. М., 1974.

⁷ См.: Почерковедение и почерковедческая экспертиза.

⁸ См.: *Кирсанов З. И., Rogozin A. П.* Указ. соч.

⁹ См.: *Каюнов О. Н., Сахарова Н. Г., Смирнов А. В.* Модификационный метод определения пола исполнителя рукописи по средневыворотанному почерку // Экспертная практика и новые методы исследования. 1982. № 9. С. 24–26.

¹⁰ См.: Методика определения пола исполнителя кратких рукописных текстов : учеб. пособие / А. Б. Левицкий [и др.]. М., 1990.

¹¹ См.: Там же.

¹² См.: Там же.

¹³ См.: *Кирсанов З. И., Rogozin A. П.* Указ. соч.

¹⁴ См.: Почерковедение и почерковедческая экспертиза.

¹⁵ См.: *Чепульченко Т. А., Смирнов А. В.* Установление пожилого и старческого возраста исполнителя рукописного текста. М., 1984. 122 с.

¹⁶ См.: Почерковедение и почерковедческая экспертиза.

¹⁷ См.: Методика определения возраста исполнителя рукописных текстов : учеб. пособие / А. Б. Левицкий [и др.]. М., 1995.

Центральный филиал Российского
государственного университета правосудия

Пошвин А. Л., старший преподаватель
кафедры судебной экспертизы
и криминалистики

E-mail: poschvin@mail.ru

Tel.: 8-909-215-36-74; 8-950-757-03-95

Central Branch of Russian State University
of Justice

Poshvin A. L., Senior Lecturer of the
Department of Forensic Examination
and Criminalistics

E-mail: poschvin@mail.ru

Tel.: 8-909-215-36-74; 8-950-757-03-95

А. В. Пучнин

Воронежский институт МВД России

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ В ПЕРСПЕКТИВНОЙ СЛЕДСТВЕННОЙ СИТУАЦИИ РАССЛЕДОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ СО СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ

А н н о т а ц и я: в статье рассматриваются вопросы значения и цели оперативно-розыскных мероприятий при расследовании преступлений, связанных со служебной деятельностью, в случаях, когда следователю становится известно о подготовке к совершению преступления.

К л ю ч е в ы е с л о в а: экономические преступления, оперативно-розыскные мероприятия, методика расследования преступлений.

OPERATIONAL-PERSONAL ACTIVITIES IN THE PERSPECTIVE INVESTIGATION SITUATION OF ECONOMIC CRIMES RELATED TO THE OFFICIAL ACTIVITY

A b s t r a c t: the article deals with the issues of the meaning and purpose of the operational-search measures in the investigation of crimes related to official activity, in cases when the investigator becomes aware of the preparation for the commission of a crime.

Key words: economic crimes, operational-search measures, methods of investigating crimes.

Поступила в редакцию 10 октября 2017 г.

Уголовно-процессуальное исследование рассматриваемой группы преступлений наиболее эффективно в плане доказывания при перспективной следственной ситуации, «складывающейся, напомним, в том случае, когда правоохранительным органам становится известно о предстоящем факте»¹ совершения уголовно-наказуемого деяния. Так как многие экономические преступления, связанные со служебной деятельностью, зачастую растянуты во времени, то расследование совершаемых эпизодов преступных событий также следует строить на принципах «перспективности».

Данная следственная ситуация первым делом характеризуется неосведомленностью либо предполагаемой неосведомленностью лица, в отношении которого поступило заявление (имеются какие-либо другие предпосылки для проведения проверки или возбуждения уголовного дела, относящегося к рассматриваемому виду преступлений).

Источником первичной информации о подготавливаемом или совершаемом преступлении является также лицо-заявитель.

Особенность допроса заявителя в такой следственной ситуации предполагает выяснение тех же обстоятельств, что и в

© Пучнин А. В., 2018

ретроспективной (следователю известно об уже имевшемся факте совершения преступления), но с учетом специфики обстановки, в которой преступная деятельность имеет место не в прошлом, а в настоящем и будущем. Такая обстановка позволяет оптимизировать процесс расследования, фиксировать процедуру совершения уголовно-наказуемого деяния, наблюдая его механизм в действии и, соответственно, «без лишних усилий» изымая формируемые им следы, а при необходимости пресекать преступные действия, предотвратив наступление их последствий, имея достаточно оснований для привлечения субъектов деяния к уголовной ответственности.

Следует отметить, что перспективность следственной ситуации расследования рассматриваемой категории дел, модернизация и усложнение преступниками типовых способов их совершения с целью конспирации незаконной деятельности под легальную обуславливает возможность и необходимость проведения всего перечня оперативно-розыскных мероприятий, закрепленных в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности»², а зачастую повторения некоторых из них.

Это обуславливается двумя аспектами оперативно-розыскных мероприятий. Во-первых, их основанность на применении преимущественно негласных средств и методов. Во-вторых, их нацеленность на непосредственное выявление фактических данных, необходимых для решения поставленных задач. Кроме того, оперативно-розыскные мероприятия носят, прежде всего, разведывательно-поисковый характер и соответственно направлены на получение неизвестной ранее и тщательно скрываемой от правоохранительных органов информации о криминальных событиях и причастных к ним лицах.

Осуществление подобных мероприятий направлено:

а) на предварительное изучение лиц, представляющих интерес (определение их должностного статуса; круг связей, в том числе преступных; ролевых функций, особых пристрастий);

б) выяснение мест хранения документов (в особенности относящихся к теневой бухгалтерии) и неучтенных товарно-материальных ценностей, возможных мест их сбыта;

в) изучение и анализ распорядка функционирования организации и предприятия, тем или иным образом имеющих отношение к расследуемому факту;

г) планирование и последующая реализация тактических операций по скрытому проникновению в учреждение или наружному наблюдению;

д) выбор средств фиксации информации и их практическое применение;

е) проверка типичных следственных версий, возникающих на всех этапах расследования.

Основными способами расширения первичной информации негласным образом, по нашему мнению, являются следующие:

– запросы в соответствующие криминалистические учеты, банки данных, регистрационные службы;

– консультационные беседы со специалистами;

– наблюдение за технологическими процессами, передвижением и сбытом товарно-материальных ценностей, оказанием услуг, документооборотом и другими производственными процессами, осуществляемыми в организации и собственно должностным лицом, в отношении которого поступила информация о подготовке или совершении им преступления;

– опрос возможных свидетелей;

– осмотр помещений и строений, транспорта, документов и т. д.;

– получение каких-либо образцов, в том числе копий документов для исследования в соответствующих учреждениях;

– получение информации, хранящейся на компьютерах, ресурсах корпоративных сетей и Интернета.

Необходимо заметить, что скрытность осуществления данных действий не следует противопоставлять доказательственному значению их результатов, которые нужно фиксировать в письменном виде (различных актах, рапортах, справках и т. д.), в том числе путем применения технических средств (фотографии, аудио- и видеозаписи и др.). Наиболее оптимально, если данные варианты фиксации дополняют друг друга.

Так, тактика негласных действий по проверке первоначальных сведений о должностных и служебных преступлениях в сфере экономики строится в основном в рамках методов оперативно-розыскной деятельности, при которых весьма успешными будут действия по привлечению к их осуществлению конфиденентов, которые по заданию будут наблюдать, осматривать, беседовать, получать образцы для исследований и экспертиз. Полученная информация, безусловно, должна фиксироваться в письменном или ином задокументированном виде.

Особое внимание при реализации данных приемов необходимо уделять их ориентированию на выявление других эпизодов преступной деятельности, в особенности являющихся сопутствующими расследуемому событию (различные хищения, взяточничество либо коммерческий подкуп). Это, по нашему мнению, позволит выявить возможных лиц, в том числе коррумпированных сотрудников государственных служб, оказывающих содействие в совершении преступления, и даст возможность определить методы преодоления противодействия следствию данными участниками пре-

ступной деятельности, в том числе путем их привлечения в качестве соучастников, а также сообщением изобличающей информации в компетентные органы.

Этим обуславливается необходимость фиксации «неделовых» встреч лиц, имеющих отношение к совершению экономических преступлений, связанных со служебной деятельностью, с определением места и времени их встреч, возможных способов связи и др.

Что касается допроса подозреваемого (обвиняемого), то его тактические особенности и специфика предопределяются позицией, занятой им при задержании. Применительно к расследуемому событию, по нашему мнению, эти позиции могут быть следующими:

– он утверждает, что не помнит обстоятельств совершения им тех или иных действий, составляющих преступное событие, либо вовсе отрицает факт их совершения;

– он считает, что выполнял (был вынужден выполнять) распоряжение вышестоящего руководства при тех или иных обстоятельствах;

– имеющие место нарушения обусловлены небрежностью субъекта деяния, незнанием нормативных актов, невнимательностью;

– он не считает расследуемое событие преступным, а выполненные действия находятся в пределах его должностной (служебной) компетенции и совершены в полном соответствии с нормативно установленными или принятыми для того процедурами;

– он дает изобличающие его показания.

Бесспорно, все ситуации предусматривают подробный допрос, опосредованный занятой подозреваемым позицией. При этом необходимо уделять особое внимание детальности и подробности в процессе изложения допрашиваемым

факторов, обосновывающих причины и обстоятельства, вынудившие его выполнить те или иные действия, в том числе исключающие привлечение его к уголовной ответственности либо свидетельствующие о некриминальности события.

Необходима четкая фиксация процесса подготовки и осуществления всех следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, проводимых в рассматриваемой следственной ситуации. При этом последним следует уделять особое внимание, в частности документам, носящим открытый характер, а также секретным, которые, возможно, придется использовать в качестве доказательств по уголовному делу, что предполагает их допустимость.

Как отражено в Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд³, действия по подготовке и реализации отдельных оперативно-розыскных мероприятий фиксируются соответствующей аппаратурой (аудио, видео). Правоприменительная практика под использованием видеозаписи в правоохранительных органах понимает не только запись изображения и звука, но и последующее их воспроизведение для достижения эффективности раскрытия и расследования преступных деяний. Существенным достоинством видеозаписи является тот факт, что ее посредством собирается не просто звуковая и зрительная информация, но и эмоциональное, психическое состояние запечатленных в ходе ее проведения участников фиксируемого события.

Представленные для использования в доказывании по уголовным делам оперативные видеоматериалы должны способствовать формированию доказательств, удовлетворяющих соответствующим требованиям уголовно-процессуального законодательства, и содержать

сведения, которые имеют значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию.

Для легализации и приобщения результатов видеозаписи, полученной в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий, в качестве доказательств по уголовному делу необходимо составление соответствующего протокола по ее применению, в котором необходимо отражать технические характеристики используемой видеоаппаратуры, события, лиц, вещи и объекты с указанием места и времени, а также условий видеосъемки, способа упаковки видеофонограмм⁴. Существенными условиями составления указанного документа как вещественного доказательства по делу являются:

- наличие данных о том, от кого документ исходит и каким образом он приобщен к уголовному делу;

- указание на источники и обстоятельства получения зафиксированных данных;

- присутствие обязательных реквизитов и подписей уполномоченных лиц.

Осмотр представленных видеоматериалов, а также приобщение их в качестве доказательств к уголовному делу определяются действующим уголовно-процессуальным законодательством.

Проверка, оценка и достоверность сведений, зафиксированных на видеофонограмме, в обязательном порядке проверяется в ходе процессуального разбирательства, а также сравнением с имеющимися другими фактами и обстоятельствами, собранными в ходе предварительного следствия по общим правилам УПК РФ⁵. При необходимости видеозапись может быть воспроизведена и в судебном заседании. Для этого представленные суду видеоматериалы должны быть безупречными как в процессуальном, так и в техническом отношении.

В противном случае полученные в ходе проведения оперативно-розыскного мероприятия видеоматериалы судом будут признаны не имеющими доказательного значения. А для того чтобы избежать непредвиденных накладок при планировании и проведении подобного рода мероприятий, сотрудник ОВД, осуществляющий видеосъемку, должен постоянно помнить об этом, профессионально уметь владеть соответствующей видеотехникой, тщательно готовиться к ее применению, используя (в зависимости от складывающихся обстоятельств) специальные тактические и технические приемы видеозаписи.

Кроме того, и это, по нашему мнению, весьма существенно, такие результаты должны быть «подвергнуты соответствующим, чаще всего фоноскопическим, экспертным исследованиям»⁶.

По данному поводу О. Я. Баев справедливо отмечает, что «штатными», типовыми задачами, разрешение которых входит в компетенцию экспертов – специалистов в области судебной фоноскопии, являются следующие:

1) число лиц и идентификация голосов лиц, участвующих в предоставленной на исследование фонограмме (видеозаписи);

2) восстановление полного содержания записанных переговоров с расшифровкой, кому из их участников какой текст принадлежит;

3) установление отсутствия (или наличия) признаков непрерывности зву-

козаписи, монтажа исследуемой звукозаписи (видеоряда) и иных технически внесенных изменений исследуемой фонограммы⁷.

Безусловно, не вызывает сомнения необходимость постановки последнего вопроса в условиях широкого применения цифровых технологий, проникших во все сферы человеческой жизни, стремительно развивающихся, позволяющих практически на «домашних» персональных компьютерах при наличии достаточных навыков осуществлять любой фото-, аудио-, видеомонтаж⁸.

Важно отметить, что при выявлении, раскрытии и расследовании рассматриваемой группы преступлений необходимо учитывать следующее:

– все чаще соучастниками незаконной экономической деятельности становятся иностранные граждане;

– подготовка, совершение и сокрытие рассматриваемых уголовно-наказуемых деяний осуществляется посредством иностранных кредитных и банковских учреждений;

– преступники освоили и активно используют возможности интернет-банкинга и анонимные системы снятия наличных;

– широкое использование в незаконных финансовых операциях электронных денежных суррогатов – криптовалют (наиболее популярный – биткойн), правовой статус которых в абсолютном большинстве государств, в том числе Российской Федерации, не определен.

¹ Баев О. Я. Основы методики уголовного преследования и профессиональной защиты от него (на примере уголовно-процессуального исследования должностных и служебных преступлений). М., 2009. С. 114.

² Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (в ред. от 06.07.2016). URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.10.2017).

³ См.: Об утверждении «Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд»: приказ

МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27.09.2013. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.10.2017).

⁴ См.: *Болдырев А. Н.* Некоторые вопросы использования видеозаписи органами внутренних дел при проведении оперативно-розыскных мероприятий в современных условиях // Рос. следователь. 2010. № 10. С. 27–29.

⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон. от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.10.2017).

⁶ *Баев О. Я.* Указ. соч. С. 152.

⁷ См.: Там же.

⁸ См.: *Стяжкин Ю. А.* Общие аспекты использования видеозаписи при проведении правоохранительными органами оперативно-розыскных мероприятий // Общество и право. Всероссийский научный журнал. 2007. № 2(16). С. 83–87.

*Воронежский институт
МВД России*

Пучнин А. В., кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности

E-mail: lex-puch@yandex.ru

*Voronezh Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia*

Puchnin A. V., Candidate of Legal Sciences, Senior Lecturer of the Operational Investigative Activities Department

E-mail: lex-puch@yandex.ru

В. И. Саньков

Московская академия Следственного комитета Российской Федерации

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ТАКТИКИ В ТРУДАХ ПРОФЕССОРА Р. С. БЕЛКИНА

Аннотация: в статье рассматриваются некоторые проблемные вопросы криминалистической тактики, имеющие важное значение для практической деятельности по раскрытию и расследованию преступлений, исследованию которых посвятил свои труды выдающийся отечественный ученый-криминалист Р. С. Белкин, остающиеся актуальными как для современной следственной практики, так и для дальнейшего развития науки криминалистики.

Ключевые слова: криминалистическая тактика, следователь, допустимость тактического приема, следственные ошибки.

TOPICAL ISSUES OF CRIMINAL TACTICS IN THE WRITINGS OF PROFESSOR R. S. BELKIN

Abstract: in article some problematic issues of criminalistic tactics which are important for practical activities on disclosure and investigation of crimes to which research devoted the works the outstanding domestic scientist-criminalist R. S. Belkin remaining relevant both for modern investigative practice, and for further development of science of criminalistics are considered.

Key words: forensic tactics, investigator, validity of the tactic, investigative errors.

Поступила в редакцию 28 сентября 2017 г.

Научное наследие Рафаила Самуиловича Белкина, выдающегося советского, российского ученого-криминалиста, одного из основоположников современной отечественной криминалистики, велико и многогранно. В числе главных направлений его исследований важное место занимают вопросы криминалистической тактики и методики, многие из которых продолжают оставаться актуальными и в современный период. Значительное внимание в своих фундаментальных трудах Р. С. Белкин уделил разработке ряда концептуальных положений криминалистической тактики, касающихся, в част-

ности, критериев допустимости тактического приема, профессиональной этики следователя, конфликтов и ошибок в деятельности следователя, тактики следственного эксперимента, вопросов взаимодействия с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, а также со стороны защиты, проблем алгоритмизации процесса расследования преступлений¹.

Одним из принципиальных вопросов, влияющих на тактику построения взаимоотношений с участниками уголовного судопроизводства, планирования и проведения отдельных следственных действий, определения стратегии всего расследования по уголовному делу,

является вопрос о конфликтности следственной деятельности, которая связана с противостоянием сторон обвинения и защиты, имеющих зачастую диаметрально противоположные интересы.

Поддерживая концепцию конфликтного следствия, Р. С. Белкин аргументированно полемизировал с ее противниками, к которым относились такие известные отечественные ученые-криминалисты, как М. С. Строгович, А. М. Ларин, И. Ф. Пантелеев. Обосновывая свою точку зрения, Р. С. Белкин отмечал, что распространение теории бесконфликтного следствия «действительно может привести к исчезновению конфликтных ситуаций, поскольку правонарушителю более не с кем будет конфликтовать: перед ним окажется следователь, не способный оказать ему противодействие в сокрытии истины, идущий на поводу у преступника»². Последующий период российской действительности, характеризующийся осложнением криминогенной обстановки, появлением новых видов преступлений, связанных с использованием информационно-коммуникационных технологий, оказанием противодействия расследованию преступлений, подтвердил обоснованность позиции сторонников теории конфликтного следствия, которые ориентируют правоохранительные органы на активную борьбу с преступностью и вооружают их соответствующими тактическими приемами.

Крупный вклад в развитие данной концепции внес О. Я. Баев, «бесспорный лидер разработки этой проблематики в отечественной криминалистике»³, которым предложена классификация состояний допрашиваемого по отношению к искомой следователем информации, при которой возможны четыре ситуации: две бесконфликтные и две конфликтные⁴. Недооценка степени конфликтно-

сти предстоящего допроса подозреваемого (обвиняемого), самоуспокоенность следователя, доверяющего внешне правдивым признательным показаниям лиц, скрывающих действительные обстоятельства преступления, приводит к отказу от поиска объективных доказательств. Ошибочная оценка признания лица, которое оговаривает себя, как достоверного может привести к привлечению к уголовной ответственности невиновного.

Одним из самых дискуссионных в криминалистике является вопрос о понятии и сущности тактических приемов, критериев допустимости их использования. Р. С. Белкин поддерживал точку зрения ученых (Н. А. Якубовича, А. Р. Ратинова и др.), полагавших, что тактический прием – это рациональный способ действия, линия поведения следователя, а не просто научная рекомендация.

Критерии допустимости тактических приемов подробно исследованы в работах О. Я. Баева, Р. С. Белкина, И. Е. Быховского, Г. Ф. Горского, Д. П. Котова, М. С. Строговича и других ученых. Таковыми критериями являются законность; соответствие нормам морали, общей и профессиональной этики; избирательность воздействия.

Вместе с тем общение с современными молодыми следователями по вопросам тактики допроса показывает отсутствие у многих из них четких ориентиров при определении правомерности использования психологического воздействия на допрашиваемого, связанного с обманом. Так, некоторые из них полагают допустимым в целях получения признательных показаний от подозреваемого (обвиняемого) введение его в заблуждение путем сообщения заведомо недостоверной информации, например, о том, что его соучастник якобы признался в совершении преступления и написал

явку с повинной или дал показания, уличающие их обоих в совершении преступления, что побуждает допрашиваемого к изменению своей позиции отрицания вины и даче признательных показаний.

В этой связи представляются чрезвычайно актуальными исследования Р. С. Белкиным проблемы допустимости обмана в деятельности следователей и оперативных сотрудников по раскрытию и расследованию преступлений. Предприняв подробный анализ различных точек зрения ученых по этому вопросу, он пришел к выводу о допустимости в принципе обмана с целью преодоления оказываемого следователю противодействия, однако при условии соблюдения достаточно узких и жестких требований: обман не может быть оправдан, если он основывается на правовой неосведомленности противостоящего следователю лица, незнании им своих прав и обязанностей, заведомо невыполнимых обещаниях, фальсифицированных доказательствах, дефектах психики и иных болезненных состояниях, мистико-религиозных чувствах подсудимого⁵. Одним из критериев допустимости тактического приема является его соответствие этическим требованиям, которые наиболее полно, по мнению Р. С. Белкина, были изложены в докторской диссертации И. Е. Быховского, обоснованно полагавшего, что тактический прием не должен основываться в том числе на сообщении следователем заведомо ложных сведений⁶.

С учетом изложенного следует признать недопустимой практику использования приемов, основанных на сообщении следователем (работником органа дознания) заведомо недостоверной информации подозреваемому (обвиняемому), в частности, о якобы имевшем место признании его соучастника, равно как и о наличии иных уличающих доказательств

(показаниях очевидцев, обнаруженных следах на месте происшествия и т. п.).

Подобные приемы не соответствуют и положениям ведомственных нормативных актов Следственного комитета Российской Федерации (далее – СК России), предъявляющих высокие требования к моральному облику следственного работника. Так, в соответствии с Присягой сотрудника СК России, предусмотренной ст. 19 Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации», сотрудник СК России должен чутко и внимательно относиться к предложениям, заявлениям, обращениям и жалобам граждан, соблюдать объективность и справедливость при решении судебных людей; быть образцом неподкупности, моральной чистоты, скромности.

Р. С. Белкиным подробно проанализированы и различные мнения о правомерности использования при допросе тактических приемов, составляющих содержание рефлексивных тактических комбинаций, проводимых при допросах недобросовестных свидетелей и потерпевших, дающих ложные показания подозреваемых и обвиняемых, к которым относятся внезапность; последовательность; создание напряжения; допущение легенды; пресечение лжи; отвлечение внимания или косвенный допрос; форсирование темпа допроса и инерция; создание условий для неправильной оценки недобросовестным допрашиваемым переживаемой ситуации; выжидание, создание «заполненности», вызов. Полемизируя со сторонниками противоправности некоторых из перечисленных приемов, Р. С. Белкин аргументированно обосновал их допустимость, полагая, что они «могут быть использованы в тактических комбинациях с наибольшим успехом»⁷.

Наряду с перечисленными приемами, направленными на преодоление позиции отрицания вины допрашиваемым, изболечения его во лжи, следователь должен владеть и приемами, направленными на получение подробных правдивых показаний допрашиваемого лица, независимо от его процессуального статуса во внешне бесконфликтной ситуации – подозреваемого, обвиняемого, признающихся в совершении преступления, потерпевшего, свидетеля, особенно очевидца. К числу основных из этих приемов относится максимально возможная детализация показаний, которая достигается путем постановки дополнительных, уточняющих, напоминающих, контрольных вопросов. Целью таких вопросов является получение от допрашиваемого исчерпывающих сведений об исследуемом предмете и их точная формулировка с тем, чтобы его описание в протоколе допроса максимально соответствовало действительности, исключало бы неясности и различное толкование. Суть данного тактического приема можно уяснить с позиции философии, одной из основных категорий которой является отражение. По этому поводу Р. С. Белкин указывал, что «результат отражения должен давать максимально полное представление об отражаемом объекте, адекватно передавать те его свойства и признаки, которые, собственно, и делают его доказательством»⁸.

Значительное место в научных исследованиях Р. С. Белкина занимают вопросы, связанные с понятием и классификацией следственных ошибок. С учетом негативных последствий, к которым могут привести такие ошибки, в том числе тактического характера, данные исследования представляются чрезвычайно актуальными, поскольку они дают основу для понимания сущности следственных ошибок, разработки и реализации мер по их

выявлению, предупреждению, нейтрализации последствий.

Главное в определении сущности следственных ошибок – это непреднамеренность, неумышленный характер, что отличает их от преступлений, служебных проступков, допускаемых умышленно. Проанализировав позиции известных ученых – специалистов в этой области – В. С. Бурдановой, Н. Л. Гранат, Г. А. Зорина, С. А. Шейфера и др., Р. С. Белкин пришел к выводу, что «именно добросовестное заблуждение отличает ошибку в судопроизводстве от профессиональных упущений, нарушений, должностных проступков и даже преступлений против правосудия»⁹. Отличительными признаками ошибки в сфере уголовного судопроизводства, по мнению Р. С. Белкина, являются специфическая область совершения и проявления ошибки – следственная, экспертная или судебная деятельность; субъект ошибочных суждений или действий – должностное лицо правоохранительных или судебных органов, а также участники судопроизводства; «ошибка не является упущением, поскольку при упущении лицо не выполняет должное не в силу добросовестного заблуждения, а по причине того, что игнорирует, пренебрегает должным, легкомысленно или самонадеянно относится к требованиям»¹⁰.

Следственные ошибки, связанные с неправильным применением уголовного и уголовно-процессуального законов, наиболее заметны. Как правило, именно они влекут различные негативные последствия при рассмотрении сообщений о преступлении, расследовании уголовного дела – отмену процессуальных решений следователя, возвращение уголовных дел прокурорами для дополнительного расследования, судами в порядке ст. 237 УПК РФ, вынесение оправдательных приговоров. Основное условие

для предупреждения подобных ошибок – правильное применение и толкование соответственно уголовного и уголовно-процессуального законов.

Значительно сложнее выявлять, устранять и предупреждать тактические ошибки, поскольку тактические предписания, рекомендации, законы мыслительной деятельности, незнание или несоблюдение которых ведут к подобным ошибкам, не регламентированы нормами уголовно-процессуального закона (за исключением некоторых законодательных требований, имеющих одновременно и криминалистический характер), постижение тактической грамотности требует значительных умственных и творческих усилий. Этим объясняется актуальность исследований, проводившихся Р. С. Белкиным в указанной сфере. Следственные ошибки он делил на гносеологические (логические и предметные) и деятельностьные, многие из которых как раз и могут быть отнесены к разряду тактических. Например, гносеологические: ошибочная оценка ситуации как конфликтной или бесконфликтной; ошибочные тактические решения, связанные с неполным или неточным учетом объективных и субъективных факторов, влияющих на процесс практического познания следователем ситуации; ошибки в структуре и целях тактической комбинации (операции); ошибки в определении следственных действий как элементов оперативно-тактической комбинации и др.; деятельностьные: ошибочный выбор действия из имеющихся вариантов; ошибки вследствие незнания методики и алгоритма осуществления действия; совершение действий на авось, без предварительной подготовки; ошибки при комплексировании приемов и средств осуществления деятельности и др.¹¹

Основополагающие идеи Р. С. Белкина по вопросам сущности и классифи-

кации следственных ошибок послужили надежной теоретической базой для последующей разноплановой научной разработки данной проблемы многими исследователями¹².

Важное место в работе современного следователя занимает взаимодействие с другими участниками уголовного судопроизводства, в частности, с профессиональными защитниками подозреваемых, обвиняемых, тактической стороне которого посвящены труды ученых-криминалистов¹³. Тактике взаимоотношений следователя и защитника уделяется внимание и в учебной-методической литературе¹⁴.

Обращая внимание на важную роль в предупреждении следственных и судебных ошибок защитников, своего рода «санитаров» судопроизводства, Р. С. Белкин в то же время отмечал, что «укрепление и расширение гарантий института защиты по уголовным делам нельзя отрывать от усиления требований к самим защитникам, требований моральной безупречности и чистоты, соблюдения законности в их деятельности... “Санитар” должен быть именно санитаром, а не могильщиком судопроизводства; путь к истине должен быть праведным, и давно уже сказано, что цель оправдывает не всякие средства ее достижения»¹⁵. Так образно и точно сформулировал ученый «критерии допустимости» тактических приемов защитника по уголовному делу, которые должны быть положены в основу криминалистических рекомендаций по осуществлению взаимодействия следователя и защитника.

Еще одним из наиболее востребованных и перспективных, на наш взгляд, направлений развития криминалистической теории и следственной практики, нашедших отражение в работах Р. С. Белкина, является алгоритмизация, программирование процесса расследования преступлений. Рассмотрению этой

проблемы посвящен специальный раздел третьего тома «Курса криминалистики» «О программировании расследования преступлений». Идеи о возможности и целесообразности программирования действий следователя с учетом специфики различных категорий преступлений были высказаны уже на заре становления отечественной криминалистики. Так, В. И. Громовым в 1929 г. предлагалось «дать образцы методики расследования отдельных видов общественно опасных деяний путем построения примерных планов расследования по этим делам»¹⁶. По такому принципу строились первые криминалистические методики, которые, однако, затем постепенно обрастали «научными комментариями, дискуссионными положениями и различными вспомогательными данными», что затрудняло их непосредственное применение в следственной практике.

Положительно оценивая деятельность ученых, приложивших значительные усилия для разработки программ действий следователя в типовых следственных ситуациях – Л. Г. Видонова, Н. А. Селиванова, Л. А. Соя-Серко, со-

трудников НИИ Генеральной прокуратуры РФ, Р. С. Белкин сформулировал свою позицию по двум основным вопросам, связанным с решением проблемы программирования расследования: о соотношении программ действий следователя с соответствующими частными криминалистическими методиками и возможных объектов программирования следственной деятельности¹⁷. Представляется, что развитие идей алгоритмизации и программирования процесса расследования, изложенных в трудах Р. С. Белкина и других ученых, их практическая реализация являются одним из актуальных и перспективных направлений дальнейших исследований в криминалистике.

Научное наследие профессора Р. С. Белкина востребовано, активно используется и для воспитания будущих следователей, в частности, в научной и образовательной деятельности Московской академии СК России, при подготовке учебно-методических пособий¹⁸, чтении лекций и проведении практических занятий с обучающимися Юридического института, а также на занятиях со следственными работниками – слушателями Института повышения квалификации.

¹ См.: *Белкин Р. С. Очерки криминалистической тактики* : учеб. пособие. Волгоград, 1993. 200 с. ; *Его же. Курс криминалистики* : в 3 т. Т. 3. М., 1997. 538 с. ; *Его же. Курс криминалистики* : в 3 т. Т. 2. М., 1997. 464 с. ; *Его же. Криминалистика : проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики*. М., 2001. 240 с. ; *Белкин Р. С., Белкин А. Р. Эксперимент в уголовном судопроизводстве : метод. пособие*. М., 1997. 154 с.

² *Белкин Р. С. Курс криминалистики* : в 3 т. Т. 3. С. 151.

³ Там же. С. 150.

⁴ См.: *Баев О. Я. Конфликтные ситуации на предварительном следствии (основы предупреждения и разрешения)*. Воронеж, 1984. 132 с.

⁵ См.: *Белкин Р. С. Криминалистика : проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики*. С. 113–114.

⁶ См.: *Белкин Р. С. Курс криминалистики* : в 3 т. Т. 3. С. 221.

⁷ Там же. С. 237.

⁸ *Белкин Р. С. Курс криминалистики* : в 3 т. Т. 2. С. 119.

⁹ Белкин Р. С. Криминалистика : проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. С. 166–167.

¹⁰ Там же. С. 167.

¹¹ См.: Там же. С. 177–178, 182–183.

¹² См., напр., Морозова Е. В. Криминалистические проблемы следственных ошибок : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004 ; Саньков В. И. Тактические ошибки следователя при получении и проверке признания в убийстве (причины, предупреждение, нейтрализация последствий) : дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2003 ; Уварова И. А. Криминалистическая характеристика следственных ошибок и их причины // Научная библиотека КиберЛенинка. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kriminalisticheskaya-harakteristika-sledstvennyh-oshibok-i-ih-prichiny#ixzz3ySMIucop> (дата обращения: 25.09.2017).

¹³ Баев М. О., Баев О. Я. Тактика уголовного преследования и профессиональной защиты от него. Прокурорская тактика. Адвокатская тактика : науч.-практ. пособие. М., 2005. 320 с.

¹⁴ См.: Криминалистическая тактика : учебник / под общ. ред. А. С. Сорочкина. М., 2013. 728 с.

¹⁵ Белкин Р. С. Криминалистика : проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. С. 201–202.

¹⁶ Цит. по: Белкин Р. С. Курс криминалистики : в 3 т. Т. 3. С. 291.

¹⁷ См.: Там же. С. 294–296.

¹⁸ См.: Этика следственной деятельности : учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / под ред. А. М. Багмета. М., 2018. 415 с.

*Московская академия Следственного
комитета Российской Федерации*

Саньков В. И., кандидат юридических наук,
полковник юстиции, заместитель директора
НИИ криминалистики

E-mail: sankov_icr@mail.ru

*Moscow Academy of the Investigative Committee
of the Russian Federation*

San'kov V. I., Candidate of Legal Sciences,
Colonel of Justice, Deputy Director of Research
Institute of Criminalistics

E-mail: sankov_icr@mail.ru

М. В. Стояновский

Воронежский государственный университет

«ВИКТИМОЛОГИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ» КАЧЕСТВА РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация: в статье с позиций виктимологии (учения о жертве) рассматриваются актуальные вопросы качества раскрытия и расследования преступлений; делается акцент на необходимости повышенного внимания к проблеме профессионального отбора на следственную работу.

Ключевые слова: качество расследования преступлений, расследование, следственные действия, преступление, жертва.

«VICTIMOLOGICAL COMPONENT» OF THE QUALITY OF CRIMES INVESTIGATION

Abstract: in the article actual issues of quality of disclosure and investigation of crime are considered from the positions of victimology (doctrine of sacrifice); emphasizes the necessity for increased attention to the problem of professional selection for the investigative work.

Key words: quality of crime investigation, investigation, investigation actions, crime, victim.

Поступила в редакцию 16 октября 2017 г.

Как известно, процесс расследования преступлений представляет собой систему мероприятий, основным содержанием которых выступают сбор, исследование, оценка и использование доказательств.

Осуществление такового их предназначения имманентно предопределено назначением уголовного судопроизводства и его основополагающими началами – принципами.

К ним в первую очередь относятся:

- защита прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступлений;
- защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод;
- соблюдение принципов законности, презумпции невиновности, охраны

прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве; и др.

Должная реализация указанных начал требует исследования виктимологических аспектов производства следственных действий, соответствующего виктимологического анализа процесса расследования преступлений.

Следственные ошибки, сама специфика работы следователя, нередко обуславливающая фрустрационные состояния в его психологической подструктуре личности, профессиональный и тактический риск, и, более того, следственный произвол – все эти явления предопределяют необходимость учета и познания «виктимологической составляющей» качества процесса расследования в целом и производства отдельных следственных действий.

© Стояновский М. В., 2018

В самом широком смысле основной объект виктимологического познания процесса расследования преступлений¹ (и оценки его качества) следует рассматривать как реальную или потенциальную жертву того или иного *происшествия* – преступления, несчастного случая, психотравмирующей ситуации, т. е. события, детерминированного особенностями производства того или иного следственного действия или комплекса таковых (в том числе неверным их производством) и способного вызвать разнообразные негативные последствия для любого субъекта, непосредственно или опосредованно связанного с процессом уголовно-процессуального исследования преступлений.

Претерпеть негативные последствия в ходе расследования и оказаться в роли жертвы может и сам потерпевший, и свидетель, и подозреваемый (обвиняемый), и профессиональные участники уголовного процесса, а также родственники (близкие лица) названных субъектов.

К сожалению, нередко первопричиной создания в процессе расследования виктимогенных ситуаций и их последующей, так сказать, «материализации», конечным результатом которой является появление «жертвы», выступает сам следователь.

Еще в XIX столетии Людвиг фон Ягеманн писал: «Большинство лиц, призванных к расследованию преступлений, нагромождают материал на материал без подбора и без всякого порядка. Затем по своему усмотрению и в зависимости от обстоятельств данного момента они выбирают из материала несколько отдельных пунктов и заставляют обвиняемого дать по ним объяснения; когда же им на ум ничего не приходит, они считают дело законченным. При таких условиях результат каждого дознания является случайностью и как бы «самораскрытием»

дела при помощи привлеченных к нему лиц, а вовсе не заслугой того, кто производит расследование»².

Характеризуя не соответствующее ожиданиям современного общества и государства качество раскрытия и расследования преступлений, О. Я. Баев указывает на ряд взаимосвязанных и взаимообусловленных факторов, детерминирующих такое положение в существующем ныне уголовном преследовании:

- отсутствие у следователей глубоких знаний уголовного права и норм уголовного закона;

- пренебрежительное отношение к соблюдению процессуальной формы;

- непонимание тактической сущности норм и отдельных положений доказательственного права;

- игнорирование духа и принципов уголовно-процессуального права и уголовного-процессуального закона;

- отсутствие глубоких знаний криминалистики;

- пассивность при осуществлении предварительного расследования, подмена его выполнением «процессуальной обрядности»;

- неустановление всех необходимых следствий, вытекающих из сформулированной версии о лице, совершившем преступление, и иных обстоятельств, составляющих предмет доказывания по уголовному делу;

- недостатки в производстве следственных действий;

- переоценка значения показаний лица, признавшего себя виновным в совершении преступления³.

В краткой презентации (предисловии) к монографии Н. Н. Китаева «Неправосудные приговоры к смертной казни: системный анализ допущенных ошибок» В. И. Шиканов совершенно конкретно называет цель проведенного Н. Н. Китаевым научного анализа – «выявить факто-

ры, обусловившие вынесение этих неправосудных приговоров, ломавших жизнь ни в чем не повинных людей..., причинявших безмерные страдания их родным и близким... Первопричина таких чудовищных приговоров – недоброкачественно проведенное расследование, ложные выводы которого в процессе судебного разбирательства не были преодолены»⁴.

Сам же Н. Н. Китаев, системно изучив эту «недоброкачественность», приводит ряд показательных примеров, так сказать, динамичной трансформации невиновного человека в жертву – в подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, а затем и осужденного – к смертной казни... («А по прошествии времени оказывалось, что к исключительной мере наказания был осужден человек, не совершивший инкриминируемого деяния»). Цитируя М. С. Строговича, Н. Н. Китаев пишет: «В этих случаях вред причиняется двойной: честный человек объявляется преступником и подвергается незаслуженной репрессии (по существу дела, становится реальной жертвой. – М. С.), а действительный преступник остается на свободе ненаказанным и радуется, что дело так удачно для него обернулось»⁵.

И весьма вероятно, что радуется последний, главным образом, возможности продолжения «охоты» – поиска новых (потенциальных) жертв и реализации нового «сценария» преступления.

Среди прочих показательных примеров Н. Н. Китаев приводит следующий пример нарушений при получении, исследовании и оценке доказательств.

Братья Ф. длительное время содержались под стражей, они дважды приговаривались к смертной казни, и дважды вышестоящая судебная инстанция отменяла приговор. Их обвинение в совершении убийства с особой жестокостью 23-летней В. основывалось на показаниях отца потерпевшей о враждебном отношении

к его дочери со стороны обвиняемых, а также показаниях трех свидетелей – о том, что с места происшествия раздавались крики В. об убийстве ее братьями Ф. и что последние сразу после происшествия направлялись от места преступления в сторону местного клуба. Свидетель С. утверждал, что в камере следственного изолятора один из обвиняемых рассказывал ему о совершении вместе со своим братом убийства В. Следствие, а затем и суд не придали значения тому, что обувь потерпевшей и орудие преступления были найдены далеко в стороне от дороги, ведущей в клуб, что противоречило показаниям свидетелей обвинения.

Когда уголовное дело принял к производству более опытный следователь, он установил алиби братьев Ф. Оказалось, что свидетель С., имевший семь судимостей, дал ложные показания в отношении Ф. по принуждению. Остальные три свидетеля стали давать изобличающие братьев Ф. показания только после того, как этих свидетелей незаконно поместили на несколько дней в камеру предварительного заключения и применяли к ним недозволенные методы дознания. Настоящим же убийцей оказалось совершенно иное лицо – житель соседней деревни⁶.

Для каждого следователя аксиоматичным (с позиции учета трагической «уголовно-судопроизводственной истории») должен стать постулат о том, что лишь строжайшее соблюдение процессуальной формы уголовного судопроизводства является «минимально необходимой гарантией защиты человека от необоснованного уголовного преследования, в конечном счете – от необоснованной реализации репрессивного механизма государства»⁷.

А всякого рода угрозы, шантаж, насилие, издевательства, пытки есть виктимогенные условия приведения такого механизма в действие, условия, прямо

противоречащие критериям допустимого уголовно-процессуального доказывания – законности, этичности, избирательности воздействия.

Еще в 1949 г. авторы «Настольной книги следователя» писали: «Стремясь привести обвиняемого к сознанию, следователь должен понимать, что это сознание само по себе, не будучи подкреплено объективными данными дела, не может рассматриваться как достаточное доказательство... Следователь, получив признание обвиняемого, допрашивая его обо всех деталях и подробностях совершенного им преступления, а затем проверяя объективными данными признание обвиняемого, одновременно решает две задачи – проверку этого сознания и его закрепление... Следователь должен раз и навсегда усвоить, что признание обвиняемым своей вины приобретает серьезное доказательственное значение только после того, как оно проверено и подкреплено другими доказательствами, которые служат как бы опорными пунктами этого признания. Без такой проверки признание является шатким, как карточный домик, который можно разрушить одним дуновением... В практике известны случаи, когда обвиняемые с той же легкостью отказываются от первоначального признания, с какой его дали... Большую ошибку совершает тот следователь, который, получив признание обвиняемого и не выясняя всех деталей и фактов, могущих быть объективно проверенными, записывает в самых общих формулировках это признание в протокол... Проверяя признание обвиняемым своей вины и оценивая достоверность этого признания, следователь должен уяснить мотивы, по которым обвиняемый сознался... В прямой связи с проблемой оценки мотивов и достоверности признания обвиняемого находится вопрос о самооговорах, когда обвиняемые признают себя

виновными в преступлениях, которых фактически не совершали»⁸.

В этом же контексте, характеризуя неудовлетворительное качество расследования преступлений, В. П. Антонов обращает внимание, в частности, на некачественное составление рядом «современных» следователей важнейших доказательственных документов – протоколов следственных действий.

Показательным примером, приводимым указанным автором, является почти идентичное (в нескольких протоколах осмотра места происшествия при расследовании серии убийств молодых женщин) описание: «*На дороге, ведущей из города в область, около 40–60 м в сторону, в придорожных кустах, обнаружен труп женщины...*».

Далее идет достаточно полное описание трупа, одежды, трупных явлений. Затем следует запись: «*Труп отправлен в судебно-медицинский морг. С места происшествия больше ничего не изъято. Протокол всеми прочитан. Записано верно*».

При этом в деле имеются фототаблицы, на снимках которых, как пишет указанный автор, видны следы автомобильных колес на почве, окурки, пустая бутылка от шампанского, пуговица.

На вопрос: «Почему эти объекты не отражены в протоколе?» – следователь ответил, что на месте происшествия об этих объектах ему никто ничего не говорил, а снимки специалист передал ему через две недели после происшествия, протокол он писал в машине, данные о трупе ему продиктовал судебно-медицинский эксперт.

И таково качество шести протоколов по фактам серийных убийств⁹.

Последствием подобного рода недоброкачества с большой степенью вероятности могут стать сложности в установлении лица, совершившего преступление, совершение этим же лицом

нового преступления, появление *новой жертвы*.

К слову заметим, что еще Г. Гросс указывал на то, что весьма трудно, утомительно и досадно пользоваться протоколами осмотра, если они «дурно составлены, как мало убедительны эти протоколы и как легко пропустить в них что-либо существенное, потому что... следователь или не сумел выразить, или же выразил крайне неясно, что хотел сказать»¹⁰.

Основным же следует признать постулат о том, что в протоколе следственного действия «с максимальной точностью и полнотой должны найти свое отражение весь процесс и результаты проведенного следственного действия»¹¹.

«Следует признать, – небезосновательно отмечает в контексте оценки качества современного расследования преступлений В. Ю. Сокол, – что у нас в стране отсутствует эффективная система профессионального отбора специалистов следственной профессии. Хотя и ведутся отдельные исследования, направленные на определение требований к личным и деловым качествам кандидатов, однако отсутствует четкий и практичный профиль следователя, отражающий не только специальные знания и навыки, но и определенные личностные свойства»¹².

Во всех правоохранительных органах России, как далее сообщает В. Ю. Сокол, существуют ведомственные нормативно закрепленные требования к специальностям, в соответствии с которыми производится изучение кандидатов на службу.

В ходе профессионального психологического отбора кандидатов формулируются следующие выводы:

1) рекомендуется к поступлению на службу в первую очередь;

2) рекомендуется (в основном) к поступлению на службу;

3) рекомендуется условно к поступлению на службу;

4) не рекомендуется к поступлению на службу.

По имеющимся данным большинство (от половины и более) кандидатов на службу относится к третьей категории – «рекомендуются условно». Для этой категории кандидатов на службу типичны интеллектуальные, когнитивные, социально-психологические компоненты в диапазоне от средних до низких, включая сниженный мотивационный компонент к будущей профессиональной деятельности. В случае поступления на службу такие лица могут иметь (и имеют) проблемы с прохождением адаптации к новой профессиональной деятельности вследствие повышенной тревожности, низкой стрессоустойчивости, невротических состояний, конфликтности, трудностей в установлении межличностных контактов, несформированности мотивации к службе и т. п.¹³

Нет оснований сомневаться в том, что при приеме на службу в правоохранительные органы должен осуществляться соответствующий профессиональный отбор – в пользу тех, кто способен уважительно относиться к любой личности, ее правам и свободам, невзирая на собственное мировоззрение, сохранять информацию о частной жизни участников уголовного судопроизводства или любые сведения, ставшие им известными в ходе процесса расследования, которые эти лица не желали бы предавать огласке, если иное не предусмотрено законом (а также соответствующими криминалистическими рекомендациями)¹⁴.

Попутно отметим и следующее. Учитывая вышеуказанные реалии, весьма интересным представляется анализ (в том числе и с виктимологических позиций) некоторых норм уголовно-процессуального закона, «звучащих» в некотором роде провокационно.

Речь, в частности, ведется о провозглашенном в ч. 2 ст. 189 УПК РФ принципе «свободы выбора тактики допроса».

Приведем соответствующую норму дословно: «Задавать наводящие вопросы запрещается. В остальном следователь свободен при выборе тактики допроса».

Думается, что с учетом психологических особенностей «третьей» (из вышеуказанных) категории кандидатов на должность следователя («рекомендуемых условно») законодательная формулировка подобного рода неприемлема, поскольку может быть воспринята (а реалии свидетельствуют о таком восприятии) как некая индульгенция к использованию весьма специфических, не соответствующих критериям допустимости «тактических средств».

Их применению может способствовать низкий уровень нравственного и, как следствие, правового сознания ряда субъектов тактики: наличие фрустраторов в виде, например, традиционных сложностей получения полной и правдивой информации от допрашиваемого (и это – вкупе с выраженной фрустрационной неустойчивостью многих правоприменителей); и т. п.

Рассуждая с определенной долей условности и гипотетичности, думается, что такого рода кадровый состав (или его потенциал) является неременным условием «срабатывания» известного закона: «Если существуют два или более способов сделать что-либо, причем использование одного из этих способов ведет к катастрофе, то кто-нибудь изберет именно этот способ»¹⁵.

Добавим, что еще большей катастрофой является массовость избирательности таких способов (о чем, к сожалению, убедительно свидетельствуют современные реалии правоприменения).

Отдельные тактические средства воздействия, популярные в среде правоприменителей,

требуют их кропотливого виктимологического анализа.

В частности, обратим внимание на приемы использования «слабых мест» в психике допрашиваемого.

Допустимы ли таковые?

Не способствуют ли они, так сказать, «образованию жертвы»?

Следователь, беседуя с супругой обвиняемого в совершении ряда преступлений коррупционной направленности и рефлексивно моделируя ее последующее поведение (реализацию права свидетельского иммунитета), в целях получения от нее показаний решил ей продемонстрировать видеоматериалы интимного характера, явно компрометирующие обвиняемого в глазах его супруги.

Следствием увиденного стали «развернутые» показания этой женщины – о многочисленных эпизодах преступной деятельности своего мужа (как позже выяснилось, отдельные из которых оказались вымышленными).

Как видно, объектом тактического воздействия в данном случае явилась элементарная супружеская ревность (к слову сказать, сама по себе обладающая значительным «криминогенным весом» и, как об этом убедительно свидетельствует практика, мотивационным фактором совершения многочисленных преступлений насильственной направленности, в частности, убийств и причинений вреда здоровью).

Воздействуя на психику женщины подобным образом, следователь, преследуя цели, обусловленные выполнением своей процессуальной функции, способствовал «разжиганию» в ее психике внутриличностного конфликта, в определенной степени ограничив свободу выбора допрашиваемой линии собственного поведения (конечно, с учетом ее психологического статуса). Как писал известный немецкий ученый К. Леонгард

в своей работе, посвященной характеристике типов акцентированных личностей, «в области эротики больше, чем во всех других, человек постоянно колеблется между надеждой и опасениями..., человек до такой степени может быть захвачен мыслями о своей ущербности, которые появились у него на почве ревности..., что все другие интересы и цели для него не существуют»¹⁶.

Наряду с разжиганием внутриличностного конфликта, следовательно в вышеописанной ситуации потенцирует также разжигание межличностного (между супругами) конфликта и, более того, конфликта лжесвидетеля (супруги) с государством.

Несложно оценить возможные последствия применения указанного тактического приема.

В частности, реакции на подобного рода фрустраторы вполне могут выразиться в явлениях оговора (самооговора), агрессии или депрессии (включая суицидальные проявления).

Следствия межличностного конфликта (между супругами) могут варьироваться от социально нежелательных (распад семьи, развод) до агрессивно-преступных проявлений в отношениях супругов между собой (к слову сказать, в криминологии, и это эмпирически предопределено, все большее развитие получает направление, исследующее преступления в семье, – криминофамилистика, или, проще говоря, семейная криминология).

Должным образом следует оценить и возможные правовые и виктимологические последствия использования свидетелем (женой) ложной информации.

В известном романе А. А. Вайнера и Г. А. Вайнера («Эра милосердия») описана следующая ситуация.

Жеглов: – *Вещь-то вы взяли у жены известного дипломата. И по действу-*

ющим соглашениям, стоимость норковой шубки тысконок под сто – всего-то навсего – должен был бы им выплатить Большой театр, то есть государственное учреждение. Ты, Ручечник, усекаешь, про что я толкую? Лицо у Волокушиной уже не было неподвижно-каменным... Она испуганно переводила взгляд с Жеглова на Ручечника, потом снова смотрела на спокойное доброжелательное жегловское лицо. Глеб сочувственно цокал языком, грустно качал головой, и весь вид у него сейчас был такой: ай-ай-ай, какая беда приключилась с вами, дорогая гражданочка Волокушина! А она снова всматривалась в серые глаза Ручечника, надеясь, что засмеется он, достанет из кармана Уголовный кодекс и так же быстро, весело и ловко, как в разговорах с ней, объяснит Жеглову, что ничего тот в законах не смыслит, что все там написано по-другому...

Но Ручечник на нее совсем не смотрел, а взглядывался он пристально, тяжело в скокрущенного их горем капитана Жеглова...

Жеглов помолчал, потом задумчиво сказал (обращаясь к Ручечнику):

– Я вот как раз сейчас и думаю о том, что ты закона опасешься меньше, чем своих дружков бандюг. Пожалуй, правильно будет тебя... отпустить... На свободу. Никто ведь не видел, как ты номерок у англичанина увел, а с шубой задержана Волокушина... Так что мы ее будем судить, а ты иди себе. Иди спокойно...

– А я?! – закричала Волокушина.

– Вы, милая моя, будете отвечать по всей строгости закона... А приятеля вашего... мы отпустим. Ты, Ручечник, свободен...

– Но я не хотела! Я не виновата! Я думала... – забила в вопле Волокушина.

– Иди, Ручечник, иди... Ты нам мешаешь...

– Шарпов, проводи его на улицу...

Жеглов устроился на ручке кресла, в котором сидела Волокушина, и голос у него был такой, будто они в парке на ска-

меечке про жизнь и про чувства свои высоко беседуют.

– Светлана Петровна, вы мне глубоко симпатичны, только поэтому я веду с вами эти занудные разговоры. Вы поймите, что проще всего мне было бы отправить вас сейчас в тюрьму, а дней через двадцать ваше дело уже кувыркалось бы в суде. Вы ведь не маленькая, сами понимаете, что с того момента, как вас предал Рученик, нам и доказывать нечего – задержали вас в манто, пять свидетелей...

– Чего же вы от меня хотите? – спрашивала она, и все ее лицо расплывалось, стекло, слюлось от обильных слез...

– Чтобы вы сами себе помогли в суде, а путь для этого у вас только один. Абсолютно чистосердечным рассказом, рассказом обо всем, что вас связывало с позорным прошлым, вы расчистите себе дорогу к новой жизни...

– Я расскажу обо всех... обо всех...¹⁷

По аналогии нельзя не вспомнить и современный институт досудебного со-

глашения о сотрудничестве, поскольку доминирующей, если не единственной, мотивацией лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, как отмечает О. Я. Баев, является желание минимизировать грозящее ему за совершенное преступление наказание, «в том числе не гнушаясь заведомо ложными доносами в отношении своих действительных или даже вымышленных соучастников»¹⁸.

К сожалению, в рамках научной статьи нельзя проанализировать все особенности недоброкачества закона и правоприменительной деятельности.

Однако особое внимание следует обратить на необходимость тщательного изучения качества расследования преступлений, поскольку повышенная виктимологическая его «составляющая» убедительно свидетельствует о современных проблемах правоприменения и его весьма негативных виктимологических последствиях.

¹ Напомним, что в нашем понимании криминалистическая виктимология представляет собой опосредованное познанием закономерностей механизма преступления, слеодообразования и уголовно-процессуального исследования преступлений учение (частную криминалистическую теорию) о реальной и потенциальной жертве преступления (или иного происшествия), закономерностях поведения жертвы/потерпевшего в механизме преступления и в процессе его расследования и основанных на познании этих закономерностей технических, тактических и методических средствах, реализуемых субъектом доказывания в целях уголовно-процессуального исследования и предотвращения преступлений (и иных происшествий). См.: Стояновский М. В. О предмете криминалистической виктимологии // Воронежские криминалистические чтения. 2017. № 2 (19). С. 195.

² Цит по: Анушат Э. Искусство раскрытия преступлений и законы логики. М., 2001. С. 7.

³ См.: Баев О. Я. Тактика следственных действий. Воронеж, 2012. С. 7–20.

⁴ Китаев Н. Н. Неправосудные приговоры к смертной казни : системный анализ допущенных ошибок. Иркутск, 2000. С. 3.

⁵ Там же. С. 14.

⁶ См.: Там же. С. 7–8.

⁷ Баев О. Я. Краткий криминалистический комментарий к основам уголовно-процессуального доказывания. М., 2017. С. 18.

⁸ Настольная книга следователя / под общ. ред. Г. Н. Сафонова. М., 1949. С. 307–308.

⁹ См.: Антонов В. П. Повышение уровня профессиональной подготовки следственных кадров в целях совершенствования борьбы с тяжкими преступлениями против жизни и здоровья граждан // Следственная практика. Вып. 4 (161). 2003. С. 277–278.

¹⁰ Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. М., 2002. С. 162.

¹¹ Баев О. Я. Краткий криминалистический комментарий к основам уголовно-процессуального доказывания. С. 85.

¹² Сокол В. Ю. Кризис отечественной криминалистики. Краснодар, 2017. С. 205–206.

¹³ См.: Там же. С. 206.

¹⁴ См.: Смирнов А. М. Виктимологическая профилактика преступности и криминальных дискриминационных практик в отношении лиц с сексуальными инверсиями в России // Библиотека криминалиста : научный журнал. 2012. № 3 (1). С. 329.

¹⁵ Закон Мерфи. Минск, 1997. С. 6.

¹⁶ Цит. по: Юридическая психология : хрестоматия / сост. В. В. Романов, Е. В. Романова. М., 2000. С. 85–86.

¹⁷ Вайнер А. А., Вайнер Г. А. Эра милосердия. Кишинев, 1985. С. 177.

¹⁸ Баев О. Я. Досудебное соглашение о сотрудничестве. М., 2013. С. 151.

Воронежский государственный университет

Voronezh State University

Стояновский М. В., кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики

Stoyanovsky M. V., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Criminalistics Department

E-mail: mstoyanovskiy@mail.ru

E-mail: mstoyanovskiy@mail.ru

Тел.: 8-910-282-54-19

Tel.: 8-910-282-54-19

А. Н. Яковлев

Главное управление криминалистики Следственного комитета Российской Федерации,
Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана

О ТЕНДЕНЦИЯХ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ И ВЕДОМСТВЕННЫХ ЭКСПЕРТНЫХ ЛАБОРАТОРИЙ

Аннотация: в статье проанализированы тенденции развития института судебной экспертизы в России, исторические аспекты системных проблем государственных судебно-экспертных учреждений, влияние особенностей исследования цифровых доказательств на организацию экспертной деятельности. Сделан вывод о долгосрочных изменениях в организации экспертной деятельности в России.

Ключевые слова: институт судебной экспертизы в России, проблемы экспертной деятельности; цифровые доказательства; ведомственные экспертные лаборатории.

ABOUT TRENDS OF DEVELOPMENT OF STATE FORENSIC-EXPERT ORGANIZATIONS AND FORENSIC-EXPERT LABORATORIES OF MINISTRIES

Abstract: the article analyzes trends in the development of the Institute of Forensic Expertise in Russia, historical aspects of systemic problems of state forensic-expert organizations, the influence of the features of the study of digital evidence on the organization of expert activities. The conclusion is made about long-term changes in the organization of expert activity in Russia.

Key words: Institute of Forensic Expertise in Russia; problems of forensic-expert activities; digital evidence; forensic-expert laboratories of ministries.

Поступила в редакцию 4 сентября 2017 г.

Развитие института судебной экспертизы в России и за рубежом демонстрирует единые закономерности вне зависимости от специфики национального уголовного процесса и особенностей организации судебно-экспертных исследований. Эти закономерности следующие:

– зависимость количества видов экспертиз от разнообразия и характера (материальные, «электронные») объектов, несущих на себе следы преступления;

– зависимость содержания методик экспертных исследований от сложности этих объектов;

– зависимость организации судебно-экспертных исследований от разнообразия и специфики преступлений;

– зависимость качества расследования преступлений от эффективности организации использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве.

До начала 90-х гг. прошлого века разнообразие материальных объектов, выступавших в качестве вещественных доказательств, было невелико, они име-

ли относительно небольшую сложность; уголовный кодекс квалифицировал небольшое («базовое» с точки зрения современной уголовно-правовой науки) количество преступных деяний. В результате в течение многих лет доминирующими были традиционные виды объектов экспертизы (например, почерк, документы, следы обуви, оружие), сложность объектов была невелика и подразумевала возможность быстрого обучения специалиста практически с любым профильным образованием небольшому набору базовых методик исследования объектов, требующему недорогой и минимально разнообразной инструментальной базы. Количество «потребителей» экспертных услуг также было минимальным (МВД СССР, КГБ СССР), что давало возможность централизации экспертной деятельности и развития ее исключительно в рамках государственных судебно-экспертных учреждений. Именно такой, единственно верный в те годы, путь обеспечивал качество расследования преступлений.

Научно-техническая революция, и особенно информатизация всех отраслей народного хозяйства, переросшая впоследствии в глобальную компьютеризацию страны, стремительно усложняющиеся процессы развития современного информационного общества с открытым трансграничным информационным пространством привели к тому, что с 90-х гг. прошлого века и по настоящее время реализация прежней парадигмы развития института судебной экспертизы в России стала невозможной. Даже «традиционные» ранее объекты исследования, например, материалы письма, получили настолько большое разнообразие по химическому составу и физико-химическим свойствам, что стало невозможным успешно решать многие, считавшиеся условно простыми задачи.

Отдельные виды экспертиз с кардинальным изменением своих объектов «потеряли» свою научную базу (например, появление систем автоматизации управляемости автомобилем сделало невозможным применение всех базовых расчетных таблиц, используемых экспертами автотехнической экспертизы и разработанных в 60–80-х гг. прошлого века для ушедших в прошлое типов автомобилей). В целом практически одномоментно устарело подавляющее большинство экспертных методик; разрушение планового народного хозяйства, реорганизация и смена собственника предприятий с государства на «частника» привели к прекращению массового выпуска доступного по цене отечественного лабораторного экспертного оборудования и переориентации экспертов на доступный рынок западного экспертного оборудования. Как результат, дороговизна, выпуск малыми партиями, быстрая смена модельного ряда такого оборудования сделали принципиально невозможным в государственном масштабе унификацию экспертных методик, всегда зависящих от оборудования, с помощью которого они реализуются.

Эти основные причины привели к системным проблемам функционирования государственных судебно-экспертных учреждений. В течение последних 10 лет завершились процессы списания старого, но единого оборудования, на замену которого, ввиду финансовой невозможности единовременно обеспечить закупки оборудования единого модельного ряда, пришло разнородное оборудование разной степени сложности, исключающее возможность разработки и использования единых экспертных методик, максимально усложняющее централизованное обучение использующих его экспертов. Аналогичные, но более тяжелые, последствия наблюдаются в сфере использования экспертного программного обеспечения, по-

сколькx экземпляры одной и той же программы, имеющей двухлетнее различие версий, имеют примерно такое же количество функциональных различий, как и программы совершенно разных производителей, ориентированные на решение одного набора экспертных задач.

Усугубил ситуацию все более ускоряющийся процесс увеличения роли электронных носителей информации, в целом цифровой информации в качестве доказательств по уголовному делу и, соответственно, объектов экспертного исследования. Следственная и судебная практика демонстрируют, что все чаще не только высокотехнологичные преступления, но «традиционные» преступления выявляются и раскрываются при помощи цифровых доказательств. Вместе с тем разнообразие информационных технологий, автоматизированных систем, видов программного обеспечения делает принципиально невозможным и нецелесообразным решение задачи кадрового и технического обеспечения государственных судебно-экспертных учреждений для производства соответствующих видов экспертиз. Спектр востребованных специальных знаний и специализированного аппаратно-программного обеспечения, необходимого для экспертного исследования информационных объектов, максимально широк, и при условии обязательности производства экспертиз государственным судебно-экспертным учреждением по обращениям любого правоохранительного органа, имеющим ведомственную специфику, в штате такого учреждения невозможно иметь необходимое количество экспертов нужных специализаций и соответствующее разнообразие экспертного инструментария. При гипотетическом оснащении некоторого государственного судебно-экспертного учреждения экспертными кадрами с нужными специализациями, а также

всем разнообразием экспертного оборудования и программ это будет связано с предельной финансовой нагрузкой на государственный бюджет при крайне низкой эффективности вложения денежных средств – существенное число экспертов будет «простаивать» ввиду редкой востребованности своих экспертных специализаций.

Серьезной проблемой государственных судебно-экспертных учреждений стала система подготовки и переподготовки экспертных кадров для них, поскольку профессиональные образовательные стандарты по судебной экспертизе, используемые высшими учебными заведениями, в содержательной части устарели на 10–15 лет и их недостатки носят системный характер. Профессиональная переподготовка экспертов государственных судебно-экспертных учреждений носит формальный характер, так как потребность ее проведения возникает существенно чаще, чем регламентировано законодателем (раз в пять лет), при этом на законодательном же уровне установлено требование проводить ее по экспертной специальности, однако вузы, способные проводить актуальное обучение по таким специальностям, отсутствуют, поскольку у них нет требуемой современной экспертной лабораторной базы и преподавателей с необходимыми актуальными компетенциями.

Все перечисленные выше объективные факторы имеют долговременный характер и привели к тому, что правоохранительные органы воспользовались возможностями действующего законодательства, регулирующего судебно-экспертную деятельность и допускающего производство экспертиз как экспертами государственными судебно-экспертными учреждениями, так и иными экспертами.

Практически с момента образования соответствующих правоохранительных

органов собственные ведомственные экспертные службы создали ФСБ России, ФСКН России (вплоть до расформирования ведомства), Следственный комитет России, Федеральная таможенная служба России, Федеральная противопожарная служба МЧС России. В результате этого была восстановлена эффективная деятельность по экспертно-криминалистическому обеспечению раскрытия и расследования самых сложных видов преступлений, на что повлияли следующие факторы.

Ведомственная подследственность расследования преступлений предполагает наличие ограниченного набора видов материальных и «электронных» объектов, несущих на себе следы преступления и востребованных в качестве доказательств по уголовным делам. Эта специфика оптимально учитывается при подборе ведомственными экспертами методов исследования этих объектов и соответствующего экспертного оборудования и программного обеспечения.

В пределах ежегодного государственного финансирования своей деятельности правоохранительный орган обеспечивает модельное и версионное единство инструментальной базы экспертно-криминалистических исследований, а также единообразное ее обновление и модернизацию. В результате этого становится возможным разрабатывать базовые методики экспертных исследований и своевременно актуализировать их.

Ограниченный набор видов материальных и «электронных» объектов исследования, наличие набора базовых методик и типового аппаратного и программного инструментария позволяют подбирать на экспертные должности специалистов, имеющих наиболее подходящую под специфику решаемых задач специальность, полученную в вузе. Эти же особенности делают возможным

выбор среди вузов одного или нескольких в качестве базового (базовых) и проведение совместной работы по организации на его (их) базе профессиональной переподготовки экспертов. Регулярность такой переподготовки определяется правоохранительным органом самостоятельно с учетом текущей потребности и наличия финансирования. Например, в Следственном комитете Российской Федерации в качестве базового вуза по направлению компьютерно-технических исследований выбран Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана, в котором не реже 1 раза в год (при наличии финансирования) проводится повышение квалификации экспертов по наиболее сложным аспектам информационных технологий, встречающихся в экспертной практике. По другим экспертным направлениям в качестве базовых выбраны иные ведущие профильные вузы страны.

С учетом ведения учетов объектов и решаемых экспертных задач правоохранительный орган имеет возможность оперативного реагирования на статистически значимые изменения получаемых на исследование материальных и «электронных» объектов, организуя переработку базовых экспертных методик их исследования, оперативно закупая необходимый дополнительный экспертный инструментарий, вводя новые виды экспертных исследований, проводя при необходимости необходимые оргштатные мероприятия в отношении подразделений, непосредственно осуществляющих экспертную деятельность.

Аналогичные глобальные долгосрочные тенденции наблюдаются и в развитии института судебных экспертиз за рубежом. В течение последних десятилетий в развитых странах окончательно отказались от идеи создания единой системы государственных судебно-экспертных учрежде-

ний. Например, по аналогии с Россией различные правоохранительные структуры США – ФБР, Управление по борьбе с наркотиками, Секретная служба и иные имеют ведомственные экспертные подразделения, эффективность которых предопределена нацеленностью на специфику экспертного обеспечения расследования подведомственных им составов преступлений.

Таким образом, особенности организации правоохранительной деятельности в России и условия ее финанси-

рования, специфика механизма преступлений, предопределенная глобальной компьютеризацией, информатизацией, научно-технической революцией, иные рассмотренные факторы, а самое главное – объективные результаты деятельности ведомственных экспертных служб демонстрируют долгосрочные изменения в организации экспертной деятельности в России, необходимость продолжения работы по закреплению ее правовых особенностей.

*Главное управление криминалистики
Следственного комитета Российской Федерации,
Московский государственный технический
университет имени Н. Э. Баумана*

Яковлев А. Н., кандидат юридических наук, доцент, заместитель руководителя отдела компьютерно-технических и инженерно-технических исследований Главного управления криминалистики Следственного комитета Российской Федерации; доцент кафедры «Юриспруденция, интеллектуальная собственность и судебная экспертиза» Московского государственного технического университета имени Н. Э. Баумана

E-mail: all-eks@mail.ru

Тел.: 8 (495) 986-75-67; 8 (499) 263-67-55

*Main Forensic Department of the Investigative
Committee of the Russian Federation,
Moscow State Technical University
named after N. E. Bauman*

Yakovlev A. N., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Deputy Head of Digital Forensic Division of the Main Forensic Department of the Investigative Committee of the Russian Federation, Associate Professor of the Department of the Law, Intellectual Property and Forensics of the Moscow State Technical University named after N. E. Bauman

E-mail: all-eks@mail.ru

Tel.: 8 (495) 986-75-67; 8 (499) 263-67-55

ТРЕБОВАНИЯ К МАТЕРИАЛАМ, НАПРАВЛЯЕМЫМ В РЕДАКЦИОННУЮ КОЛЛЕГИЮ ЖУРНАЛА ДЛЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

1. К публикации принимаются материалы, которые соответствуют предъявляемым требованиям, в том числе тематической направленности журнала. Опубликованные материалы, а также материалы, представленные для публикации в других журналах, к рассмотрению не принимаются. Вопрос о публикации решает редакционная коллегия журнала.

2. Для публикации статьи необходимо представить в редакцию журнала следующие материалы и документы:

2.1. Подписанный автором текст статьи, в который входят:

- индекс УДК;
- название статьи на русском и английском языках;
- инициалы и фамилия автора (соавторов) на русском языке;
- наименование образовательной, научной или иной организации, в которой автор (соавторы) работает или занимает соответствующую должность;
- аннотация и ключевые слова на русском и английском языках;
- дата направления материала в редакцию журнала;
- текст статьи;
- затекстовые библиографические ссылки;
- сведения об авторе (соавторах) на русском и английском языках с полным указанием фамилии, имени, отчества, ученой степени, ученого звания, основного места работы, занимаемой должности, номера телефона (служебного, домашнего или мобильного), адреса электронной почты.

2.2. Электронную версию предоставляемого материала (на USB-флеш-накопителе или оптическом диске).

2.3. Выписку из протокола заседания кафедры (сектора, подразделения); для аспирантов и соискателей – также отзыв научного руководителя о рекомендации пришедшего материала к опубликованию в журнале.

3. Статьи, направляемые в редакцию, подлежат рецензированию, в случае положительной рецензии – научному и контрольному редактированию.

4. Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ, НАПРАВЛЯЕМЫХ В РЕДАКЦИОННУЮ КОЛЛЕГИЮ ЖУРНАЛА ДЛЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ

1. Текст статьи должен быть набран в формате Microsoft Word, шрифт – Times New Roman, размер – 14, через 1,5 интервала; распечатан на белой бумаге с одной стороны листа.

2. Все поля на листе – 2 см.

3. Библиографические ссылки оформляются шрифтом 12 кегля и располагаются в конце статьи. Нумерация ссылок сквозная. Правила оформления ссылок – в соответствии с ГОСТом 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Во избежание ошибок редакционная коллегия рекомендует авторам

самостоятельно не сокращать сноски, всякий раз приводя полные сведения о цитируемом источнике.

4. Объем статьи не должен превышать 16–18 страниц.

5. Названия учреждений, органов государственной власти, международных организаций не сокращаются. Все аббревиатуры и сокращения должны быть расшифрованы при первом упоминании в тексте.

6. Все страницы рукописи следует пронумеровать.

7. Все таблицы и рисунки должны иметь отсылочные упоминания в тексте.

7.1. Таблицы и рисунки должны иметь сплошную порядковую нумерацию (если таблица или рисунок представлены в единственном числе, порядковый номер им не присваивается, и они обозначаются соответственно «Таблица», «Рисунок»). Каждый столбец (колонка) должен иметь короткий заголовок (в нем могут быть использованы сокращения, аббревиатуры). Разъяснения терминов, аббревиатур помещаются в примечании, располагаемом непосредственно после таблицы. Для сноски применяется символ «*». Если используются данные из другого опубликованного или неопубликованного источника, должно быть полностью приведено его название.

7.2. Иллюстрации – схемы, диаграммы, фотографии и др. – должны быть только черно-белыми, иметь порядковую нумерацию. Каждая иллюстрация должна иметь отсылочное упоминание в тексте статьи, размещаться в общем файле непосредственно после упоминания. Электронная версия каждой иллюстрации должна быть представлена в виде отдельного файла в формате tif или jpg с разрешением не менее 300 dpi.

РЕШЕНИЕ О ПУБЛИКАЦИИ И ОТКАЗ В ПУБЛИКАЦИИ

1. Автор, направляя в журнал текст статьи, обязуется до принятия решения о публикации не представлять идентичный материал другим печатным изданиям.

2. В случае если для принятия решения о публикации необходимы познания в узкой области юриспруденции, редакционная коллегия направляет статью для заключения специалистам или экспертам.

3. В отдельных случаях возможна доработка (улучшение качества) статьи автором по рекомендации редакционной коллегии. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде вместе с ее первоначальным вариантом в максимально короткие сроки. К переработанной рукописи автору (соавторам) необходимо приложить письмо, содержащее ответы на сделанные редакцией замечания и пояснение всех произведенных в статье изменений.

4. Отказ в публикации возможен в случаях:

- несоответствия статьи профилю и специфике журнала;
- грубых нарушений, допущенных при цитировании, в том числе при ссылках на нормы права;
- несоответствия статьи критериям научного уровня и практической полезности;
- отрицательного заключения редакционной коллегии;
- опубликования статьи в иных изданиях или представления статьи для опубликования идентичных материалов в другие издания.

5. Рукописи, представленные для публикации, не возвращаются.

THE REQUIREMENTS TO THE MATERIALS DIRECTED TO AN EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL FOR PUBLICATION

GENERAL PROVISIONS

1. Accepted for publication materials which meet the requirements, including the thematic focus of the journal. The published materials as well as materials submitted for publication in other journals will not be accepted. The publication addresses Editorial board.

2. To publish an article must be submitted to the journal the following materials and documents:

2.1. Signed by the author of the article text, which includes:

- UDC;
- title of the article in Russian and English languages;
- initials and surname of the author (coauthors) in Russian;
- name of educational, scientific or other organization, in which the author (coauthors) operates or holds an appropriate position;
- abstract and key words in Russian and English languages;
- the date of the direction of the material to the editors;
- text of the article;
- endnotes bibliographical references;
- information about the author (coauthors) in Russian and English languages with full indication of the surname, name, patronymic, scientific degree, academic status, main place of work, position, telephone number (office, home or mobile), e-mail addresses.

2.2. The electronic version of the material provided (on the USB-flash-drive or optical drive) or e-mail: tanya@law.vsu.ru.

2.3. Extract from the minutes of the meeting of the department (sector unit); for post-graduate students – is also a review of the supervisor of the recommendations sent by the material for publication in the journal.

3. Articles sent to the editor are subject to peer review in the case of a positive review – scientific and controlling editing.

4. The publication of articles is free of charge.

REQUIREMENTS TO ARRANGEMENT OF THE MATERIALS DIRECTED TO AN EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL FOR PUBLICATION

1. The text is printed in a text editor of WinWord, font – Times New Roman, size – 14, interval – 1.5; printed on white paper with one side of the sheet.

2. All of the fields in the sheet – 2 cm.

3. References made out font 12 point size, and are located at the end of the article. Reference numbering sequentially. Rules for reference – in accordance with the state standard specification 7.0.5–2008 «The bibliographic references. General requirements and rules of drawing up». In order to avoid mistakes the editorial board recommends not to reduce references independently, each time pointing out full data on the citing source.

4. The text should not exceed 16–18 pages.

5. Names of institutions, public authorities, international organizations are not reduced. All abbreviations and acronyms should be defined when first mentioned in the text.

6. All manuscripts should be numbered page.

7. All tables and figures should have referential mention in the text.

7.1. Tables and figures should have a continuous serial numbering (if the table or figure presented in the singular, it is not assigned a serial number, and they are denoted by «Table», «Picture»). Each column should have a short heading (it can be used abbreviations and reductions). Explanations of terms, acronyms are placed in a footnote, which is located directly below the table. The symbol «*» is applied for references. If you use data from another published or unpublished source, should be fully incorporated its name.

7.2. Illustration – charts, graphs, pictures, etc. – should only be black and white, have serial numbering. Each illustration should have referential references in the text of the article, placed in the general file immediately after the mentions. The electronic version of each illustration should be submitted as a separate file in format tif or jpg with a resolution of at least 300 dpi.

DECISION ON PUBLICATIONS AND REFUSAL OF PUBLICATION

1. Sending the article to the journal, the author is obliged not to represent identical material to other publishers before decision on the publication is made.

2. The editorial board sends articles for the conclusion to specialists or experts in case if knowledge of narrow area of jurisprudence is necessary to make decision on the publication.

3. In some cases, possible improvements (quality improvement) of the author, on the recommendation of the editorial board. Article directed to the author for revision must be returned in the amended form, together with its original version as soon as possible. By the revised manuscript to the author (co-authors), you must attach a letter containing answers to the comments made by the editorial staff and an explanation of the changes made in the article.

4. Denial of publication is possible in the following cases:

- inconsistencies article profile and specifics of the magazine;
- the rough violations in citing including references to statute rules;
- inconsistencies article criteria of the scientific level and practical utility;
- an unfavorable opinion of the editorial board;
- publication of the article in other publications or article submission for publication of identical materials in other publications.

5. The manuscripts submitted for publication will not be returned.